СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ БМАССР

Е. И. СОРОКОВИКОВ-МАГАЙ

БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ — 1948

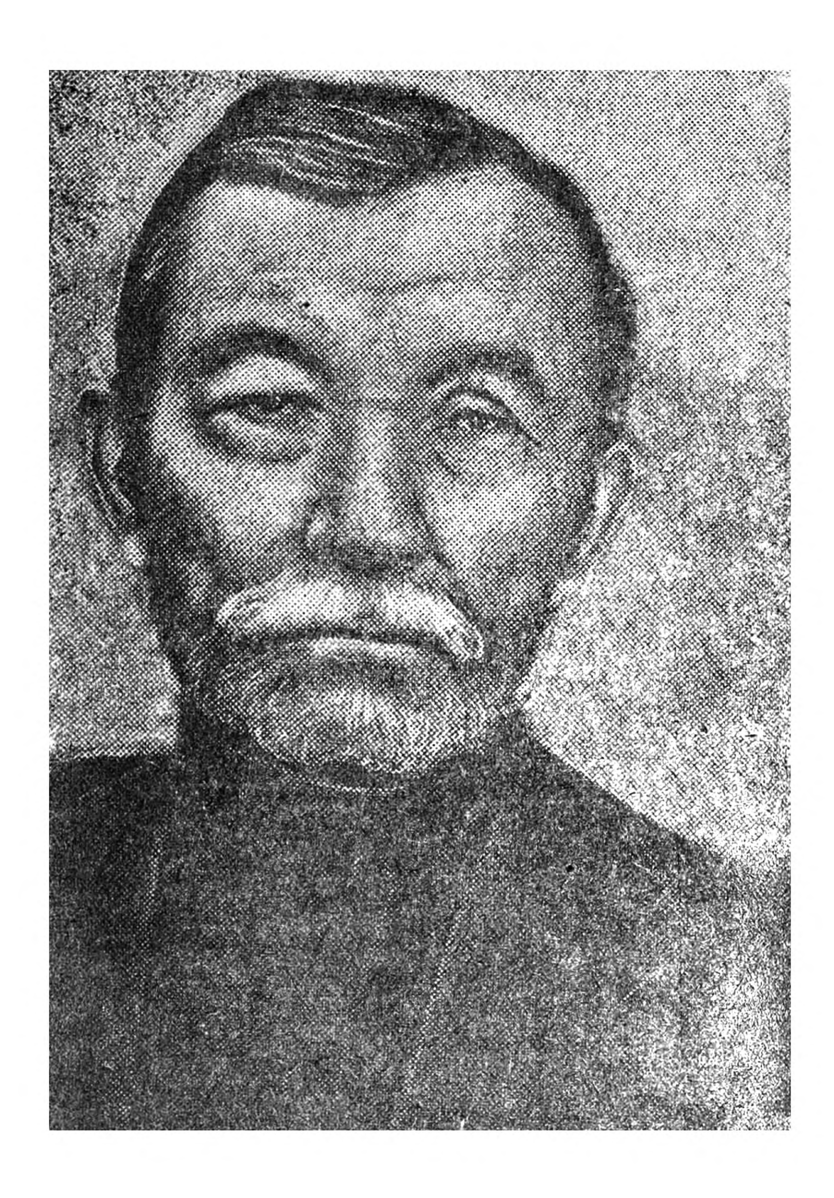
К. И. СОРОКОВИКОВ-МАГАЙ

СКАЗКИ

ЗАПИСИ АЛЕКСАНДРА ГУРЕВИЧА

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЕГОРА ИВАНОВИЧА СОРОКОВИКОВА-МАГАЯ,
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО МАСТЕРА РУССКОЙ СКАЗКИ

Оформление книги
Художника Ф. Балдаева

ЕГОР ИВАНОВИЧ СОРОКОВИКОВ-МАГАЙ.

Очерк.

1868 год. В семье бедняка-охотника, известного всей Тункинской округе, даровитого сказочника, Ивана Федоровича СОРОКОВИКОВА, 7 апреля на радость старикам-родителям родился сын, который рано обнаружил свои незаурядные способности и в усвоении начальной грамоты, и в овладении охотничьей сноровки, и в умении живо, увлекательно рассказывать любую сказку, любую легенду, продолжая тем самым во всём славную отцовскую традицию.

В 1948 году ему исполняется восемьдесят лет со дня рождения. И не только в Тункинской долине, в деревне Талой, Саганурского сельсовета, но и в Москве и в Ленинграде и во всех крупнейших культурных центрах Советского Союза хорошо знают младшего сына Сороковиковых— Егора Ивановича СОРОКОВИКОВА-МАГАЯ.

Сколько красивых былей, сколько волшебных сказок сохранил в своей изумительной памяти Егор Иванович СОРОКОВИКОВ—знаменитый сказитель Тункинской долины Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Республики!

Все художественные образы хранит он в своей памяти, не пользуясь услугами записных книжек, как не пользуются ими и другие сказители, исключительно обращаясь к своей памяти. Тем труднее отделывать образ, отбирать слова, разрабатывать на глазах у слушателей сюжет, сохранять стройную композицию, ни на минуту не забывая о всех выведенных в произведениях героях, следить за их поступками, разговорами, раскрывать их внутренний мир и вместе с тем заставлять аудиторию следовать неотрывно за судьбою своих сказочных героев. Все, кто пожил вместе с Егором Ивановичем, его художественным миром, всякий раз с благодарностью вспоминают об этом.

Великий русский писатель А. С. ПУШКИН, слушая сказки своей любимой няни Арины Родионовны, в восхищении писал: „Что за прелесть эти сказки.—Каждая есть

поэма!“ Выдающимся сказителем, знатоком таких многочисленных поэм и является тункинский охотник Егор Иванович СОРОКОВИКОВ—МАГАЙ.

Издревле существует неписанная народная школа сказительства. Егор Иванович с детства пытливо учился в этой школе, слушая сказки своего отца Ивана Фёдоровича. Отец в свою очередь познал эту школу, учась у лучших сказителей старшего поколения, как русского, так и бурят-монгольского народов. Он научился среди них умению владеть аудиторией, так вести повествования о своём сказочном герое, чтобы ни на минуту не ослабевал интерес к развертывающимся перед глазами слушателей событиям, чтобы, сказывая, всё время держать своих собеседников в взволнованном напряжении за судьбу сказочных героев.

В памяти Егора Ивановича навсегда сохранились многие приёмы отца, которые он применял для проверки подлинного интереса к сказке со стороны его нетерпеливой аудитории.

Вот старые и малые настойчиво просят обязательно рассказать сказку. Можно рассказать. Но важно подчеркнуть, чтобы те, кто просит об этом, умели и слушать сказку, особенно долгую, которая длится часами, которая заканчивается на вторые и третьи сутки. Егор Иванович улыбается, вспоминая, как он не раз переживал это чувство ожидания выполнения рассказать просимую сказку.

В детские годы Егора Ивановича, когда не было массовой грамотности, нужных книг, всех многочисленнейших современных форм культурной работы на селе, которые за 30 лет Октября стали неотъемлемой частью каждого, даже отдаленнейшего уголка, было ощутимым изъяном, когда почему либо не было в охотничьей рыбачьей артели рядом фантаста-сказочника, могущего увлечь за собою своим художественным миром, после напряжённого трудового дня, всех своих сотоварищей охотников и рыбаков, радуя их своими сказками на всё время выхода в тайгу, на Байкал для охоты и рыбалки.

Он вспоминает себя мальчиком, вместе со взрослыми охотниками сидит у костра в лесу или в охотничьем балагане. Сейчас он в десятый раз услышит свои любимые художественные сказки „О Иване-Царевиче и Сером Волке“, о Илье Муромце. Но отец почему-то начал сказку „Про любителя сказок“. Надо ее выслушать. И звучит короткая сказка—предупреждение тем, кто подобно этому любителю сказок, увлекшись, слетел с палатей и чуть не разбился ... Среди слушающих раздается дружный хохот. Выждав нужную минуту, отец начинает новую сказку.

Теперь, вероятно, эта и есть желанная художественная сказка! Но нет и на этот раз отец подчеркнуто рассказал народу другую сказку-предупреждение. Она предостерегает всех тех, кто начнёт мешать, перебивать сказителя — останется без желанной сказки, сказитель быстро закончит, оборвёт своё повествование и длинная ночь в балагане или под открытым небом пройдет сумрачно, без яркого художественного слова, которое так горячо любит народ, так всегда жаждет его услышать из уст мастера народной поэзии.

Снова раздается смех, но уже больше не в силах весь охотничий люд сохранять терпение, ждать, когда же польётся доподлинная сказка.

—Начинай!—раздаются голоса.—Да подлиньше!

Тишина.

Иван Фёдорович рассказывает:

—В некотором царстве, в некотором государстве, жил был царь Картаус без бороды и без ус. И он задумал из костей царство строить и объявил всем своим подданным в государстве возить кости, мочить да возить. Вот они возют да мочут. Вот они мочут да возют. Вот они мочут и возют ...

Но что это? Хотя по внешнему сходству всё в зачине напоминает традиционную русскую сказку, но и она лишь снова экзамен на внимание, на умение терпеливо ждать обещанное художественное слово.

Теперь, когда аудитория поняла, что от неё требуется, когда она подготовлена, можно начинать сказывать до ранней зари, никто и ничто не помешает творческому настроению сказочника, сказка будет по-настоящему прослушана, потому что она всякий раз открывала охотникам и рыбакам, подобно юному Горькому, „просвет в другую жизнь, где существовала и, мечтая о лучшей жизни, действовала какая-то свободная бесстрашная сила".

И Иван Фёдорович начинает одну из сказок из своего большого репертуара, которым он владел на двух языках— русском и бурят-монгольском. И среди других слушателей особенно весь превратился в слух маленький Егор. Он хочет знать как можно больше сказок, исполнять их как можно лучше. Так через несколько десятилетий будут внимательно слушать Егора Ивановича в наших Домах культуры заслуженные мастера художественного чтения, впиваясь в него глазами, желая изучить и мимику, жест, интонацию голоса, отметить для себя каждую деталь из его выступления.

Долгую сказку трудно запомнить сразу настолько, чтобы можно было её пересказать другим. Дома Егор Иванович просит отца ещё и ещё раз пересказать ему понравившийся сюжет. Отец обещает, но не может выполнить тотчас

же: ему нужно уходить снова на охоту, нет времени задерживаться с сыном, заниматься с любимцем своим. Охота единственный источник, посредством которого он может прокормить свою многочисленную семью, кое как выбиться из самой острой нужды. Но вот проходит день, другой, отец вернулся, и он продолжает прерванную охотой сказку. И здесь, словно в „Тысячи одной ночи", наступает снова перерыв каждый раз на самом интересном, увлекательном месте и нужно терпеливо ждать, когда отец порадует новым продолжением. А пока, будущий именитый сказитель— пытливый мальчик Егор волнуется, как будет отцом досказаны следующие части сказки, какова судьба будет у Еруслана Лазаревича, Бовы-королевича, Ивана-царевича, безымянного хорошего охотника...

Много нужно было упорства, чтобы так с длительными перерывами по-настоящему заучить и усвоить длинные отцовские сказки. Зато сколько радости, когда сказка не только окончена, но и хорошо усвоена! Её нужно сейчас же побежать и рассказать соседским ребятам. И Егорушка, как его звали дома, постоянно окружен детворой, своими сверстниками. Подобно Алексею Максимовичу Горькому, который в детские годы, прослушав сказки своей бабушки Кашириной, также выступал в роли опытного сказочника среди юных нижегородцев так и здесь в Тункинской долине самый младший из семьи Сороковиковых увлекал своих первых слушателей волшебным миром отцовских сказок.

Иван Фёдорович не только умел и любил слушать сказки, но и читал их в книгах, и старательно переписывал их от руки. В те далекие годы нельзя было достать книг в желанном количестве, особенно в глухой деревне, не было их как правило, и на сельском рынке. И вот Егор Иванович, например, по рукописи усваивает сказку „Конёк Горбунок" П. П. Ершова. А рядом с этой знаменитой Ершовской сказкой он узнает от отца, как передается она в народе по-своему, по-особому. Егор Иванович до сих пор рассказывает обе сказки, отнюдь не путая их стихов при исполнении, всякий раз подчеркивая, что вот это народная, а вот эта— ершовская сказка. Иногда лубочные картинки заменяли Егору Ивановичу книжные сказки. Всматриваясь в содержание лубочных картинок, видел он тех самых богатырей, о которых слышал в устно-поэтической передаче отца. Иногда они дополняли воображение, при создании внешнего облика героя, портрет которого первоначально рисовал Егор Иванович своим слушателям, имея перед собою нарисованную картину. Значительно позже попали в руки Егора Ивановича детские книги с картинками,

выполненными художниками-мастерами. Через пятьдесят лет, благодаря Советской власти, Егор Иванович впервые посетил Третьяковскую галерею и всю свою любовь к произведениям живописи, привитую с детства народным лубком, всё своё восхищение перед художниками кисти он передает в сказке про дедушку Степана, когда тот, подобно автору сказки, сам стоял здесь перед картинами и восторгался их силой выразительности, красотою исполнения.

С далеких детских лет горячо полюбил Егор Иванович сказки А. С. ПУШКИНА. И теперь, убеленный почтенными сединами, он, как в те далекие годы, с воодушевлением рассказывает нам самую любимую из своих пушкинских сказок—сказку о Царе Салтане, уносясь мечтою в ранние годы свои, в годы первых ещё тогда робких шагов сказительства.

Глубина и звучность пушкинских стихов неизменно пленяет чуткого художника слова Егора Ивановича.

Четыре сказки в стихах знает Егор Иванович. Это:— „Конек Горбунок", „О Царе Салтане", „Про Федота-Зеворота", „Гитлирище Поганое и его Хвост", последнюю он включил в свой репертуар в 1942 году, усвоив её по тексту бойцов—героических защитников полуострова Ханко.

И здесь он верен себе в отборе стихотворных сказок, как и в отборе понравившихся и не понравившихся сюжетов прозаических произведений, сказок-повествований, сказок-новелл.

Многие охотники Тункинского аймака и далеко за его пределами, для которых книга, в силу их тяжелой жизни при царизме, не являлась другом, труженики в массе своей были лишены даже и первоначальной грамоты, они впервые в вершинах Саянских гольцов, вдали от своих сёл и деревень знакомились с содержанием художественных произведений русской классической литературы, лишь слушая их в талантливых пересказах Егора Ивановича. Сгрудившись вокруг него в часы отдыха, в затерянной таежной охотничьей избушке, они впервые узнавали о Пушкине, Лермонтове, Крылове, Гоголе, Горьком.

Многих классиков, к великому сожалению, не читал и сам сказитель и никогда не слыхал о них, но книги каждого писателя, которые случайными путями попадали в руки Егора Ивановича, навсегда глубоко западали в душу этого необычайно вдумчивого читателя и становились достоянием, через его устную передачу, всех тех окружавших его людей, которым выпало счастье проводить время в труде и отдыхе с Егором Ивановичем—увлекательным собеседником, смелым охотником, неутомимым следопытом Тункинских альп.

Дорог Егор Иванович для нас еще и тем, что он один из тех замечательных представителей русского народа, который, как и его отец, много сделал для популяризации русской сказочной культуры среди бурят-монгольского народа. Хорошо владея бурят-монгольским языком, он несёт в широкие массы бурят-монгол веками выработанные образы русских сказочных героев на доходчивом для них родном языке. Этот взаимообмен духовной культурой Егор Иванович углубляет будучи знатоком многих бурят-монгольских сказок. Он умело передаёт их на русский язык, сохраняя всю свежесть, весь художественный аромат, знакомя русскую аудиторию с лучшей сказочной традицией, выработанной столетиями бурят-монгольским народом, его талантливыми улигершинами, гэсэрчинами.

На вечерах народных сказок Егор Иванович с большой охотой выступал и талантливым переводчиком-импровизатором, раскрывая аудитории содержание сказок бурят-монгольских сказителей, совместно выступавших с ним на вечерах фольклора.

Многие фольклорные мотивы бурят-монгольских сказок берет он для себя при работе над своими новыми сказками. Когда в сказке „Чудесные небесные птицы" сын дедушки Степана сталкивается с чудовищем, перед творческим воображением Егора Ивановича встает смелый бурятский охотник Сактахи Мэргэн, его борьба со зверем-великаном и Егор Иванович творчески переносит отсюда отдельные детали в свой новый замысел сказки.

В седьмом колене семья Сороковиковых имела своего предка-бурята. Имя его—Магай. В повседневной тесной трудовой дружбе с бурятами проходит жизнь Егора Ивановича и на своих печатных сказках он просил написать имя своего отдаленного предка, зачинателя рода Сороковиковых. Он сделал его своим литературным именем. Читатель знает автора—Сороковикова-Магая. Этот факт является одним из ярких свидетельств нерушимой дружбы бурят-монгольского и русского народа, которая растет и крепнет в сталинской семье народов.

Многие эпизоды известных русских народных сказок Егор Иванович рассказывает по-своему, как ему кажется лучше, убедительнее, художественно более оправдано. В этом и состоит особое отличие сказителя Сороковикова от сказителей Конашкова, Ковалева, Барышниковой, Тороева, Чичаевой и многих других сказителей старшего и младшего поколения. Это своеобразно-индивидуальное мастерство и определяет место Егора Ивановича среди знатоков русской народной сказки.

Он по-своему разрабатывает мотивы поступков героев своих сказок, раскрывает их характер, не просто повествует о их действиях, но всякий раз сопровождает своим сороковиковским, авторским объяснением, постоянно вносит в свои сказки ряд оригинальных, своеобразных деталей.

На примере творчества Егора Ивановича Сороковикова мы ещё и ещё раз убеждаемся в правильности известного положения, что „каждая сказка должна считаться произведением того, кто её пересказал, ибо каждый пересказчик и выбором своей темы и способом её изложения совершает творческий акт“.

Каждый сказочник является и автором рассказываемой им сказки, хотя нам самый первый автор любой традиционной русской сказки такой как, например, „Иван-Царевич и Серый Волк“, „Иван-царевич и Буй-Волк“ и многих—многих других совершенно неизвестен, он утрачен в веках. И вместе с тем каждый раз оживает он заново, встает перед нами во весь свой величавый рост, когда мы слышим бессмертные сказки русского народа в устах различных сказочников.

„Среди них есть талантливые и бездарные, с богатым оригинальным воображением и несамостоятельные подражатели, опытные и новички в искусстве, весельчаки-юмористы и суровые моралисты-проповедники, приверженцы религии и смелые атеисты, фантасты-романтики и реалисты. Другими словами, в психологическом и идеологическом отношениях, в степени мастерства и одаренности в среде носителей фольклора (т. е. создателей и исполнителей), мы можем встретить не меньшее разнообразие индивидуальных обликов, чем в письменной художественной литературе. Таким образом, о фольклоре как о творчестве будто бы безличном говорить не приходится. (Акад. Ю. М, Соколов—„Русский фольклор“, 1938 г., стр. 10)

К славной плеяде выдающихся, замечательных сказочников в первую очередь и принадлежит наш славный юбиляр, который не только сохранил в своей памяти сказки отца, деда и прадеда, но в своей передаче, в своём пересказе внёс своё неповторимое художественное начало, которое по-новому окрашивает любой известный сказочный сюжет, и мы говорим, слушая и читая эти сказки, о сороковиковской манере сказывать, передавать стародавние и новые сказочные сюжеты.

Достаточно сравнить хотя бы некоторые его сказки с теми, которые опубликованы на протяжении столетия в сборниках видных русских фольклористов—собирателей народной поэзии, и мы убедимся в том, что в лице Егора Ивановича мы, действительно, имеем незаурядного мастера.

Он не подходит к готовым сюжетам, как к застывшим, раз навсегда данным, а всякий раз по-своему переплавляя их, перевоплощая так, как это ему кажется будет лучше, художественно более оправдано, вернее мотивировано.

Эта сороковиковская творческая манера вызывает законную гордость русской фольклористики—науки о фольклоре, и особенно у сибиряков и в первую очередь в Бурят-Монголии, где живет и работает среди нас сказитель такого большого умения, который заслуженно занимает почетное место в галерее имён славных русских сказочников, труды которых изучают филологи всего Советского Союза, весь научный филологический мир.

„Талантливые представители народного искусства—Винокурова, Куприяниха (Барышникова), Ковалёв, С о р о к о в и к о в (разрядка наша—А. Г.) Коргуев, Богданова-Зиновьева, Марфа Крюкова и др. привлекают к себе общее внимание, как творцы фольклора и получают мировую известность". („Советская этнография" 1947. №4, стр. 44).

Из восьмидесяти лет—семь десятилетий сознательного творческого труда! Основным жанром сказительства Егора Ивановича являются фантастические сказки. Кажется, что он всегда только им и принадлежит, особенно, когда слушаешь в его исполнении художественные эпические сказки со всеми их традиционными зачинами, постоянными формулами, концовками.

Да, здесь он, действительно, полный хозяин в этом царстве художественных фантастических сказочных образов! Но когда вы знакомитесь ближе с Егором Ивановичем, узнаете, что ему далеко не чужды и сказки реалистические и юмористические, сказки-анекдоты, побасёнки. Будучи убежденным атеистом, он зло высмеивает все и всяческие суеверия, клерикальный мир в своём излюбленном цикле антирелигиозных сказок. Его симпатии всегда на стороне умных, сметливых бедняков, которые как правило, на несколько голов выше своих эксплуататоров (попа, помещика, барина).

Горячо любит Егор Иванович историю своего народа. Он знает много народных сказаний и о русских богатырях Илье Муромце, Егоре Святогоре, о князе Владимире, о Иване Грозном, Петре великом, Ермаке, Степане Разине. Об одних он читал в исторических книгах, о других—в художественных романах. Былина о русских богатырях, исполнявшаяся в Сибири на голос по типу северных мест России, в Тунке жила в творческих пересказах, превращаясь в героическую сказку. Произошло соединение различных былинных мотивов: исцеление Ильи каликами (странниками), Илья и Соло-

вей Разбойник, Илья и Калин-Царь, Святогор и Илья. Так она звучит и в передаче Егора Ивановича. Легенды, предания о Ермаке и Степане Разине бытуют в разных концах Тункинского аймака, слышал их не раз в беседе с охотниками и Егор Иванович.

История Советского государства, биографии великих вождей Ленина и Сталина особенно интересуют Егора Ивановича. Автор ряда современных сказок, он пытается в художественном плане, средствами сказочных образов, своих творческих приёмов дать свои зарисовки портретов величайших гениев человечества. Знакомясь с жизнью и деятельностью Ленина и Сталина через историческую, художественную и фольклорную литературу, он стремится все это вместе переплавить через свое творческое восприятие и донести до читателя свой сороковиковский рисунок.

Здесь он уже многое сделал, но очень многое ему ещё предстоит сделать, чтобы достичь нужного уровня, чтобы в его сказках были воплощены во всём своём величии образы Ленина и Сталина.

Автор идёт здесь путем отдельных зарисовок, постепенно создавая из отдельных деталей, волнующих его воображение, образы. И переходя от детали к детали, он стремится создать тот портрет, который ему очень хочется создать, как можно лучше, как можно совершеннее. Через раскрытие величия ленинско-сталинских дел, патриотического служения Родине, своему народу подходит он к своей большой и ответственной задаче. И нет сомнений в том, что он её разрешит в нужном для автора и читателя направлении. Егор Иванович мечтает создать такую сказку о Ленине и Сталине, которая бы, как говорит он: „Была бы красивее и чище и светлее всяких других моих сказок, чтобы эта сказка была победительницей всех моих сказок".

Образы Ленина и Сталина—величайших вождей народов в творчество современных сказителей занимает центральное место.

„Развернувшийся процесс социалистического преобразования общества выдвинул множество богатых и увлекательных тем, достойных кисти великих художников. Народ уже отбирает из этих тем лучшие зерна и постепенно создает отдельные зарисовки для эпико-героических поэм о великой эпохе и ее великих героях, как Ленин и Сталин" (М. И Калинин. О коммунистическом воспитании).

С именами Ленина и Сталина связано всё лучшее, что есть теперь в жизни каждого народа страны Советов, подлинными представителями которых являются народные сказители. Своё общественное служение народу многие из них

начали в советские годы, сформировались за тридцать лет Октября. В их лице мы видим неутомимых агитаторов-пропагандистов, отдающих всё своё творчество славному делу служения интересам партии Ленина—Сталина, социалистической Родине. Вот почему каждый из наших сказителей стремится как можно лучше, как можно ярче создать художественные образы вождей, поэтически взволнованно рассказать о нашей современности многомиллионным читательским массам.

В своей первой аллегорической сказке—„Богатырь и двуглавый Орёл", посвященной В. И. Ленину, Егор Иванович повествует о том, как народ под тяжелым ярмом самодержавия ждёт своего багатыря-избавителя и, как он приходит к нему, преодолевая все препятствия и побеждая все трудности, которые стояли на его пути. Сказочник рисует народного богатыря юношей, вечно молодым, нестареющимся, несущим свою животворную силу народу своему. И когда богатырь избавил народ от чудовищных мучений, вековых насилий и страданий—совершил свое великое дело—земля расцвела.

Сталинская забота о человеке волнует, трогает душу сказителя. В сказке Егора Ивановича—„Чудесные небесные птицы" труженик тайги—охотник с величайшей признательностью испытывает её на себе. О трех смелых лётчицах—крылатых подругах—думает Сталин в самые трудные для них минуты жизни. Сталинскую заботу ощущает на себе каждый труженик страны социализма, и это раскрывает в своей новой сказке—„Сталинский источник"—даровитый сказитель.

Все названные нами три сказки объединяют этот центральный мотив, они дополняют одна другую и, конечно, автор найдёт еще огромное множество конкретных фактов, отражающих сталинскую заботу о человеке и нужное, подлинное, художественное отображение этой великой любви к человеку.

Извечная тема в фольклоре—поиски счастья героем легенды, сказания, сказки. Она по-новому оживает в сказке „Самое дорогое". В колхозе, в родимом для сказочника Прибайкалье, возник спор, что есть самое дорогое на свете? Каждый из спорящих отвечал по-своему на поставленный вопрос. Чтобы найти нужный, правильный ответ колхозники выбирают трех ходоков, и они отправляются по необъятной стране в поисках самого дорогого. На каждом шагу их встречает новое, необычное, невиданное, сделанное по воле партии Ленина-Сталина. И ходоки при каждой такой встрече готовы уже сказать в один голос, что вот это-то и есть искомое, это-

то и есть самое дорогое, в поисках которого они и идут по стране от лица своей колхозной земли, своего колхоза.

Но чудодейственный заветный клубочек, взятый ими в качестве путеводителя, всё катится и катится, не останавливаясь даже там, где кажется бесспорно, что перед глазами путников предстало уже самое лучшее, самое дорогое. Вот они перед Кремлевским дворцом, заветный клубок остановился около Сталина и здесь исчез. Колхозники Прибайкальского колхоза в обществе великого Сталина. Они нашли самое дорогое для советских людей, для всего прогрессивного человечества. И об этом с величайшей радостью и гордостью позже расскажут они своему колхозу, своим сотоварищам по труду.

Эта сказка первоначально сложена не Егором Ивановичем, а его современником карельским сказителем Фёдором Конашковым, но как видим Сороковиков не останавливается при работе над образом товарища Сталина на сказках лично самим Егором Ивановичем созданных, а берёт и творчески обрабатывает по-своему сюжет сказки другого автора, по примеру того, как он осваивает творческое наследство от своего отца, когда рассказывает народу стародавние русские традиционные сказки.

Через показ незабываемой встречи с вождём, которая навсегда определяет дальнейший путь героя сказки, направленный на патриотическое служение интересам Родины, через показ новой Сталинской Москвы Егор Иванович идет к разрешению своей благородной творческой задачи.

Во многих новых сказках Егора Ивановича высшей наградой за труды, за пережитое для героев сказок является волнующая встреча с вождем, его отеческая беседа с ними, неповторимые впечатления о грандиозной, поражающей воображение, новой социалистической Москвы.

Личные впечатления, полученные сказителем от Москвы, положены им в основу при разработке своих новых сказочных сюжетов. Везде, где побывал сам сказитель, он направляет туда и своих героев. Их поступки и действия в Москве сливаются с авторскими, во многом являются автобиографичными. Только в наши дни простой сказочник мог осуществить свою давнюю мечту побывать в Москве, познакомиться с её достопримечательностями, тоже происходит и со старым охотником дедушкой Степаном и с молодым охотником Фёдором, и с посланцами прибайкальского колхоза. Всё это служит одной творческой цели, одной задаче: раскрыть образ товарища Сталина. Характер людей нашей эпохи, воспитанные Сталиным крылатые подруги, патриот-охотник Фёдор, партизан-рыбак Василий—все они своими

действиями, поступками, направленными на благо народа помогают ещё глубже познать гениальный образ вождя — учителя и друга трудящихся масс. Трудно в одной сказке создать любимый образ Сталина, показать всю его мощь и силу, все его значение для нашей страны, для всего прогрессивного человечества. И поэтому в каждой сказке Егор Иванович стремится разработать какую-нибудь одну деталь, одну часть из выношенного им образа.

Несмотря на свой преклонный возраст Егор Иванович слагает свои новые сказки всё с большим и большим творческим подъемом. Он вполне может сказать о своём новотворчестве словами Алексея Максимовича Горького: „Молодым людям покажется смешным если я, старик, сознаюсь что пишу сейчас в том настроении, которое на утренней, заре культуры позволяло людям создавать неувядаемые поэмы, легенды. Да, я пишу именно в таком настроении."

Героическая действительность, социалистическая романтика дала возможность Егору Ивановичу найти нужные сюжеты для своих новых сказок. Много здесь еще несовершенного в его творчестве, схематичного, неотделанного.

Схематичной, в отдельных эпизодах, бледной, незавершённой получилась у Егора Ивановича сказка „Бабушка Афимья". Но эта же самая сказка в передаче известной красноярской сказительницы Е. И. Чичаевой становится полнокровной, значительной, становится законченным художественным произведением. А сам Егор Иванович для известной конашковской сказки „Самое дорогое" нашёл новое звучание, более глубоко раскрыл нашу яркую современность.

Можно предположить, что старая традиционная сказка также по настоящему зазвучала как правило лишь после того как стала переходить от одного автора к другому, из уст в уста, из поколения в поколение. Аналогичное явление мы можем проследить и на примерах творческой практики целого ряда современных сказителей.

Несомненно, что наша советская сказка будет с каждым разом становиться ещё ярче, ещё художественно совершеннее при работе над ней всей славной семьи наших даровитых народных сказителей. Каждый из них, по мере сил и умения, слагая новый сюжет сказки создает нужную основу для сегодняшней и будущей советской сказочной культуры. Внёс свой вклад своим новотворчеством и Егор Иванович Сороковиков.

М. И. Калинин говорил: „И вот зародился уже советский эпос, который воссоединил линию народного творчества далекого прошлого и нашей эпохи, оборванную капитализмом, который враждебен этой отрасли духовного произ-

водства." (М. И. Калинин—О коммунистическом воспитании. М. 1945 г). Только в нашей стране за годы советской власти возникли новые сюжеты народных сказок, они нашли свой дальнейший рост, свой дальнейший расцвет.

В наши дни „желаемое и должное—„мечта"—выступает в художественном произведении ввиде живого образа, образа человека, носителя нового морального общественного начала.

„Мы являемся,—пишет А. А. Фадеев,—представителями общества, где субъективные чаяния художника совпадают с объективным ходом общественного развития, мы можем в реальной действительности находить живых людей, носителей нового морального начала.

... Какие счастливцы мы, художники советского, социалистического общества, когда в нашей действительности реально существует новый советский человек, носитель самой передовой всечеловеческой морали! Впервые из под пера художника возник герой литературы, который является подлинным героем жизни, творцом и созидателем коммунистического общества." (А. Фадеев—Задача литературной критики. Жур. „Октябрь", 1947 г., № 7.)

В 1937 году на страницах газеты „Правда", в книге, посвященной XX-летию Октября—„Творчество народов СССР", появилась первая в творческой жизни сказителя новая сказка на советскую тематику. Она была первой сказкой и для самого сказочника и для всех известных нам сибирских сказителей.

Эта первая сказка „Как охотник Федор японцев прогнал" была включена в учебные книги, пособия и стала одной из любимых сказок советской молодежи. По сюжету этой сказки был создан и мультипликационный фильм.

С того времени прошло много лет. Советский народ под руководством великого Сталина разгромил фашистскую Германию и империалистическую Японию, и Егор Иванович продолжил свою патриотическую сказку. Его герой уходит в ряды Советской Армии, мужественно сражается с японскими самураями и выходит победителем. Вместе со всеми советскими людьми он счастлив, что осуществилась сорокалетняя мечта старшего поколения русского народа—возвращён Порт-Артур.

Горячая любовь к Родине пронизывает первую и вторую часть сказки. Автор объединяет обе самостоятельные части и перед нами одна стройная, законченная новая патриотическая сказка, спаянная в своём композиционном единстве.

Работа сказочника над новой редакцией своей старой сказки, нескончаемые поиски нового, стремление обогатить

любимый образ охотника Федора—героя сказки—свидетельствует о большой неиссякаемой творческой силе Е. И. Сороковикова.

Мы убеждаемся в этом и на примерах его работ над новыми деталями в сказке „Чудесные птицы", куда он внёс новые картины, новые факты из жизни Красной Москвы, из её героического прошлого и настоящего, сделав её еще ярче и увлекательней.

Герой этой сказки, старик—охотник—дедушка Степан, благодаря сталинской заботе о человеке не только получил возможность приумножить свою радость тем, что увидел спасенным своего сына от неминуемой гибели, но и получил возможность широко ознакомиться с новой сталинской Москвой, наполнить сердце своё радостью и гордостью советского гражданина, осматривающего столицу, восторгающегося ее красотой и величием.

Творчески перерабатывая свои сказки, Егор Иванович попрежнему продолжает быть творцом новых сказочных сюжетов, раскрывая в них различные стороны нашей многогранной социалистической действительности. Одна из этих сказок публикуется в настоящем сборнике, с другими—сказочник познакомил нас, пересказав лишь их основную сюжетную линию.

В новой, сложенной летом 1947 г., сказке—„Сталинский источник" события происходят в родимых гольцах сказителя, в семье престарелого охотника Григория. Автор исходит здесь из народной легенды об Аршане.

Герой сказки—Митя нашел целебный источник—Аршан. Жадные багатеи отнимают сокровищницу здоровья трудящихся у бедняка-охотника, начинают эксплоатировать курорт. Источник уходит вглубь земли, и только мудрые богатыри Ленин и Сталин передают источник в руки подлинных хозяев—трудящихся масс, и он забил с неиссякаемой силой.

Это единение природы с лучшими человеческими поступками—характерный мотив многих народных сказок и один из любимейших творческих приемов сказочника Сороковикова.

В своей новой сказке—„Сталинский источник" он рассказывает о праве советских людей на отдых и на труд. Сказка „Сталинский источник" является продолжением творческой линии Егора Ивановича, художественным обобщением конкретных фактов, записанных в Сталинской Конституции.

Героические годы Великой Отечественной Войны советского народа. В глубоком тылу в минуты отдыха в цехах заводов, на колхозных станах, в красных казармах,

в школьных, университетских аудиториях внимательно слушают рабочие, колхозники, интеллигенция взволнованное художественное слово славного патриота—сказителя Е. И. Сороковикова-Магая. Сколько сердечных, тёплых слов слышал в ответ на свои сказки от своей признательной аудитории каждый раз после своего выступления—Егор Иванович.

Сердца наполнялись патриотической гордостью за славные чувства, которые будили, несли с собою сказки, рожденные в далекой древности пытливым русским умом. Каждый мог выразить думы свои о силе и свойстве русских народных сказок словами Алексея Николаевича Толстого, которые он написал как бы от их лица, в эти незабываемые героические дни, на страницах газеты „Правда" в своих зажигательных призывах, немеркнувших публицистических статьях.

„Славянин был воин-пахарь, воин-охотник и рыболов, не расстававшийся с мечом и рогатиной ни в поле, ни в лесу. Долгие зимы не усыпляли ум его,—в лесной глуши, в снегах, в курных избах он складывал песни и плел вязью слов волшебные сказки. Ни один народ в мире не создал столь богатой изустной литературы. В ней отражена вся его сложная, богатая, талантливая, мечтательная, пытливая, веселая и вольнолюбивая душа".

Всем было ясно, что литература этого рода устно-поэтическая не была лишь плодом народного досуга и в далеком прошлом и теперь, когда слушали здесь в глубоком тылу Егора Ивановича. Нет, „она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души.

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, врачевание, сопровождавшееся заговорами, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, говорившиеся нараспев под звон струн, о славных подвигах богатырей,—защитников земли и народа, героические, волшебные, бытовые и пересмешные сказки".

В эти решающие героические дни и советский писатель и народный сказитель одинаково обращались к сказочным образам, чтобы выразить весь огромный пафос любви к своему народу, к своей Родине".

„Через Москву—писал А. Н. Толстой—наш путь в будущее. Под Москвой германская военная машина изнеможит. И тогда изменится весь ход войны".

Как Иван в сказке, схватился весь русский народ с чудом-юдом двенадцатиглавым на Калиновом мосту. „Раз-

съехались они на три прыса лошадиных и ударились так, что земля застонала, и сбил Иван чуду-юду все двенадцать голов и покидал их под мост".

Вместе со сказками ближе и дороже становился каждому в аудитории и тот, кто бережно с детства сохранил в своей памяти все жемчужины народно-поэтических образов и нёс их повседневно, не считаясь со своим возрастом, здоровьем в массы. Желанным другом был везде Егор Иванович и в армейских частях, и в госпиталях, и в школах, и на производстве, и в колхозах. Сказки его, как и произведения всех других народных сказителей в дни Великой Отечественной войны, состояли на вооружении советского народа наряду с самолетами, танками, боеприпасами.

Еще задолго до войны участники слета сказителей в Москве в своем обращении ко всем сказителям Советского Союза, писали:

„Мы, сказители, не можем стоять в стороне от великих дел нашей страны. Мы помогали, помогаем и будем помогать партии ковать народное счастье, строить нашу счастливую жизнь. В годы, когда по нашей стране гремели громкие громы революции, сказители шли в голове отрядов Красной Армии. Сказками и песнями они помогали крушить врага.

...Пойте о славе нашей родимой земли, о силе ее оружия, о храбрости ее воинов. („Литературная газета," 5/VII, 1939 г).

Бережно сохраняя в памяти эпические сказания своего народа-богатыря, Егор Иванович Сороковиков создает в эти дни новые патриотические сказки о новых богатырях-великанах советской земли, которые воплотили в себе все лучшие черты из многовековых эпических героев многонациональной семьи Советского Союза.

Вот новелла о рыбаке Василии и его семье. В ней рассказывается об обычной, рядовой колхозной семье, о ее трудовых буднях, прерванных вероломно напавшим на нас коварным врагом. Когда рыбак Василий узнает, что страну терзает кровавый хищник, он не задумываясь уходит добровольцем. Несколько позже в едином священном порыве—защиты Родины—собралась вся семья Василия у берега Днепра, не договариваясь о такой встрече.

Рыбак Василий и его семья—эта маленькая ячейка большой советской семьи, которая отдавала все силы и знания и если нужно и жизнь в упорной борьбе с проклятым фашизмом, свято исполняя указания товарища Сталина „истребить всех немецких оккупантов до единого, пробравшихся на нашу Родину для ее порабощения".

—„Докуда вы будете разорять землю? Докуда вы будете нарушать наш порядок? Сколько вы наделали издевательства и насилия. Вы не люди, а звери! Дал нам задание товарищ Сталин не щадить себя до последней капли крови и бороться с вами, уничтожать вас, чтобы вы стерты были с Советской земли! и это дело мы сделаем. И делаем!“.

Громом аплодисментов покрывали всегда слушатели Егора Ивановича эти заключительные слова из новелистической сказки „Рыбак Василий и его семья“. Сколько оптимизма, веры в силы народа, в сталинский полководческий гений заложено в этих простых словах, с которыми шёл в массы тупкинский сказочник—охотник Егор Иванович Сороковиков-Магай. И с какой законной гордостью после великой победы Советской Армии он рассказывает теперь о рыбаке Василии и его семье, о их патриотических делах, говоря о разгроме немецкого фашизма.

Аудитория ждала всё новых и новых сказок, не только на традиционные темы, но и на темы периода Отечественной войны. Он создает тогда новую сказку, близкую и к своей ранней сказке „Богатырь и двуглавый орел“, названную им „Богатырская семья“. Эта аллегорическая сказка. В ней дан обобщающий образ русского могучего богатыря вместе с его младшими братьями—всеми республиками Советского Союза, образ славной богатырской семьи народов, воспитанной гением Ленина—Сталина, чудесно преображающей окружающий ее мир. Но вот в один из ясных дней приостановлена созидательная работа богатырской семьи. Над страной нависла страшная туча. Она не полила землю плодоносным дождём, потому что вместо дождя из неё попадали страшные звери и лютые змеи, набросившиеся на страну богатырей, чтобы навсегда её уничтожить.

Началась борьба не на живот, а на смерть. Победила славная богатырская семья, выполняя указание мудрого человека, гения человечества—великого Сталина. Чудовищные звери и змеи попадали в уготованную для них бездонную пропасть. В стране израненной и истерзанной наступил мир, и земля расцвела благоухающими цветами.

В годы Великой Отечественной войны Егор Иванович хорошо понимал значение его творческой работы, неустанно учился, чтобы, овладев нужными фактами, сложить новые патриотические сказки.

Он приходил в фольклорный отдел Иркутского Областного музея подолгу простаивал у стендов с фольклорными материалами, читал новые патриотические сказки, песни, частушки современных сказителей, а параллельно с этим внимательно слушал лекции и беседы на международные

темы и невидимо для постороннего глаза начинал складывать, создавать сюжеты новых советских сказок. В это время появляются сказки: „Сон Гитлера“, „Бабушка Афимья“ и другие.

В эти дни он включил в свой репертуар „Гитлирище поганое и его хвост“, хотя она на первый взгляд по жанру своему была чужда ему, но Егор Иванович решил, что такая сказка-издевка, сложенная бойцами в боевой обстановке, очень нужна и здесь, в тылу.

Он выступил с ней раз, другой и третий, на первых порах внося лишь незначительные изменения в текст, но чем чаще он выступал с ней перед народом, тем всё больше и больше убеждался, что и эта сказочка-раёшник чрезвычайно нужна тем, что она умножает науку ненависти к врагу, зло высмеивает его бахвальство, раскрывает подвиги красных партизан.

„Очень одобряют, говорят, что это такая сказка—лучше некуда“,—пересказывал Егор Иванович впечатления своей аудитории. И тогда он усиливает диалог девяностолетнего патриота с гитлирищем поганым, углубляет психологический рисунок, находит для сказки свою концовку и своих неизменно благодарных слушателей.

Многим обязаны школы Восточной Сибири Егору Ивановичу Сороковикову, не раз можно было видеть его среди учащихся начальных и средних школ и студентов высших учебных заведений.

Вечера и утренники встреч с Егором Ивановичем являлись прекрасной наглядной иллюстрацией при работе словесников со школьным, программным фольклорным материалом. Учащиеся получали ценнейшие сведения о народном творчестве, слушая исполнение самого сказителя. Это всякий раз помогало делу более углубленного изучения фольклора, укрепляло реальное представление о современных фольклорных процессах.

В высших учебных заведениях Егор Иванович был не только жаланным гостем, но активным участником специальных фольклорных семинаров, своими выступлениями усиливая интерес к курсу русского фольклора, фольклорным темам, разрабатываемым силами студентов, особенно посвященным вопросам сказковедения.

С докладами о творчестве Егора Ивановича Сороковикова выступали многие студенты как в Иркутском госуниверситете, так и в Московских высших учебных заведениях, готовятся и специальные диссертации, посвященные творчеству Егора Ивановича.

Все это обязывало пишущего эти строки не только

производить записи самих фольклорных текстов, но тщательно фиксировать все факты, которые могут глубже и полнее раскрыть творческую лабораторию сказителя, тем самым посильно помочь более углубленно разобраться во всех вопросах связанных с психологией творчества сказителя.

В зависимости от творческого настроения в момент сказывания, в период записи текстов сказок каждая из сказок становится то более яркой, то менее увлекательной. Вот почему чрезвычайно важно делать повторные записи, чтобы помочь делу изучения стиля наших сказочников. Здесь дорог каждый вариант, каждый новый повтор. Через сопоставления этих материалов и можно сделать нужный вывод о творческой лаборатории сказителя.

Всякий раз, записывая сказки от Егора Ивановича, наблюдаешь, как в одном случае им художественно выпукло дано начало, в другом середина, а в третьем конец сказки или какой-то один эпизод, один мотив, который всякий раз видоизменяется под воздействием творческих поисков сказителя, хотя в целом сюжет и не изменяется.

Как правило, сказка живёт в устном исполнении. Собиратель сказок—фольклорист записывает их со слов сказочника в различные периоды творческого настроения последнего. Но как известно, никогда сказочник одну и ту же сказку не перескажет дважды одинаково. Она всякий раз хоть в малом, но будет переделана сказочником. Важно подкараулить хорошее творческое настроение, желание рассказать с под'емом, со всей художественной прелестью.

Порой Егор Иванович свои новые оригинальные сказки записывает сам, но творческая мысль опережает движение руки, и он опаздывает, схематизирует, медленно выводя неуверенные буквы. Поэтому сказку нужно записывать от него в момент сказывания, когда ничто не задерживает творческий поток его мыслей, он спокойно и вдохновенно ведёт свой сказ.

Интересно отметить, что А. Н. Толстой, по свидетельству одного из его исследователей, советовал молодым писателям произносит вслух записываемые фразы:

„Фраза, сказанная вслух, будет всегда итти от жеста, но вслух не монотонным голосом, а от зрения, от созерцания этого человека: вы как бы за него говорите в тон его настроения. Тогда у вас всё будет в порядке".

А. Н. Толстой при написании почти каждой фразы произносил её вслух, повторяя иногда по нескольку раз с разными интонациями. Он советовал молодым писателям вырабатывать в себе способность видения.

В процессе творчества писатель должен ясно увидеть то, что он собирается описывать.

„Чем отчетливее Вы будете видеть призраки Вашей фантазии, тем точнее и вернее будет язык Вашего произведения. Это путь к созданию алмазного языка. Это язык фольклора нашего народа, это язык зрячих, видящих и полнокровно чувствующих". (Ю. Крестинский—Мысли А. Толстого о писательском труде. Жур. „Литературное творчество", № 1, 1946 г., стр. 61).

Живое слово сказителя, подкреплённое мимикой, жестом, голосами аудитории, бурно реагирующей на содержание сказки в наиболее понравившихся ей местах, все это составляет особую художественную ткань сказки, которая, к сожалению, во многом утрачивается, при записи.

Там, где родился Егор Иванович Сороковиков и провел свое детство, природа щедро раскинула свои волшебные дары. Повсюду встречаются места, уголки изумительной красоты, каждый из которых, словно, предназначен иллюстрацией для красивой фантастической сказки.

Все эти незабываемые, неповторимые впечатления от окружающей природы, конечно, не прошли бесследно в формировании характера, душевного склада сказителя и довольно сильно отразилось на многих сторонах его творчества, сказках, как традиционных, так и сложенных за последние годы. Многие сказки фоном своим имеют Тункинские гольцы, многие мотивы перенесены из наблюдаемой с детства природы.

В деревне Талая, где родился наш сказочник, по преданиям старины был некогда действующий кратер, который свыше 100 лет прекратил свою немолчную подземную работу. Любознательный отец Егора Ивановича на веревке спускался в образовавшийся грот „в начале размером с комнату, затем все уже и уже, всякими трудностями приходилось ползти по узким щелям, чтобы выйти потом из путанного лабиринта".

Позже, когда мы слушаем в сказке Егора Ивановича, как богатырь в поисках заветной книги спускается то в одном, то в другом, то в третьем месте приковавшей его внимание горы, мы узнаем в ней отголоски семейного предания.

Гольцы, тайга. Здесь провел всю свою сознательную жизнь Егор Иванович и потому с особой любовью, с особой сердечностью он рисует родные места в своих охотничьих сказках. Реальные охотники-сибиряки—байкальцы, тункинцы являются прототипами его сказочных героев. Реальная родимая тайга, с вечно манящими гольцами, с её растительным, животным миром, с бурными непроходимыми реками—вот та

сказочная действительность, где разворачиваются события, где протекает жизнь творимых сказочником героев. И Егор Иванович живописует тайгу, являясь подлинным ее песнопевцем.

Трудно забыть гольцы Тункинской гряды, раз увидев их. Они будут стоять перед вашими глазами всякий раз, как только вы пожелаете их себе представить, вызвать их в своём воображении.

Но Егор Иванович прекрасно знает, что мертва и неинтересна тайга, если её оторвать от человека, от подлинного хозяина. И потому вы не найдете у него ни одной сказки, центральным героем которой не был бы человек, подчиняющий себе силы тайги. Пусть тайга поддается не сразу человеку, пусть она требует большой затраты человеческих сил, при первой встрече пугает своей бескрайностью, глухоманью, несёт с собою всякие неожиданности, сложнейшие препятствия, стараясь запугать, устрашить, не пустить его к себе, но человек побеждает препятствия и Егор Иванович славит человека—покорителя природы.

Он сам, как и тысячи других его сподвижников, спокойно ориентируется в тайге, преодолевает неприступные скалы, и бурные горные речки, обладая опытом многих поколений сибиряков-охотников.

А теперь, когда тайга по воле партии Ленина—Сталина расскрыла свои дары, свои богатства человеку, Егор Иванович рассказывает и об этой обновленной советской тайге, куда партия послала своих лучших разведчиков, искателей ценностей. Во многих местах советской Сибири тайга начинает отступать—на её месте рождаются новые поселения, рождаются новые, неизвестные дотоле на географической карте, населенные пункты и эти сказочные дела советских людей являются также содержанием сказок Егора Ивановича Сороковикова.

Особенно любит Егор Иванович местные легенды, предания, раскрывающие историю заселения различных мест Восточной и Западной Сибири. В памяти его сохранились многочисленные народные легенды о Байкале, об Ангаре, о других местах родимой Сибири. Как сибиряк, он гордится этими родными местами и посредством художественного слова прививает любовь к ним у читателей и слушателей.

Свыше ста сказок знает Егор Иванович. Многие из них опубликованы в различные годы в специальных книгах, стали достоянием науки и литературы. Но есть еще большая группа материалов, которая ждет своих записей со слов Егора Ивановича. Это охотничьи легенды и были. Собранные вместе они составили бы особый томик творческих

зарисовок о людях тайги. В нем мы услышим гимн труду, подобно тому, как он прозвучал в „Малахитовой Шкатулке“ П. Бажова. Слушая Егора Ивановича и записывая отдельные факты из его таежной жизни, из его метких образных наблюдений над окружающим миром тайги убеждаешься в том, что вместе с легендами и былями чисто охотничьими, мы здесь имеем и своеобразную художественную прозу о животном и растительном царстве Тункинских алып. Вместе с тем публикация этих материалов еще полнее поможет раскрыть творческую манеру Егора Ивановича, его исконную любовь к родной природе, поможет поэтам и писателям целым рядом новых сюжетов и мотивов в их работе в художественном отображении родного края.

Не меньший интерес представляют несколько сот песен, которые исполняет Егор Иванович под аккомпанемент своей скрипки. Любовь к народной песне, как и к народной сказке, привил ему отец—Иван Федорович. Песенный репертуар Е. И. Сороковикова исключительно разнообразен. Как художник-певец Егор Иванович пользуется заслуженной популярностью среди односельчан.

Мог ли Егор Иванович получить то широкое признание в дореволюционное время, какое получил он теперь в наши дни? Конечно нет. Известность его ограничивалась бы родным селом, районом, как это имело место и в отношении его отца-сказочника. Он повторил бы собой судьбу огромного количества талантливых людей из народа, которые под тяжестью царского строя умирали, не успев раскрыть себя полностью, оставаясь безымянными творцами легенд и сказок, песен и пословиц, какими славилась издавна земля русская. Только в нашей советской стране под руководством партии Ленина—Сталина народные поэты зажили подлинной творческой жизнью. „Большевики подняли на щит народное художественное творчество. Они бережно сохранили великое искусство русского и других народов России, сделали это искусство достоянием всего народа“ (Ем. Ярославский—Большевики—продолжатели лучших патриотических традиций русского народа. Сборник. ОГИЗ, 1942 г., стр. 93).

Среди многочисленных проявлений современной советской культуры особое место занимает чествование народного сказителя, которое превращается в подлинный праздник советской науки и литературы.

Юбилей Егора Ивановича Сороковикова становится еще более знаменательным, еще более волнующим, потому что он проводится на родине сказителя, где в прошлом до Октябрьской революции царили гнёт, насилие, темнота, где поч-

ти всё население было неграмотным, где ни о каких культурно просветительных учреждениях для трудящихся не могло быть и речи, и где подобный юбилей никогда не мог быть проведен.

Славная юбилейная дата Егора Ивановича совпадает с подготовкой к празднованию 25-тилетия Бурят-Монгольской АССР, где за годы Советской власти произошла глубочайшая культурная революция. „Бурят-Монгольская АССР стала республикой сплошной грамотности, она покрылась густой сетью школ и других учебных заведений, клубов, красных уголков, театров, кино и радио.

... Только в братской семье народов Российской федерации и великого Советского Союза, навеки спаянных нерушимой сталинской дружбой, только при братской помощи великого русского народа стал возможным такой огромный скачёк вперёд, который проделала Бурят-Монгольская АССР за двадцать пять лет своего существования (—„О подготовке к празднованию 25-тилетия Бурят-Монгольской АССР"—Постановление Бюро Обкома ВКП(б) (газ. „Бурят-Монгольская Правда", № 40, от 25 февраля 1948 г., стр. 1).

Литературная, научная и советская общественность Бурят-Монгольской АССР и далеко за её пределами—все признательные слушатели и читатели Егора Ивановича с чувством глубочайшего удовлетворения, с огромной радостью воспримут чествование нашего славного юбиляра.

Мы глубоко убеждены, что он ещё не раз порадует нас своими новыми произведениями, своими новыми патриотическими сказками, поэмами, талантливым мастером которых он является, продолжая отдавать все свои силы, все свои думы на благо советского народа, во имя славной Родины нашей.

г. Улан-Удэ,
Марта 1948 г.

Александр Гуревич

Русские
традиционные
сказки

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И СЕРЫЙ ВОЛК

За тридевять земель, в тридесятом царстве, в славном девичьем государстве жил царь Архипат. У него было три сына: старшего сына звали Лопай, среднего— Крутин, а третьего звали Иван-царевич. У него был прекрасный сад, да что ни в сказке сказать и ни пером описать. В этом прекрасном саду была чудная яблоня с золотыми яблоками. Вот кто-то наповадился в этот сад снимать яблоки и уносить. Приходил каждое утро царь Архипат в сад и не досчитывался по нескольжо яблок. И он созвал своих сыновей, стал с ними беседовать:

— Что же вы, мои дорогие дети, славные могучие богатыри, не поможете ли вы моему горю?

— А какое твоё горе?—говорят сыновья.—Рады мы стараться сослужить тебе службу верную и праведную.

Он стал им рассказывать о потере яблоков, и стали братья думать и гадать, как бы вора им поймать.

Первая очередь предстояла старшему брату Лопаю, а вторая очередь—Крутину, а третья очередь—Ивану-царевичу.

Вот пошел старший брат охранять яблоню и похвастал своему отцу:

— Если только вор придёт, то он из моих рук не уйдет!

А сам ушёл в сад и завалился под яблоньку на зелёную траву и заснул он багатырским сном.

На утро встаёт и всматривается на яблоню: тут с десяток яблок не было.

„Что же,—думает,—я скажу отцу своему? Если сказать видел, но не поймал, то я не есть богатырь, а если сказать проспал—ещё того хуже".

И пришёл, начал рассказывать отцу:

— Дорогой мой, родимый папаша! Как я ни сидел, как я ни караулил, и не знаю каким путём яблочки исчезли.

— Плохо!—говорит царь Архипат.—Надеялся на тебя, как на старшего сына.

Наступил другой вечер. Предстояло итти среднему брату—Крутину. Как только смеркалась ночь, то Крутин пошёл в сад. Пришёл, стал глядеть в ночную темь, а дремота его стала одолевать. Как он ни крепился, как он ни сидел, лег под яблоньку и заснул богатырским сном.

Проспал он до утра. Смотрит на яблоню, а тут, пожалуй, уже без счёту яблоков пропало.

„Что же,—думает,—я скажу своему отцу?"

И придумал. Приходит он к отцу, а царь Архипат спрашивает своего сына:

—Ну что же ты, мой дорогой Крутинушка, кого же ты видал?

А он, Крутин, голову свесил и говорит отцу:

— У меня голова сегодня разгорелась, так что я лежал неподвижно.

— Плохо!—говорит царь Архипат.—Надеялся я на тебя.

Наступает третий вечер. Приходит Иван-царевич и просит благословения у отца и говорит своему отцу:

— Надо взять веревку, в сегодняшнюю ночь не сдобровать этому вору. Куда наповадился кувшин по воду, там и свернуть ему голову!

И вышел он из палат, пошел в дорогой сад.

Садится он под дорогую яблоню, стал вглядываться в ночную темь. Ни зги не видать. Вот и стала его дремота одолевать, но всё же Иван-царевич крепился. И вот в это-то время увидел он необыкновенный свет. Дале-боле, этот свет приближался к нему. Совсем было

ослепило его, но он крепился и увидел жар-птицу, которая села на дорогую яблоньку и стала срывать золотые яблоки.

Теперь и думает про себя Иван-царевич:

Как бы этого вора поймать?

И он поднялся на ноги и стал на цыпочках подкрадываться, но жар-птица была сильно прыткая, рванулась из рук царевича, увернулась, да только осталось одно перо жар-птицы у Ивана-царевича в руке.

Стал Иван-царевич рассматривать это дорогое перо, и жалел он эту жар-птицу. Пошел он в царские палаты. Кланяется он своему отцу:

— Вот, дорогой папаша, вор пришёл, да больно прыток он, ушёл. Вот только на память останется его перо у меня в руках.

Отец очень был доволен, что всё же Иван-царевич открыл вора, оставлен знак у него в руках. И говорит царь детям:

— Вот, дорогие детки, если б вот жар-птицу бы поймали—это хорошо бы было!

Дали сыновья царю обещание, оседлали своих богатырских коней и сами на себя надели доспехи богатырские, берут у отца благословение, садятся на своих добрых коней, выезжают в чистое поле искать ту жар-птицу.

После них заходит Иван-царевич и говорит своему отцу:

— Что же ты, дорогой мой отец родимый, почему ты отпустил своих старших сыновей искать ту жар-птицу? Тогда благослови и меня. Чем я хуже своих братьев? И я поеду искать жар-птицу.

Отец стал его просить и уговаривать, чтобы он не покидал своего отца:

— Теперь ты у меня единственный остаёшься при мне, я ведь уже стар стал, ногой в гробу стою.

Но всё же Иван-царевич настаивал на своём, чтобы он отпустил его.

И пошёл Иван-царевич в конюшню искать по

себе доброго коня. Выбрал он себе доброго коня, и стал его оседлывать в турецкое седельце. И стал просить благословения у отца своего.

Отец, провожая своего последнего сына, горько плакал.

Садится Иван-царевич на своего доброго коня и выезжает в чистое поле, в широкое раздолье.

День едет он, другой едет, а на третий подъезжает—лежит камень. На камне есть надпись:

„Кто поедет прямо, тот будет в голоде и в холоде. А кто поедет вправо—сам будет жив, а конь будет убит. А кто поедет влево—сам будет убит, а конь будет жив".

Долго он думал и, наконец додумался:

„Хотя коня потеряю, но всё же продолжать буду искать жар-птицу".

Повернул он направо и поехал. Ехал он долго и приехал к дремучему лесу. На дворе стало темнеть, и он глядел в ночную темноту. Вдруг ниоткудова взялся серый волк и выхватил из-под Ивана-царевича коня и словно сквозь землю, провалился. Иван-царевич хватился за своё оружие-защиту и не видел никого.

Что теперь делать? Пошёл он пешком. День он идёт, другой идёт и третий идёт. Дале-боле стал его голод одолевать. Прошёл он целых десять дней и в одиннадцатый день силы перестают ему служить, страшная истома одолевает его, смерть мерещится в глаза, и вот он повалился на землю. Вдруг ниоткуда взялся серый волк.

— Здравствуй, Иван-царевич! Извиняюсь, хотя и съел твоего коня, но ведь ты видел надпись, не нужно было тебе ехать вправо. Да уж делать нечего. Доброго хочу и разуму научу.

И стал его расспрашивать, куда он путь держит. И стал рассказывать Иван-царевич:

—Приехал я из своего царства, дал обещаньи-

це своему отцу отыскать ту жар-птицу, которая уносила золотые яблоки.

—Да, трудно, Иван-царевич, тебе достать жар-птицу, да надо тебе помочь. Теперь садись на меня да крепче за шерсть держись.

И вот Иван-царевич садится на серого волка. Серый волк запрыгал, забился, полетел сильнее вихря-урагана, как каленая стрела, туго спущенная из лука. И прилетают они в царство царя Далмата.

Остановился серый волк и говорит Ивану-царевичу:

— Сейчас ты перепрыгивай через стену, да и в сад, там и увидишь свой клад. Жар-птицу-то возьми, но а клеточку не бери, а если клеточку возьмёшь, то пропадёшь ты головою.

Тогда Иван-царевич перепрыгнул через стену в сад, там увидел свой клад. Залюбовался он жар-птицей, когда он вынимал её из клетки, да и думает себе:

„В чем же я отцу-то её покажу? Ведь клеточка-то дорогая, вся усыпана алмазами. Вот уж я возьму лучше клеточку, что будет, то будь!"

А когда он дотронулся до клеточки, поднялась тревога, все сторожа бегут и Ивана-царевича за белы руки берут. И повели к царю Далмату.

Царь Далмат строго взглянул, а строжее того сказал:

Что о двух головах что ли ты, молодец, пришёл украсть мою жар-птицу? Теперь прикажу я тебя казнить!

Стал Иван-царевич кланяться.

— Не руби моей головы, а лучше заставь сослужить какую-нибудь службу.

Тогда царь Далмат говорит:

— Да вот что, дорогой, поезжай ты в рафлетово царство, достань от царя Рафлета златогривого коня.

Не достанешь, тогда не видать тебе жар-птицы в глаза, и срублю твою голову.

А Иван-царевич горько заплакал и вышел из далматова царства.

День идёт, другой идёт. Так прошёл он много времени. Стали под ним ноги подкашиваться, и вот он горько заплакал, хотел упасть на землю. Ниоткудова, словно из земли, вырос серый волк и стал его упрекать:

— Что так завидуешь? Я ведь говорил тебе: не бери ты клеточку.

А Иван-царевич стал извиняться перед серым волком.

— Ну, да ладно, садись теперь на меня да крепче за шерсть держись.

И полетел серый волк пыльчее вихря-урагана, как каленая стрела, туго пущенная из лука.

Приезжают они в рафлетово царство. Теперь серый волк говорит Ивану-царевичу:

— Перелезь через стену да и в конюшню, там вся стража будет спать. Когда ты будешь брать коня, то не бери дорогую уздечку, которая вся усыпана дорогими бриллиантами, а если позавидуешь—возьмёшь, то пропадёшь ты своей головой.

Иван-царевич перелезает через стену и пошёл в конюшню, там он увидел златогривого коня, и на спице висит уздечка тисмёная.

„Что же,—думает на уме,—как же я поведу без дорогой уздечки? Уж взять, так взять с уздечкою совсем".

Когда он стал снимать уздечку, вдруг поднялась тревога, набежали со всех сторон слуги царя Рафлета, взяли Ивана-царевича, завязали ему руки взад и повели его к царю Рафлету.

Царь Рафлет строго взлянул, а строже того сказал:

— О двух головах что ли ты, молодец, пришёл украсть моего коня? Ну что с тобою говорить? Взять каналью и казнить!

А Иван-царевич стал кланяться, просить крепко

царя Рафлета, чтобы он не казнил его и чтобы заставил сослужить ему службу.

Тогда царь Рафлет говорит Ивану-царевичу:

— Да если только хошь получить моего коня, то поезжай—есть за тридевять морями и за тридевять землями, в тридесятом царстве, в славном девичьем государстве царевна Якута-прекрасная. Если только привезёшь её ко мне, то я тебе отдам своего златогривово коня с дорогою уздечкою, а не достанешь, так велю казнить тебя.

И выгнал его из своих палат.

Иван-царевич пошёл в чистое поле, стал плакать и думать:

„Какой я несчастный родился на белом свете? Зачем я не поехал в левую сторону? Лучше пусть бы остался мой конь жив“.

Вот во время этих слёз ниоткуда взялся серый волк.

— Что ты, Иван-царевич, закручинился, запечалился, горячими слезьми уливаешься?

— Как мне не плакать и не горевать, когда царь Рафлет дал такой приказ. Если не выполню, то я погибну.

— Ну ничего, Иван-царевич, не печалься, скорей на меня садись да крепче за шерсть держись.

И полетел серый волк. Горы и реки промеж ног пропускал, а поля—хвостом выстилал. Приезжают они в то девичье государство.

И вот теперь серый волк говорит Ивану-царевичу:

— Ну, теперь, брать Якуту-прекрасную добывать-то я буду, а не ты. Оставайся здесь в поле.

А сам прибегает к Якуте-прекрасной через стену да и в сад и спрятался в кусты.

А на утро Якута прекрасная выходит с нянькамии и с мамками в зелёный сад погулять и чистым воздухом подышать. И вдруг выскакивает серый волк, схватил её, перескочил через стену и был таков. При-

бегает он в чистое поле, где Иван-царевич его дожидается.

— Ну, Иван-царевич, теперь садись на меня, да крепче за шерсть держись!

Иван-царевич берёт в руки Якуту-прекрасную, садится на серого волка, и полетели они в рафлетово царство. Приезжают они туда. Серый волк останавливается, слезает Иван-царевич с Якутой-прекрасной, которая была полумертвая, и когда дорогой он её держал на руках и думал:

„Экая какая неописанная красота! Как бы вот её не отдать Рафлету и провести бы его глаза?"

А серый-то волк угадал его мысли.

Вот теперь, Иван-царевич, мы с тобою оставим Якуту-прекрасную в шатре, и вот теперь меня поведёшь вместо Якуты-прекрасной,—говорит серый волк.

И серый волк об земь ударился—Якутой представился. Взял Иван-царевич мнимую Якуту и повёл к царю Рафлету.

А когда царь Рафлет увидел, то не мог он усидеть на своём царском троне, подошёл, и говорит, расхваливая Ивана царевича:

— Молодец, Иван-царевич! Можешь владеть ты моим конём.

И велел он своим конюхам отдать своего коня с золотою уздечкою. Садится Иван-царевич на этого коня и выезжает из рафлетова царства.

А царь Рафлет повёл Якуту-прекрасную в свою спальню, стал целовать и миловать.

Вдруг пред ним волчья морда торчит, зубы скалит. Рафлет был страшно испуган, и стал он звать своих верных слуг, а серый волк в окно, да и след простыл.

Прибегает он к Ивану-царевичу, садит Якуту-прекрасную на златогривого коня, а Иван-царевич садится на серого волка, и поехали они в далматово царство.

Проехали они очень много времени, а Иван-царевич и думает на уме:

„Как бы провести царя Далмата, не отдать ему

златогривого коня".

Когда приехали они в далматово царство, серый волк останавливается и говорит Ивану-царевичу:

—Мы здесь оставим Якуту-прекрасную в шатре с златогривым конём, а ты поведёшь меня царю Далмату.

Серый волк кувыркнулся, перекувыркнулся и сделался златогривым конём. Взял его Иван-царевич, повел к царю Далмату.

Царь Далмат увидел красавца златогривого коня, и не мог усидеть на своём царском месте. Встретил он Ивана-царевича, выносит ему жар-птицу с дорогой клеточкой и с дорогими подарками.

— Да,—говорит, Иван-царевич, сослужил мне верную службу.

Подарил ему клеточку с жар-птицей, а сам берёт за поводья златогривого коня и уводит его в дорогую конюшню, а Иван-царевич несёт жар-птицу в чистое поле к Якуте-прекрасной.

Царь Далмат вздумал прогуляться на златогривом коне и стал его впрягать в дорогую упряжь. Садится он в коляску и выехал в чистое поле. Конь его гордится, шея колесом. Царь Далмат никак не налюбуется златогривым конём. Ну, дорогой конь стал брыкаться и лягаться, изорвал он всю дорогую упряжь и вдруг оказался серым волком. Царь Далмат не думал его и держать, а только искал кругом себя оружие, а серый волк, как в воду канул.

Прибегает он к Ивану-царевичу:

— Ну, давай, брат, садись на меня да крепко за шерсть держись, время-то идёт.

А Якута-прекрасная садится на златогривого коня. И вот они ехали долгое время и приехали на то самое место, где задавил серый волк у Ивана-царевича коня.

Тут серый волк останавливается.

— Ну, Иван-царевич, дальше мне итти нельзя, потому что здесь граница моя. Хотя тебе я сделал худо, съел твоего коня, ну зато достал тебе жар-птицу, златогривого коня и невесту Якуту-прекрасную. Да, может

быть, свидеться я чаю,—говорит серый волк на прощанье.

А когда простились они с Иваном-царевичем, серый волк все равно сквозь землю провалился и в ад кромешный ввалился.

А Иван-царевич сел на златогривого коня, взял себе в руки Якуту прекрасную и жар птицу, и поехал он к своему дорогому отцу в архипатово царство.

День ехал, другой ехал, на третий день стало его клонить ко сну, и он раскинул свой дорогой шатер. И легли они отдохнуть в шатер, и Иван-царевич заснул своим богатырским сном.

И вот в это-то время подъезжают его два брата— Лопай и Крутин, и увидели парочку спящими, и позавидовали красоте Якуты-прекрасной, и узнали своего брата Ивана-царевича. Их зависть взяла, что они ничего не достали, а Иван-царевич достал жар-птицу и златогривого коня, и еще невесту—неописанную красоту. Придумали они убить своего родного брата и отсекли ему голову, а сами стали делить его добычу.

Старший брат взял Якуту-прекрасную, а Крутин взял златогривого коня и жар-птицу. И поехали они в своё царство.

Не проехали они половины дня, вдруг на них наехал Кощей—царь Бессмёртный и убил обоих братьев и бросил их волкам на съедение, а сам взял Якуту-прекрасную, златогривого коня и поехал в своё волшебное царство.

А Иван-царевич лежал в открытом поле два дня, а на третий день прилетел ворон-чародей с двумя воронёнками и хотел ему выклевать глаза. И вот в это-то время вдруг ниоткудова взялся серый волк и поймал его за хвост. Ворон закаркал, забился, но где уйдет он из лап серого волка!

Ворон стал просить серого волка, чтобы он оставил его в живых. Серый волк говорит ворону:

— Если ты достанешь живой и мёртвой воды, тогда я тебя оставлю в живых, а не достанешь, то убью

тебя насмерть с твоими воронёнками. Теперь ты своих воронят оставь мне в заклад, а сам лети отыскивай живой воды.

Ворон отдал своих детей серому волку, а сам вспорхнул и улетел. И не было его ровно три дня, а на четвёртый день прилетает ворон, приносит два пузырька и говорит:

— Вот это живая вода, а во втором-то мёртвая.

И вот берёт серый волк один пузырёк, вспрыснул воронёнка, его разорвало пополам и теперь вспрыснул из следующего пузырька—воронёнок сросся и полетел. Тогда серый волк говорит ворону:

— Довольно, мне тебя не надо. Лети куда хочешь!

И ворон вспорхнул со своими воронятами, а серый волк подошёл к Ивану-царевичу и прыснул он из этого пузырька, где была живая вода, тогда сразу голова срослася с телом, а когда второй раз спрыснул, то Иван-царевич сел и говорит:

— Ах, как я долго спал!

Серый волк и говорит ему:

— Да, Иван-царевич, пришлось бы тебе навеки спать, если бы не я. После нашей с тобой разлуки, на спящего на тебя натакались твои два брата и с завидости убили тебя, и поделили твою добычу, и поехали домой к отцу с большою славою. Но не проехали они даже полдня, как на них напал Кощей-царь Бессмёртный и убил обоих насмерть, которых растаскали волки и воронье. А кощей-царь Бессмёртный увёз Якуту-прекрасную, златогривого коня и жар-птицу в своё заколдованное царство.

Я бы и пошёл с тобой добывать твою добычу, но мне дальше итти никак нельзя, предел законный здесь. Только я тебе доброго хочу и разуму научу: поедешь по тропинке, проедешь ты три дня и натрафишь на избушку на курьих ножках, и скажи этой избушке: „Повернись, избушка, к лесу задом, мне передом“. И вот, когда она повернётся, ты зайди в эту избушку и увидишь в этой избушке бабу-ягу костяную ногу с оло-

вянным глазом. Она в ступе разъезжает, пестом погоняет и метлой след заметает.

Она попервости осердится на тебя и захочет съесть тебя. И ты скажи, что тебя прислал серый волк. Она меня знает и научит тебя, как достать кощееву смерть.

И попрощался серый волк с Иваном-царевичем, и тут же его не стало.

Пошёл по указанной дорожке Иван-царевич. День идёт, другой идёт, а на третий день он услышал шум, и треск, и рёв. Рёв был душераздирающий. И вот на этот-то рёв он и пошёл. Приходит он на поляну. На этой поляне два лешая дерутся. Изорвали всё на себе в клочья.

Он стал реветь их и останавливать. Наконец, они натешились досыта и остановились. Стал их расспрашивать Иван-царевич:

— Что бы значило, из-за чего вы дерётесь?

И вот эти-то два лешая и говорят:

— Иван-царевич, мы нашли дедушкин клад. Поделить мы его не умеем, и вот поэтому-то дерёмся, кто победит, тот и возьмёт клад.

— А какой же этот клад?— спрашивает Иван-царевич их.

Один из них говорит:

— Первый клад — драчунья-дубинка, а второй клад— скатерть-самобранка, а третий клад—шапка-невидимка.

— Ох, да,—говорит Иван-царевич,—из-за такого-то клада можно и подраться!

И вот они схватились и давай друг друга драть, бить и реветь. Опять натешились и остановились.

Иван-царевич стал им давать предложеньице:

— Чем вам зря драться и силу терять, я бы вам дал хороший совет.

Лешии обрадовались, стали спрашивать совета, а он им стал показывать:

— Вот на этой тропе, версты три будет, стоит корявый дуб, и вот я вас поровняю и скажу: раз, два,

три! и пускайтесь вперегонку, кто из вас прежь прибежит, тот и клад возьмёт.

Лешии удивились умному совету и согласились бежать. А Иван-царевич стал их ровнять. Когда он их сравнял:

— Раз, два, три!

И пустились лешии, только пятки замелькали. А Иван-царевич говорит себе: „А мне, пожалуй, вас и некогда дожидаться!" Надеёт на себя шапку-невидимку, берет под мышку драчунью-дубинку и скатерть-самобранку, и пошёл он дальше.

А когда лешии прибежали на то место и никого тут не нашли, они увидели себя обманутыми, то они стали шнырять во все стороны: и вправо, и влево, и нюхали след. То его обгоняли, то ворачивались, наконец узнали что не найти им, они переглянулись, взвыли, как волки, и пошли.

А Иван-царевич продолжает свой путь дальше. Шёл он шёл, близко ли далеко, низко ли высоко, скоро сказка сказывается, да только дело не скоро делается.

Развернул он свою скатерть-самобранку, ниоткуда явились всякие яства, напитки и наедки, разные вина. И вот тут-то Иван-царевич хорошо выпил и закусил, и превосходно отдохнул. И потом встал и пошёл дальше, и приходит он на поляну.

Видит: на поляне стоит избушка на курьих ножках, повертывается. Он и говорит избушке:

— Повернись, избушка, к лесу задом, мне передом.

Повернулась избушка лесу задом, ему передом. А Иван-царевич отворил дверь и зашёл в избушку, и увидел: ездит баба-яга, костяная нога, оловянный глаз, в ступе разъезжает, пестом погоняет, метлою след заметает.

— Фу, фу! Русская кость слыхом не слыханная и видом не виданная, а теперь сама на двор пришла!

И хотела его съесть.

— Что ты, бабушка,—говорит Иван-царевич,— что ты делаешь? Меня ведь серый волк прислал.

Старуха сразу остановилась и говорит:

— Серый волк? Знаю я его. Он мне кумом приходится.

А Иван-царевич говорит:

— Серый волк мне хороший друг.

И вот тут старуха стол отдернула, на карачки стала, калачи достала и стала потчевать Ивана-царевича.

— И за каким же ты случаем ко мне пожаловал?

Он стал ей рассказывать о своём несчастье.

— И вот серый волк прислал меня к тебе, говорит, что бабушка знает, где кощеева смерть.

— Знать-то,—говорить баба-яга,—я знаю, но ведь достать-то трудно. У меня есть конь, он дорогу знает, а добывать смерть кощееву ты уж сам будешь.

— Ладно, бабушка, только укажи и расскажи.

Старуха вышла на улицу, свистнула молодецким посвистом и крикнула богатырским голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, будь на поле готов!

Сивка-бурка прибежал, как вкопанный стал. И вот она подала поводья Ивану-царевичу. Иван-царевич стал оседлывать доброго коня, а когда оседлал он доброго коня, то старуха и говорит ему:

— Когда тебя довезёт до моря-океана, а на море-океане будет остров Буян. А на этом острове Буяне стоит дуб, а под этим дубом стоит сундук, а вот в этом-то сундуке есть заяц, а в зайце есть утка, а в утке яйцо. Вот это-то и есть кощеева смерть.

Попрощался Иван-царевич с бабой-ягой, костяной ногой и поехал. Полетел он выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, и приезжает он к морю-океану.

У моря-океана, у берега закинута сеть, а в сети бьётся щука, и когда хотел он достать эту щуку и пообедать, щука заговорила человеческим языком:

— Иван-царевич, отпусти меня на волю, может быть, я тебе годюсь,

А Иван-царевич говорит:

— Чем ты годишься? Ты ведь рыба, а я человек.

А она ему говорит:

— Небываемое бывает.

А Иван-царевич немного подумал и освободил щуку в воду, и щука уплыла.

Иван-царевич разъехался на расстояние.

— Но-ка сивка бурка, вещий каурка, давай-ко скакать на остров Буян!

И только он прыгнул до половины, а вторую половину выплыл вплавь на берег. И вот увидел он — на острове Буяне стоит дуб, и он подошел к этому дубу и стал его рассматривать. А дуб был очень крепкий.

„А как же,— думает,— свалю этот дуб?" И вдруг он вспомнил, что у него есть драчунья-дубинка.

— Ну-ка, драчунья-дубинка, катай-ка этот дуб по корням!

А драчунья-дубинка рада стараться. Принялась бить коренья. Перебила она все коренья и стала бить по стволу. И скоро этот дуб свалился. И вот под этим-то дубом стоял сундук.

А когда разбил сундук, вдруг заяц хотел выбежать из этого сундука, а Иван царевич рассёк его пополам саблей вострой. А кагда рассёк, то вылетела утка и полетела, а Иван царевич взял свой лук и выстрелил в утку и попал в её сердце ретивое. Утка разорвалась, из неё вылетело яйцо, упало и покатилось к морю. А Иван-царевич, как ни старался, как ни имал, но поймать его не мог. И оно закатилось в море. Тогда Иван-царевич махнул рукой:

— Да, прощай теперь кощеева смерть, не добыть теперь Якуту-прекрасную и не видеть Кощея мертвым.

И он сел на землю плакать и горевать. И вот в это-то время будто мелькнула чешуя в воде, а он думал, что слеза выкатилась из глаза. Незадолго времени вынырнула щука из воды и держит яйцо в пасти и говорит Ивану-царевичу:

— Помнишь ты, Иван-царевич? Долг платежом красен!

Иван-царевич берёт яйцо, завертывает и кладёт его к себе в сумку, подходит к сивке-бурке, к вещему каурке и говорит:

— Но, сивка-бурка, вещая каурка, перенеси меня на землю.

И вот сивка-бурка прыгнул только до половины, а половину вплавь переплыл, и приехали они в кащеево царство.

Конь ему и говорит:

— Ну, Иван-царевич, я довезу тебя до дворца кощеева, а дальше я не могу. Почему я не могу дальше? У кощеева дворца, у ворот прикованный змей двенадцати головый. Тут никто не может пройти. Он каждого схватывает и сглатывает.

Когда они подъехали, Иван-царевич увидел: шесть голов его спали, а шесть голов сторожили. Иван царевич слезает с сивки-бурки с вещего каурки. Сивка-бурка прощается с Иваном-царевичем и улетает к бабе-яге, костяной ноге, а Иван-царевич надеёт на себя шапку-невидимку и думает:

„Как пройти? Хотя, правда, меня и не видно, но ведь этот змей, может он иметь свойство особое. Если он меня поразит, то прощай кощеева смерть и Якута-прекрасная.

Думал, думал, никак не додумался, да вдруг вспомнил и говорит:

— Эй, ну-ка, драчунья-дубинка, катай этого змея!

И вот эта драчунья дубинка принялась неспящие головы бить. Она разбила их впух и прах. И потом разбудились остальные шесть голов—страшные, злющие, кидались во все стороны, но никого не видели. А Иван-царевич говорил:

— Ну-ка, драчунья-дубинка, катай-ка и остальные шесть голов!

Принялась драчунья-дубинка бить остальные шесть голов и в скором времени она покончила змея.

Теперь берет Иван-царевич дубинку, кладёт её в мешок, и стал он подниматься в заколдованный дворец и увидел прекрасный сад:

„Дай зайду в этот сад и полюбуюсь!"

Увидел он в саду прекрасную беседку, стал он проходить к этой беседке, и услыхал он тихие стоны, тихие вопли. Плакала и рыдала Якута-прекрасная и жаловалась на свою судьбу:

— Зачем я родилась на свет несчастная. Осталась я от своего Ивана-царевича, злые люди погубили Ивана-царевича, а теперь сами убиты, и терзают теперь их лютые звери, а я нахожусь в страшных муках у этого злого Кощея Бессмёртного, который не дает спокою, принуждает меня, чтобы я вышла за него замуж и была верной женою. Но я не хочу быть его верной женою, а хочу принять верную смерть!

И Иван-царевич подошёл к беседке и проговорил таково слово:

— Вижу твои слёзы и слышу твои вздохи, прекрасная Якута!

И сразу снял с себя шапку невидимку. Она увидала его и узнала и хотела броситься ему в объятия, но остановилась.

— Нет! Ивана-царевича нет в живых, он убитый в тот же день братьями, а ты только походишь на Ивана-царевича.

Иван-царевич стал ей объяснять, как он лежал под открытым небом три дня, и вот серый волк узнал это и стерёг его три дня, дождался ворона-чародея, который хотел клевать мои глаза и поймал его за хвост. И вот этот-то чародей дал в заклад своих двух воронят, чтобы достать живую воду. И вот ворон улетел. И летал он три дня и принес он живую и мёртвую воду, и вот этой водой серый волк оживил меня.

Якута-прекрасная невольно поверила. Знала хорошо, что серый волк имеет большое свойство, что мог его оживить. Соскочила и стала его обнимать и целовать.

И вот в это-то время подходил Кощей-царь Бессмёртный, а Иван-царевич приказал ей сести в кресло. Она села в золотое кресло, и вот скоро зашёл к ей в беседку Кощей-царь Бессмёртный, увидел ее очень радостной и веселой и говорит ей:

— Ты ведь счастье моё дорогое! Сегодня я тебя вижу, ты совсем другой выглядишь. Отчего тебе плакать и печалиться, жалеть какого-то мальчишку Ивана-царевича? Хотя бы и три Ивана-царевича были, все-равно они тебя бы не спасли, и все же я бы стал владеть тобой! И подошёл, хотел обнять он Якуту-прекрасную. И вот в это-то время Иван-царевич вынул свою драчунью-дубинку и сказал:

— Ну-ка, катай его, дубинка, по ногам, по рукам и по скулам!

И стала бить его драчунья-дубинка. Кощей-царь Бессмёртный отпрыгивал, кувыркался и перевертывался, как десятилетний мальчишка, только айкал.

А Иван-царевич приговаривал:

— Бей его, катай его, драчунья-дубинка, по ногам его, по рукам его, по скулам его!

А Кощей в это время и говорит:

— Да кто ты такой? Покажись хоть мне.

Иван-царевич не утерпел и снял свою шапку-невидимку.

— Да, я тот Иван-царевич, которого ты хулил вот сейчас.

А Кощей-царь Бессмёртный стал ему протягивать руку.

— Зачем нам с тобою ссориться? Дай мне руку, сделаем мировую.

Но Иван-царевич хорошо знал, что он бессмёртный. Он вынул из сумки яйцо и сказал:

— Вот возьми его!

И ударил его о камень и разбил его на мелкие дребезги, а Кощей-царь Бессмёртный со страшными судорогами спустил дух. И Иван-царевич взял свою Якуту-прекрасную, и пошли они в царские палаты.

Много там было вельмож, бояр и князей, все говорили:

— Хорошо ты сделал, — убил царя. Будь у нас царём.

Он говорит:

— Я неناповадился в вашем царстве жить, а наповадился в чистом поле ходить.

И он надел шапку-невидимку и приказал своей дубинке катать их. Многим они переломали руки и ноги, и головы, и потом он запретил драчувье-дубинке, взял ее себе и стал отбирать сокровища царя Бессмёртного.

И собрал он много самоцветных каменьей, набрал он алмазы и бриллианты, и бирюзы, изумруды и жемчужины. И взял кощеева коня, Якуту посадил на златогривого коня. Взял жар-птицу, и поехал он в своё отечество.

И когда он приехал, радостей тут не было конца. Отец был сиротный, думал: „Уж кончусь и не увижу своих сыновей".

И рассказал Иван-царевич отцу о своём путешествии, всю свою историю, как он добыл жар-птицу и златогривого коня, и Якуту-прекрасную, как братья из завидости убили его, и как Кощей-царь Бессмёртный завладел ихним всем кладом и увез в своё заколдованное царство, а серый волк добыл живой воды и восстановил его жизнь.

— А я убил Кощея Бессмёртного, достал жар-птицу, златогривого коня и Якуту-прекрасную и вот приехал сейчас в твоё государство.

И стали они справлять свадьбу. Пир был задан на цельную неделю. Там вино рекой лилося, даже выпить мне пришлося, по усу текло и в рот не попало.

ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ

В не в котором царстве, в не в котором государстве жил-был царь Картаус. Он был холост. А у него было двенадцать богатырей. А над двенадцатью богатырями был сильный могучий богатырь князь Лазарь Лазаревич, и супруга его была княгиня Епистимея. Детей у них не было. Уж под старость родился у них сын, назвали его Еруслан Лазаревич.

И когда он был десяти лет, то он частенько похаживал на царский двор играть со своими сверстниками, но эта игра каждому была не по сердцу: кого он хватит за руку—рука прочь, кого он хватит за ногу—нога прочь, кого он схватить за голову, у того голова прочь. Стали бояре, князья и вельможи жаловаться царю Картаусу на Еруслан Лазаревича. А царь Картаус призвал к себе князя Лазаря Лазаревича и стал ему говорить про его сына, что если только он так будет играть, то он никого не оставит из молодого поколения. А он все же не унялся, а свое делал. Тогда призывает его царь Картаус к себе. Строго взглянул а строже того сказал, что если только он воздерживаться не будет, то его изгонят со двора долой.

А когда услыхал Еруслан Лазаревич от царя Картауса такие слова—значит я им не нужен—пошёл он в чистое поле, в широкое раздолье и увидел тропу к морю-океану. И эта тропа была протоптана сажень в тридцать ширины,избита была вся конскими копытами. Увидел он это и подумал, что сюда гоняют лошадей поить.

Пошел он по этой тропе, попадается ему славный витязь-богатырь Ивашко. Еруслан Лазаревич кланяется

ему и тот богатырь также в свою очередь снимает фуражку, кланяется. И стал Ивашко его расспрашивать: какого он роду, племени и с какого государства?

Еруслан Лазаревич сказал:

—Я из племени княжеского, сын славного князя Лазаря Лазаревича и матери его княгини Епистимеи.

Тогда славный витязь Ивашко говорит Еруслану Лазаревичу:

—Да, князя Лазаря Лазаревича я знаю у него служил тридцать лет, я ему верный холоп и садарживаю его табуны, под моим надзором до трех тысяч. Гоню каждое утро и вечер поить к морю-океану.

И он стал просить его:

—Дяденька, не найдется ли у тебя такой конь, который мог бы служить мне-ка верно и праведно.

Тогда Ивашко говорит Еруслану Лазаревичу:

—Есть у меня жеребец, который не был на узде, и никто с ним не мог справиться .Если желаешь, то можешь утром притти сюда, пригоню поить.

Ивашко поехал домой, а Еруслан Лазаревич пришёл под дуб и лёг спать. На утро рано разбудился Еруслан Лазаревич, услышал шум и крик и конское ржание. И он увидел пыль с восточной стороны, не видать было красного солнца. И тогда понял, что это верный Ивашко, слуга его отца, гонит лошадей поить. И стал в скрытом месте под дубом.

А Ивашко пригнал табун к морю-океану. И вот этот табун зашёл, начал воду пить. Из всех из них был вороной жеребец. Как этот жеребец начал пить, всё равно на дубах орлы свишут. Из ноздрей дым столбом идёт. И когда они напились—повернулись обратно. И вот этот-то жеребец поравнялся с Еруcланом Лазаревичем. Вдруг выскочил Еруслан Лазаревич из-под закрытого дуба и ударит этого вороного жеребца своей могучей ладонью по правому плечу, вороной жеребец стал на колени, и он в этот момент надел на него узду и стал благодарить Ивашку за совет.

Ивашк погнал табун свой обратно, а Еруслан Ла-

заревич приводит своего жеребца к отцу Лазарю Лазаревичу и стал просить у своего отца доспехи богатырские и седлецо турецкое. Отец ему вынес все доспехи и седлецо турецкое, и он стал коня седлать: подничка на поднички сверх того турецкое седелице, двенадцать подпруг. Оседлал этого доброго коня и выезжает в широкое поле, широкое раздолье.

Ехал он месяц, ехал он другой и на третий месяц наехал на рать-силу побитую. И он объехал эту всю рать-силу побитую. Свистнул молодецким посвистом и крикнул богатырским голосом;

—Есть ли в сей рати жив человек?

С побоища встал жив человек и стал его расспрашивать:

—Кого тебе нужно, славный витязь?

И он стал спрашивать.

—Чья сила побитая? И кем побитая?

Жив человек говорит ему:

—Рать-сила побитая Феодула царя—Змея, а побил её славный князь Безымённый богатырь, который много лет сватает дочь его прекрасную Кандаулу Феодуловну.

—А далече он уехал, можно мне его догнать?

Сказал ему жив человек:

—Объедешь рать-силу побитую, увидишь от конского следа особый от всех лошадей след.

Вот объехал он эту рать-силу побитую и увидел след. Пришпорил своего коня и побежал этим следом. След был скаканый с горы на гору. Еруслана Лазаревича конь тоже стал скакать с горы на гору.

На третий день он наехал опять на рать-силу побитую. Объехал он рать-силу побитую и свистнул молодецким посвистом и крикнул богатырским голосом:

—Есть ли в сей рати жив человек?

И с побоища встал жив человек.

—Кого тебе надобно, добрый витязь?—говорит жив человек.

Он стал его расспрашивать:

—Чья рать—сила побитая? И кем она побитая?

Жив человек говорит ему;

—Рать—сила побитая славным князем Безымённым богатырем, а рать—сила была Феодула царя-Змея, у которого он сватает много лет его дочку прекрасную Кандаулу Феодуловну. И вот из-за этого-то у них стоит вражда много лет.

И говорит ему Еруслан Лазаревич:

—Могу ли догнать я Безымённого богатыря?

А жив человек ему говорит:

—Вот это уж не знаю. Объедешь рать—силу побитую и увидишь конский след.

И он объехал рать—силу побитую и увидел след. Вот погнался он этим следом и видел прыжки конские с горы на гору, пришпорил своего Арощ-вещего, и тот стал с горы на гору скакать.

Пробежал он цельный день и наехал: в чистом поле стоит бел шáтер, а у столба привязаный добрый богатырский конь, у которого на белом полотне насыпана белояровая пшеница.

Еруслан Лазаревич слезает со своего доброго коня и подпускает к этой пшенице. А конь его Арощвеший пугнул этого богатырского коня и стал есть пшеницу, а сам Еруслан Лазаревич пошел в бел-шáтер и увидел в шатре на изразцовой кравати лежит могучий богатырь, и спит он крепким сном.

Еруслан Лазаревич вынул свой меч-кладенец и хотел злой смерти предать, но сам себе подумал: „Не честь мне это доброму молодцу, не хвала—убью я сонного, сонной, что мёртвый“. Подумал, подумал и лег на другую сторону на кровать и заснул тоже богатырским сном.

Незадолго времени пробуждается Безымённый богатырь. Не замечая, вышел на двор прохладиться и увидел своего коня: он в поле траву щиплет, а к белояровой пщенице подпущен незнакомый конь. Рассердился Безымённый богатырь, заходит он в бел-

шатер, увидел сильного богатыря лежа на его кровати с другой стороны. И он снимает свой меч-кладенец со спицы и хотел злой смерти предать, но сам себе подумал: „Не честь мне это доброму молодцу, не хвала—убью сонного, сонной, что мёртвый“—и стал его будить, разбудил Еруслана Лазаревича, и стал ему говорить:

—Какое ты имел право бесчестно ходить по чужим шатрам и ложиться на чужую кровать, а коня подпускать к чужому корму? Благодари меня, что я не предал тебя злой смерти, пришлось бы кому другому, то отсёк бы тебе голову.

А Еруслан Лазаревич говорит ему:

—Я по крайней мере у тебя гость, почерпни кружку ключевой воды и подай мне.

А Безымённый богатырь говорит:

—Тебе воду черпать и мне подавать!

Обозвал он его щенком, а Еруслан Лазаревич говорит ему:

—Ты не пойманную птицу теребишь не узнав доброго молодца—хулишь. Я прошу тебя по совести, что тебе воду черпать и мне подавать.

А Безымённый богатырь говорит:

—Я буду тебя по годам старше и по славе своей старше.

А Еруслан Лазаревич говорит:

—Довольно так рассуждать. Я по крайней мере у тебя гость.

Теперь встаёт Безымённый богатырь, берет золотую кружку, идет он к источнику, почерпает кружку холодной воды и подаёт Еруслану Лазаревичу.

Еруслан Лезаревич выпивает кружку воды и говорит:

—Вот, давно бы так, славный Безымённый богатырь. Добрые витязи пьют, гуляют и прохлаждаются и потом едут в чистое поле потешаться.

И вот стал он его угощать. Закусили, выпили и вышли на двор, сели на своих добрых лошадей и

выехали в чистое поле, в широкое раздолье и разъехались на расстояние и слетелись, как два могучих грома. У обоих кони сели на задницы. Бросил в него Еруслан Лазаревич своим копьём долгомерным прямо в сердце ретивое и вышиб его из седла, и он упал на землю, как овсяный сноп. И тогда поставил Еруслан Лазаревич острый меч и спрашивает:

—Смерти тебе или живота?

Взмолился ему Безымённый богатырь:

—Не дай смерти, а дай живота. Прежде ведь у нас с тобой никогда брани не было и впредь не будет.

Тогда сожалел Еруслан Лазаревич над добрым богатырем, слезает со своего коня, берет этого богатыря за белые руки и поднимает его на ноги, стал его целовать и обнимать. Повода лошадей своих завязали к столбу, где насыпал Безымённый богатырь белояровой пшеницы. Добрые богатырские кони стали смирными, не стали друг против друга врагами, а они зашли в бел шáтер и стали выпивать заморского вина и побратались. Безымённый богатырь назвал его не по годам, а по силе—братом, а сам назвался меньшим.

И вот во время веселья Еруслан Лазаревич задал ему вопрос:

—Что за эти три месяца два раза наезжал на рать-силу побитую и кем она была побитая, скажи, ты, мой родимый брат?

Безымённый богатырь стал рассказывать старшему брату Еруслану Лазаревичу:

—Эти две рати-силы побитые были мной, а принадлежат они Феодулу царю—Змею, у которого я сватаю много лет его прекрасную царевну Кандаулу Феодуловну. И вот он не хочет за меня выдать свою дочь замуж. Но я хочу взять неволею. Завтра у нас с ним будет сражение последнее.

Назавтра подымается утром рано Безымённый богатырь, оседлал своего доброго коня и выехал в

чистое поле и свистнул молодецким посвистом и крикнул богатырским голосом, и услышал это царь Феодул Змей. Он стал в рог трубить и тимпаны бить, и собирать своё громадное войско.

А в это время пробудился Еруслан Лазаревич, умылся, причесался и вышел на двор, оседлал своего доброго коня, сел и поехал. И сел в скрытом месте под дубом и стал наблюдать. И когда войско вышло царя Феодула Змея, тогда Безымённый богатырь говорит:

—Не ясен сокол напущается на гусей, на лебедей и на серых утиц, а напущается князь Безымённый богатырь на рать-силу великую!

И он стал их бить и рубить во все стороны. Но не столько он сам бил, сколько конем топтал. Перебил он всё войско, а царя Феодула Змея в плен взял.

Тогда выехал Еруслан Лазаревич из-под дуба, скрытого места и подъехал к Безымённому богатырю и стал их мирить.

—Незачем вам спор вести, и прежде всего узнайте у царевны Кандаулы Феодуловны: желает ли она итти за Безымённого богатыря?

И уговорил царя—Змея Феодула, и поехали к нему в белокаменные палаты.

А когда это завидела Кандаула Феодуловна оделась в самоцветное платье, и встала встречать дорогих гостей, и открыла желание выйти за Безымённого богатыря. И вот пир был задан на цельну неделю.

И вот, когда они решили опочивать. Безымённый богатырь говорит своей прекрасной царевне Кандауле Феодуловне.

—Есть ли на свете тебя краше, а моего Еруслана Лазаревича храбрее?

Отвечает ему прекрасная Кандаула Феодуловна:

—Какая моя красота! Когда была у меня родная мать тогда я была красивая, а после её кончины моя красота поблекла. Есть в чистом

поле шатер и в этом шатре живут три родные сестры царя Бугрыгора. И вот эти-то в десять раз меня краше. Еще есть под индийским царством у царя Далмата в чистом поле стоит богатырь, и он охраняет индийское царство ровно тридцать лет и три года. Мимо него зверь не прорыскивал и птица не пролетывала, человек не прохаживал и богатырь не проезживал. Но я не знаю сильнее ли твой брат Еруслан Лазаревич или Ивашко—белая ипанча сарацинская шапка.

А Еруслан Лазаревич стоял у спальни у дверей, слушал. И когда он услышал об этих красавицах, загорелось его ретивое сердце, а когда услышал о славном богатыре Ивашке—белой ипанче сарацинской шапке—он не мог утерпеть, открыл спальню, стал извиняться:

—Брат, Безымённый богатырь, нарушил я твой покой. Не нарушил бы я твой сон и твой спокой, но запали слова Кандаулы Феодуловны мне в ретивое сердце.

И он стал с ними прощаться. Они пошли провожать его до городских ворот. А Еруслан Лазареревич выехал в чистое поле, в широкое раздолье, и поехал он за тихие воды в индийское царство, но сам себе подумал: „Что же я еду в дальнюю сторону, не взял благословения у отца и у матери, а поехал я помериться с сильным славным богатырем своими силами, буду ли я жив или нет". Повернул своего доброго коня и поехал в картаусово царство.

Ехал он туда ровно три месяца и наехал на великую рать-силу побитую объехал он эту рать-силу великую, никого не нашел живого, и крикнул богатырским голосом:

— Есть ли в сей рати жив человек?

И с побоища встал жив человек. Стал расспрашивать:

— Кого тебе надобно, государь Еруслан Лазаревич?

Он ему говорит:

— Чья рать-сила побитая?

Говорит жив человек:

— После твоего отъезда из картаусова царства, пришёл с великою силою князь Данила Белый и стали биться с царем Картаусом и с князем Лазарь Лазаревичем и с двенадцатью богатырями, и с войском его. Бились они ровно три месяца, и вот теперь князь Лазарь Лазаревич и царь Картаус заперлись в городские стены и сидят в засаде.

Не вытерпел Еруслан Лазаревич говорить с ним, пришпорил своего Арсщ-вещего, ударил по крутым бедрам своего Арсщ-вещего и полетел в картаусово царство, и увидел под картаусовым царством стоит рать-сила несметная. Слезает он со своего доброго коня, подтягивает ему подпруги и готовит свои доспехи богатырские и, когда сел он на своего коня, крикнул богатырским голосом:

— Не ясен сокол напущается на гусей, на лебедей и на серых уток, но напускается Еруслан Лазаревич на рать-силу великую!

И он стал их бить и вдвое или втрое боле того конём топтать, и перебил он всё войско князя Данилы Белого, а самого взял в плен,

Тогда увидели со стен города Лазарь Лазаревич и царь Картаус и двенадцать богатырей и удивились, что за богатырь?!. А когда он подъехал, то они его узнали и с великой радостью растворили городские ворота. Въехал он с князем Данилой Белым и сказал:

— Я не хочу твоей смерти, а хочу тебе живности, поклянись здесь перед царем Картаусом, никогда чтобы не приходить в картаусово царство и не нападать на царя Картауса.

И вот князь Данила Белый поклялся небом и землёю, чтобы не приходить и не подступать под картаусово царство и уехал он с оставшим войском в своё государство.

А царь Картаус и князья и бояре стали просить

Еруслана Лазаревича, чтобы он остался у них. Царь Картаус стал предлагать ему свою сестру в замужество. Но Еруслан Лазаревич сказал:

— Не наповадился я жить в государстве, а наповадился в чистом поле бывать. И пришёл, стал кланяться великому князю Лазарю Лазаревичу и двенадцати богатырям, и потом поехал просить прощение к царю Картаусу.

— Извиняюсь, что был молод и неопытен, прогневил тебя в детстве и теперь я недостоин раб жить у тебя.

Царь Картаус стал его просить, чтобы он остался у него, а Еруслан Лазаревич напрочь отказался, поклонился царю Картаусу и сел на своего Арощ-вещего и выехал из картаусова царства.

Поехал он в чистое поле, в широкое раздолье. Ехал он месяц, ехал он другой и на третий месяц наехал на бел-шатер. Видит: сидят три прекрасные девицы—дочери царя Бугрыгора. Старшую дочь звали Ольга, среднюю—Лигия, а младшую—Продора. И он поздоровался с ними, раскланялся с хозяевами и говорит:

— Возьмите меня незванного гостя.

И они стали расспрашивать его, какого роду—племени и какого отца сын.

И он рассказал им:

— Я из славного царства картаусова, сын князя Лазаря Лазаревича и матери княгини Епистимеи, зовут меня Еруслан Лазаревич.

Они стали над ним подсмеиваться, что он не позволился, а зашел в бел-ша́тер.

Он осердился и выгнал двоих на двор младших, а со старшей остался и стал ее обнимать и целовать. И произнес такое слово:

— Есть ли на сем свете, Ольга, тебя краше и меня храбрее?

И отвечает она ему:

— Я что за красна! Когда были мой отец с

матерью, царь Бугрыгор, тогда я была красна, а теперь что я за красавица. А есть под индийским царством богатырь по имени Ивашко—белая ипанча сарацинска шапка, мимо него зверь не прорыскивал и птица не пролётывала, богатырь не проезживал и человек не прохаживал. А ты что за богатырь?! Ты только наших девок разогнал!

И он вынул меч-кладенец, отсёк ей голову и бросил под кровать.

И созвал он среднюю сестру и стал ее обнимать и целовать. А сам молвит таково слово:

— Есть ли на свете, Лигия, тебя краше, а меня храбрее?

Лигия отвечает ему:

— Когда я была у отца Бугрыгора, когда не была здесь, тогда я была красива у него и у моей родной матери, а когда они скончались, вся красота моя пропала, а я что за красна! А вот есть под индийским царством богатырь Ивашко—белая ипанча сарацинска шапка, и он оберегает индийское царство ровно тридцать лет и три года, мимо него зверь не прорыскивал и птица не пролётывала, богатырь не проезживал и человек не прохаживал. А ты что за богатырь?! Только наших девок разогнал!

Он выхватил меч-кладенец и отсёк ей голову и бросил под кровать.

Заводит теперь младшую сестру и стал также миловать, целовать и обнимать, и стал спрашивать:

— Есть ли на свете, Продора, тебя краше, а меня храбрее?

Продора отвечает:

— Когда отец мой и моя мать были живы, я была красна, а по смерти их я стала такая негодная, вся моя красота поблекла. Есть в городе Дебрии у царя Вахрамея дочь прекрасная Анастасия Вахрамеевна. Она в десять раз меня краше, да есть еще под индийским царством, в скрытом месте стоит, богатырь, стоит он тридцать лет и три года, по имени

Ивашко—белая ипанча сарацинска шапка. Мимо него зверь не прорыскивал и птица не пролетывала, богатырь не проезживал и человек не прохаживал. Но кто победит, это я не могу сказать, ты или Ивашко.

Он стал извиняться и кланяться, что он сделал так против их, но за то делал, что они его ставили в ничто, а сам попрощался и велел ждать себя обратно, вышел на двор, сел на своего доброго коня и поехал под индийское царство.

Ехал он месяц, ехал он другой и на третий месяц подъехал. Стоит в скрытом месте богатырь. Стоит и стоя спит. Он подъехал, стегнул его по голове нагайкой.

— Можешь лежа выспаться, нежели стоя!

Пробудился богатырь и стал его спрашивать:

— Кто таков ты и откудова, какого рода—племени?

Еруслан Лазаревич рассказал ему:

— Я сын князя Лазаря Лазаревича, меня зовут Еруслан Лазаревич, и поехал я поклониться царю Далмату.

И вот этот-то богатырь говорит:

— Мимо меня зверь не прорыскивал и птица не пролетывала, богатырь не проезживал и человек не прохаживал, а какое ты имел право мимо меня проехать?

И обозвал его щенком. А Еруслан Лазаревич говорит ему:

— Ты не поймавши птицу—теребишь, не увидавши доброго молодца—хулишь. Прежде всего поедем, померимся силами.

Ивашко поймал своего богатырского коня, надел на себя доспехи богатырские, и выехали они в чистое поле, разъехались на расстояние и слетелись два могучих богатыря, как сильных два грома, так что кони присели на задницы.

Еруслан Лазаревич поразил богатыря Ивашку—белу ипанчу сарацинску шапку своим долгомерным

копьем тупым концом, и упал Ивашко, как овсяный сноп, а конь его Арощ-вещий наступил ему на грудь и притиснул его к земле. Еруслан Лазаревич поставил остро копье и спрашивает:

— Смерть тебе или живота?

Ивашко взмолился:

— Еруслан Лазаревич, не дай смерти, а дай живота.

Тогда Еруслан Лазаревич говорит ему;

— Не убил бы тебя, но за то убью, что тебя много девиц знают и очень богатырём величают.

И предал его смерти. И поехал он поклониться царю Далмату.

Царь Далмат его встретил. Приехал Еруслан Лазаревич, встал на колени и просит себя ничтожного холопа в рабы. Тогда царь Далмат его спрашивает:

— Откуда и какого роду и как тебя по имени зовут?

Он рассказал ему:

— Я сын князя Лазаря Лазаревича из картаусова царства и поехал тебе поклониться.

Он говорит:

— У меня в чистом поле стоит богатырь тридцать лет и три года, по имени Ивашко—белая ипанча сарацинска шапка. Мимо него зверь не прорыскивал, птица не пролётывала, богатырь не проезживал и человек не прохаживал. А как ты проехал мимо него?

Он стал извиняться перед царем:

— Я не знал, что он твой, и убил его.

И тогда царь Далмат сильно убоялся и стал его великими почестями из царского стола гостить. Еруслан Лазаревич видел, что царь струсил сильно, убоялся. Еруслан Лазаревич простился с ним, вышел на двор и сел на своего доброго коня и выехал из индийского царства. А царь Далмат велел крепко запереть городские ворота на засовы и крепко замкнуть, чтобы не вернулся обратно Еруслан Лазаревич и не заполонил его царство.

А Еруслан Лазаревич поехал в чистое поле, в широкое раздолье и повернул он своего доброго коня ко граду Дебрею к царю Вахрамею, увидеть его прекрасную царевну Анастасию Вахрамеевну и подумал: „Что я еду в далекое странствование, а не был у отца и у матери и не взял благословения, может быть, придется жениться“. И повернул своего доброго коня и поехал он в картаусово царство.

Ехал он долгое время. Месяц ехал, и другой ехал, и третий. И в третий-то месяц он подъехал к картаусову царству и его не узнал. Это картаусово царство было всё огнем сожжено, и таскались человеческие и конские кости, и перебита рать-сила великая, и крикнул он богатырским голосом:

— Есть ли в сей рати жив человек?

И встал жив человек и спросил:

— Кого тебе надобно?

Стал его расспрашивать Еруслан Лазаревич:

— Чья эта сила побитая и кем она побитая?

Жив человек стал ему рассказывать, что рать-сила лежит царя Картауса, а победил ее князь Данила Белый. Сжег он всё царство, а самому царю Картаусу и князю Лазарю Лазаревичу выкопал глаза и посадил в своём царстве в темницу, а княгиню Епистимею убил насмерть.

Поездил, посмотрел Еруслан Лазаревич, горше плакал, и поехал он посмотреть отца и царя Картауса. „Если будет доступно, то посмотрю последний раз“.

Приехал он в город к князю Даниле Белому никем не замеченный, а только заметили его малые дети, которые играли на улице. Он спросил:

— Где сидит царь Картаус и Лазарь Лазаревич, в какой темнице?

Маленькие ребята показали ему, и он подъехал. Была сильная стража поставлена у темницы, и он моментально разбил всю стражу до одного и разбил все тюремные двери, вошёл он в темницу и увидел

царя Картауса, отца своего Лазаря Лазаревича и двенадцать богатырей. С выкопанными глазами сидят они на цепях.

Он стал на колени со слезами, стал здороваться и кланяться, а царь Картаус сказал ему:

Отойди от нас, нам не до тебя!

А князь Лазарь Лазаревич спросил его:

— А кто же ты такой будешь?

Он нарекся ему, что „я есть Еруслан Лазаревич, сын твой“.

Тогда царь Картаус и князь Лазарь Лазаревич, и двенадцать богатырей говорят ему:

— Если б у нас был Еруслан Лазаревич в живых, то мы здесь не сидели бы, а теперь мы тебе не верим.

Он стал их просить убедительно, что я и есть Еруслан Лазаревич.

Тогда царь Картаус говорит, что „если только Еруслан Лазаревич, то ты поезжай за теплые воды, за тихие моря, к огненному щиту, пламенному копью, к вольному царю и вынь из него желчь, и привези ее сюда, и этой желчью помажь нам глаза, чтобы мы увидели“.

И вот он вышел из темницы, сел на своего доброго коня и поехал в чистое поле.

А ребята пошли и рассказали своим отцам и матерям, что подъезжал какой то витязь, где сидят царь Картаус и Лазарь Лазаревич, на храбром коне, конь под им был, как лев.

— Для чего подъезжал, это мы не знаем.

Отцы побежали и донесли Даниле Белому. И потом князь Данила Белый пошёл к темнице со своими телохранителями и увидел, что вся темница была побита, он зашел в темницу и стал расспрашивать:

— Кто у вас был?

А те отказались н а п р о ч ь.

— Мы никого не видали, только слышали.

Царь Картаус и князь Лазарь Лазаревич говорят:

— Хорошо вы знаете, что мы без глаз и мы не видим, а только можем слышать. Был человек и назывался Ерусланом, но кто он такой не можем сказать.

Князь Данила Белый вернулся из темницы и велел в рог трубить и тимпаны бить и собрал сто тысяч войска храбрых мурзов и татар и стал им рассказывать, что здесь был витязь, назвался Ерусланом и вот нужно поймать и привезти его живого, велел сейчас же гнаться за им.

Мурзы поехали в чистое поле, ехали они долгое время и увидели под дубом стоит конь, и они стали поспешать, а конь еруслачов увидел рать-силу, стал ржать и бить хозяина копытом, отчего и пробудился Еруслан Лазаревич и увидел, что за ним погоня, стал и сел на своего доброго коня и махнул им взадь рукой.

— Некогда мне с вами, а надо ехать. Не догнать будет вам ветра в чистом поле!

И уехал, скрылся от них.

Ехал он месяц, ехал он другой. И вот в половине третьего месяца приехал он за тихие воды, за теплые моря, к огненному щиту, к пламенному копью, к вольному царю.

Не доезжая его царства, увидел он рать-силу побитую и стал он ее объезжать кругом, но никак не объедешь. Свистнул он молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом:

— Есть ли в сей рати жив человек?

Но человека не оказалось. И только к удивлению лежала богатырская голова, как бугор, и вот эта голова заговорила с Ерусланом Лазаревичем:

— Кого тебе надо, Еруслан Лазаревич?

Он так удивился, что бы это значило: одна голова, без туловища и говорит! И он стал ее расспрашивать:

— Чья эта рать-сила побитая и кем побитая, кто побил?

Отвечает ему богатырская голова:

— Рать-сила побитая вольного царя, а побил её я. Так что это государство когда-то было моего отца, и вот это царство полонил вольный царь и теперь царствует здесь. А когда я вырос, то хотел отобрать это царство и стал биться с войском его много времени, побил я много войска, стал доезжать до самого вольного царя, и он меня жёг пламенем. Трудно было подъехать, но все же я сумел и подъехал. Сразились мы с ним, и я ему отсек голову.

И вот князья его и бояры стали подговаривать меня, чтобы я второй раз ударил, я по злобе своей ударил его второй раз а когда второй раз ударил, то получилось два царя и они стали непобедимыми. И вот они отрубили голову мою. У меня был чудный меч-кладенец, когда падала моя голова и упала на этот меч-кладенёц и осталась навсегда. Что они ни делали, как они ни рубили мою голову и как они её ни жгли, но уничтожить её они не могли. Это вот вся тебе моя история.

А теперь расскажи мне—куда ты путь держишь?

Еруслан Лазаревич стал этой голове рассказывать.

— Я еду за тихие воды, за теплые моря, к вольному царю, к пламенному щиту, хочу его видеть мертвым и взять из него желчь и везти обратно в свое государство, где мой царь Картаус и отец мой Лазарь Лазаревич и двенадцать богатырей сидят в заточении у князя Данилы Белого с выкопанными глазами в темнице. И царь Картаус и отец мой Лазарь Лазаревич просили, чтобы я съездил и убил этого вольного царя и достал из него желчь, которой можно помазать глаза и прозреть.

И отвечает ему богатырская голова:

— Однако тебе, Еруслан Лазаревич, не видать этого вольного царя убитым, как своих ушей.

Когда услышал Еруслан Лазаревич эти слова, то горько закипело его сердце: „что бы значило, что я его не могу убить“, но он стал его расспрашивать, и вот богатырская голова отвечает ему:

— Когда ты будешь подъезжать ко граду вольного царя, то будет жечь тебя страшное пламя, и ты тогда не подъедешь, разве только дам я тебе совету, вот тогда только ты и подъедешь.

— А какой же вы дадите совет?—спрашивает Еруслан Лазаревич.

Отвечает ему богатырская голова:

— Когда будешь подъезжать ко граду и когда будет палить тебя пламя, то ты снимай шапку и маши к нему, он подумает, что ты кланяешься и перестанет тебя жечь, и когда ты подъедешь к нему, станешь проситься, чтобы он принял тебя холопа. И он тебя станет расспрашивать: каким путём ты ехал? И ты ему расскажешь вот этот путь, и он прежде всего побеспокоится спросить о побитой рати и о моей голове, и о мече-кладенце. И ты ему можешь пообещать достать этот меч-кладенец. То появится у него на душе радость необыкновенная, и он станет тебе обещать дорогие подарки: красные сёла с пригородками, и вот ты, значит, дашь ему своё обещание и придёшь обратно за мечом-кладенцом и только может мой меч его рубить, а никто другой, и вот я сойду с меча, ты и возьмёшь его тогда.

Еруслан Лазаревич попрощался с богатырской головой, поехал к вольному царю. Не доезжая за версту он стал его палить пламенем, а Еруслан Лазаревич, снявши шапку, стал махать, и он приостановил его жечь. А когда подъехал Еруслан Лазаревич к городским вратам, то его встретил вольный царь, а Еруслан Лазаревич слезает со своего коня и кланяется ему земно и говорит:

— Прими меня ничтожного холопа в услужение.

—Каким же ты путем ехал, добрый молодец, водным или сухим? А Еруслан Лазаревич отвечает ему, что он ехал сухим.

— А не видел ты рать-силу побитую?

— Да, видел,—говорит Еруслан Лазаревич.

— А не видел богатырскую голову?

— Да и это видел.

— Не видел под головой меч-кладенец?

— И меч-кладенец видел.

— А что же ты не можешь достать вот этот меч-кладенец?

— Почему не достать? Могу я его достать!

Сильно обрадовался вольный царь и стал ему сулить дорогие подарки: города и пригорода, и красные сёла, и даже свою дочь отдать в замужество.

Дал обещание Еруслан Лазаревич. Садится на своего доброго коня и поехал в чистое поле, приехал к богатырской голове, и стегнул эту голову нагайкою, и сказал, что „сойди с меча!“

Но голова не подвинулась. И слез Еруслан Лазаревич с своего доброго коня и стал сталкивать с меча-кладенца богатырскую голову, но никак не мог он ее своротить в сторону, и стал он на колени и стал он плакать и просить богатырскую голову.

Тогда отвечает ему богатырская голова:

— Рано ты, Еруслан Лазаревич, поторопился своей радости. Ты думаешь, что „достал я меч-кладенец!“ Я ведь тебе сказывал, что вольный царь не мог своим войском столкнуть мою голову и сжечь, и ни изрубить, а ты хотел один!

Но все же Еруслан Лазаревич со слезами кланялся и просил ее, и наконец как богатырская голова все же пообещала сойти с этого меча-кладенца и потому только не сходила за гордость Еруслана Лазаревича, что он сильный богатырь, что это нипочем ему было, нипочем столкнуть богатырскую голову, а когда он стал кланяться и просить усердно и плакать,то богатырская галова выполнила свое обещание и скатилась с меча-кладенца.

Еруслан Лазаревич взял меч-кладенец и садится на своего доброго коня, и говорит таково слово:

— Я в своей жизни многих сильных богатырей побивал и многих знатных царей устращивал, а ныне пришлось богатырской голове кланяться!

Богатырская голова заговорила:

— Однако, преждевременная твоя радость, Еруслан Лазаревич, что ты получил меч-кладенец. Можешь ты и с мечом-кладенцом потерять свою голову.

А Еруслан Лазаревич почувствовал свою вину и давай скорей со своего доброго коня и опять ставать на колени, извинения просить у богатырской головы.

Отвечает ему богатырская голова:

— Так вот, Еруслан Лазаревич, я тоже был богатырь, многих богатырей сильных побивал и многих разных царей устращивал, и имел силу и свойство подходить к вольному царю и видел его перед собою мёртвым. Но из-за своей храбрости я вот сложил на этим месте буйную голову свою.

И вот, когда ты поедешь к вольному царю, станешь доезжать до него и он выйдет со своими князьями, боярами, вынесет дорогие подарки, радости его не будет конца; он будет тебе обещать разные города и пригородки, и красные сёла, и свою прекрасную дочку замуж, и вот когда протянет взять у тебя меч-кладенец, ты его ударь. И когда отрубишь его голову, больше ты его не трогай. Будут тебя просить, чтобы ты ударил еще второй раз. Но тогда ты этого не делай. И вот тогда только можешь ты достать из него желчь.

Попрощался с богатырской головой Еруслан Лазаревич, поехал к вольному царю.

Как скоро вольный царь увидел Еруслана Лазаревича, что он везёт тот чудесный меч, который единственно только может его поразить и убить насмерть, то он не мог усидеть на своем царском троне и вынес он те самые ценные подарки на золотом бриллиантовом блюде. Шли и князья, и бояре, и вельможи и тоже несли дорогие подарки.

Когда подъезжал Еруслан Лазаревич, то вольный царь поторопился рассказать ему все ценности, что он ему за это даст, какие пригорода, какие красные

сёла и какое приданое со своею дочкою. И когда Еруслан Лазаревич подъехал к нему близко, то он протянул свою правую руку, чтобы получить из рук Еруслана меч-кладенец. А Еруслан в это время секнул его по шее и отсёк ему голову, которая полетела на пол и по каменному помосту звенела своими бриллиантовыми серьгами.

Князья и бояре заговорили и стали просить Еруслана Лазаревича:

— Хорошо ты сделал, дорогой наш Еруслан Лазаревич, уничтожил ты этого противного царя и развязал теперь ты нам всем руки и теперь ты можешь остаться у нас, и можешь ты править нашим государством. Ударь же ты его второй раз, изуродуй ты его тело!

А Еруслан Лазаревич говорит им:

— Нет, князья и бояре, не гораздо говорите, и вам меня обмануть далеко!

И вот они набросились на него, хотели его стащить и связать, и он стал этим мечом-кладенцом рубить их вправо и влево, и за короткое время убил много тысяч войска. И тогда князья и бояре стали на колени, стали просить Еруслана Лазаревича, чтобы он прекратил этот бой.

— Никто из нас с тобой не хотит ссориться, будет, и так уж довольно побито народу. Но вот лучше принимай наше царство, а если желаешь—женись на царской дочери.

А Еруслан Лазаревич отказался н а п р о ч ь, взял вольного царя, тело его вывез в чистое поле и слезает с своего доброго коня, и вынимает из него желчь, а самого царя оставляет на съедение лютым зверям и птицам, а сам поехал к богатырской голове благодарить её за великое благодеяние и встречу. Богатырская голова тоже радовалась: она видела, что Еруслан Лазаревич выехал целым, невредимым.

Подъезжает Еруслан Лазаревич, слезает с своего доброго коня и кланяется богатырской головеземно.

И вот теперь богатырская голова говорит Еруслану Лазаревичу:

— Я тебе сделала много доброго, за эту мою доброту и ты должен мне-ка сделать доброго.

— А что же для тебя сделать?—спросил Еруслан Лазаревич,—чем тебя благодарить?

И вот богатырская голова отвечает Еруслан Лазаревичу:

— Я подкатюсь к своему туловищу, и вот ты помажешь этой желчью мою голову и туловище.

А когда достал Еруслан Лазаревич желчь и помазал этой желчью и голову и туловище—они моментально срослись, и этот необыкновенный богатырь стал на ноги и стал благодарить Еруслана Лазаревича, за такую великую милость и так долго и крепко целовались и назвались родными братьями. Русланей назвался младшим братом, а Еруслан Лазаревич старшим братом.

И вот теперь говорит Еруслан Лазаревич:

— Теперь надо будет поспешить и ехать к царю Картаусу и к отцу своему Лазарю Лазаревичу.

И Русланей богатырь говорит:

— Мне тоже надобно ехать, прежде всего забрать это государство вольного царя с оставшимися злыми князьями, сделать с ними расчёты и поквитаться, и жениться на дочери вольного царя.

И вот они попрощались, крепко обнялись и поцеловались. Еруслан Лазаревич сел на своего доброго коня Арощ-вещего, а Русланей богатырь пошёл в царство вольного царя.

Еруслан Лазаревич долго ехал, ехал он ровно три месяца, и приехал он в царство князя Данилы Белого. И когда он подъехал к царству Данилы Белого, то он свистнул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом.

Услыхали в городе свист богатырский, и собрал Данила Белый три тысячи войска, и вышло войско

мурзых и татар, увидели храброго витязя, и этот витязь говорит:

— Не ясён сокол напущается на гусей, на лебедей и на серых утиц, а напущается Еруслан Лазаревич на рать-силу великую.

И вот стал бить, вдвое того конём топтал. Перебил это все войско и самого князя Данилу Белого взял в плен, выкопал ему глаза, и привёз в темницу, и тюремную стражу уничтожил, разбил он замки, отворил дверь, зашёл в темницу и увидел, где сидят царь Картаус и отец его князь Лазарь Лазаревич и двенадцать богатырей, сидели они на цепях. Он подошёл, по обыкновению стал на колени, стал просить у отца своего благословения:

— Благослови, родимый папаша!

Лазарь Лазаревич удивился, стал его расспрашивать:

— Уйди от меня, мне не до тебя, что ты смеешься со своим разговором!

Он стал убеждать и, наконец, почувствовал кровь Лазарь Лазаревич.

— Неужели ты, Еруслан Лазаревич, приехал, и как ты мог попасть сюда к нам в темницу? Или может быть мне это мерещится или слышу я это наяву?

Он стал его убеждать и, наконец, отец убедился и вспомнил, что когда-то он был у них и тоже говорил с ними и давал обещание поехать за тихие воды, за теплые моря к вольному царю пламенному копью, огненному щиту.

— Что разве, Еруслан Лазаревич, что обещал, то привёз?

— Да, дорогой папаша, привёз!

И вынимает он из своей сумы желчь и намазывает прежде всего своему отцу, и отец его стал с глазами. И теперь стал мазать царю Картаусу и двенадцати богатырям, и сейчас все прозрели и увидели Еруслана Лазаревича, и радостей ихних не было конца.

Он их вывел на воздух на чистый. И посадил князя Данила Белого в темницу и заковал его, а на царство князя Данила Белого посадил царя Картауса, а князя Лазаря Лазаревича с двенадцати богатырями повёз он в картаусово царство. Мало кто там остался после побоища князя Данилы Белого, осталися старые да малые, и вот он как мог, так и устроил, взял благословение у своего отца и поехал он ко граду Дебрею.

И ехал он ровно три месяца до города Дебрея. Остановился пока передохнуть и подзакусить, чтобы с сытым желудком приехать в город.

И вот услыхал он труб роговой и голос человечий. Из слов он узнал, что сам царь Вахрамей говорит и взывает, и просит он: кто бы мог избавить его от такого страшного чуда, которое жило поблизости в озере.

Было озеро громадное, вот из этого-то озера выходил трехглавый змей и поедал по несколько человек. И там люди выпускалися по жребию, и вот в тот самый день пал жребий на царскую дочь на Анастасию Вахрамеевну, и вот царь Вахрамей вызывал:

— Кто убьёт это чудо—страшного змея, за того я отдам свою дочь прекрасную Анастасию Вахрамеевну и дам ему полцарства своего.

Ну Еруслана Лазаревича не радовало это богатство и достоинство, но забилося его сердце, что сегодняшний день по жребию должна выйти Анастасия Вахрамеевна на съедение трехглавому змею, и он поторопился. Садится он на своего доброго коня, и поехал он к этому озеру.

И когда он стал подъезжать к озеру, вдруг это страшное чудовище выскакивает из озера. Конь, не видя никогда такое чудовище, со страху бросился в сторону и как-то неловко, и упал. А в это время Еруслан Лазаревич не мог так быстро оправиться, и это чудовище поймало Еруслана Лазаревича в зубы

и поволокло в озеро. Почти Еруслан Лазаревич был в озере, но справился, одной рукой он выхватил свой меч-кладенец и отсек две головы, а третья стала просить Еруслава Лазаревича:

— Не губи меня до последнего, а оставь меня живого, за это я дам великие подарки.

Тогда говорит Еруслан Лазаревич:

— Что же ты дашь за свой выкуп?

— Я могу тебе дать перстень самоцвет, который останется памятью твоим детям.

И вот Еруслан Лазаревич сел на этого змея, и поплыли они в озеро. И вот змей достал этот перстень, подал Еруслану Лазаревичу. А Еруслан Лазаревич попросил его вывезти на сушу. И вот это страшное чудовище, когда вывезло его на сушу, и он отсёк ему последнюю голову, а сам пошёл к своему доброму коню и потрепал он по плечу своего доброго коня, как будто бы разговаривая со своим конем: „Ну, Арощ-вещий, пока идут дела ладно, а вот теперь меня повезешь в славный город Дебрей." И садится на своего доброго коня и поехал к городским воротам.

А когда стал подъезжать ко граду Дебрею, то ворота были отворены настежь, встретил его царь Вахрамей с хлебом и солью. Слезает со своего доброго коня Еруслан Лазаревич, встаёт на колени и кланяется царю Вахрамею и говорит, что возьми меня холопа к себе в рабы.

Поднимает его царь Вахрамей и расспрашивает:

— Как ты мог приехать сюда к нам до ворот? На дороге есть озеро, мимо которого никто не проезжает и не прохаживает, страшный трехголовый змей поедат в день по несколько человек. И вот сегодня предстоит моей прекрасной царевне Анастасии Вахрамеевне выходить на верную смерть.

Еруслан Лазаревич отвечает царю Вахрамею:

— Да, батюшка-царь Вахрамей, я это чудовище убил и приехал к тебе доложить.

Берёт его царь Вахрамей за белые руки и ведёт в свои пышные палаты и усаживает его в золотое креслицо, начинает ему обещать дорогие подарки, обещанные в тот день, полгосударства, полцарства отдать и дочку свою выдать прекрасную Анастасию Вахрамеевну.

И вот Еруслану Лазаревичу первым долгом захотелось увидеть его прекрасную царевну. И пошел царь Вахрамей в комнату Анастасии Вахрамеевны.

Велел ей одеться, надеть дорогие платья и что только есть наилучшего, взять поднос и золотую чарку поставить на поднос, налить самой хорошей заморской водки, и выйти к Еруслану Лазаревичу.

И вот когда это всё было сделано, царь Вахрамей выводит свою прекрасную Анастасию Вахрамеевну и предлагает Еруслану Лазаревичу в знак её благодарения за избавление от смерти принять дорогой подарочек—чарочку заморского вина.

И вот Анастасия Вахрамеевна подходит и подносит Еруслану Лазаревичу. А у Еруслана Лазаревича забилося ретивое сердце от невиданной красоты, и не помнил как он принял эту чарку и выпил, и расходилась у него хмель в голове. Ставит он чарочку Анастасии Вахрамеевне на поднос и предлагает ей:

— Имею честь поздравить вас с избавлением от смерти и прошу подать руку на брачный союз.

И вот несколько она покраснела, но всё же надо было исполнить. Подает она ему свою руку, и берёт её Еруслан Лазаревич за правую руку и подводит её к царю Вахрамею, встают они на колени и просят благословения.

Отец их благословляет жить в совете и в неразлучной любви.

И вот назначена была свадьба с неописанной роскошью. Были гости приглашены из разных сторон, и совершилася свадьба на славу. Гости пили и веселилися и не знали как время шло.

А время прошло три недели. И вот они стали жить-поживать и приплода поджидать. И радости у них не было конца.

Еруслан Лазаревич по несколько раз просил слово от нее:

— Есть ли в свете тебя краше, прекрасная Анастасия Вахрамеевна, а меня храбрее?

И вот она ему отвечает:

— Есть в солнечном царстве, я слыхала, царь-девица по имени Поликария и вот той нету в свете краше, одно только могу сказать. Но о храбрости твоей буду говорить и говорить, что нет тебя храбрее, потому ты меня избавил от неминуемой смерти.

И вот запало у Еруслана Лазаревича во что бы то ни стало хоть глазком взглянуть на эту прекрасную девицу Поликарию. И он стал просить свою жену, чтобы она его отпустила съездить к отцу своему Лазарю Лазаревичу. Сначала она не разрешала ему этого и, наконец, отпустила его, и прощалась с Ерусланом Лазаревичем, и горько плакала при прощании. Он вынул перстень-самоцвет, который был подарен от трехглавого змея, и подает он прекрасной Анастасии Вахрамеевне.

— Если родится сын, то надень на него этот перстень—знак памяти, а если родится дочка, то будет это приданое. Небываемое бывает, может быть, я вернусь или не вернусь.

И он вышел на двор, провожала его жена Анастасия Вахрамеевна и царь Вахрамей. Оседлал он своего доброго коня, попрощался и проводили его горькими слезами. И выехал он из вахрамеева царства.

Ехал он полгодичное время и приехал в солнечное царство. И он по этим прекрасным лугам взад и вперед и не смел поехать он в солнечное царство. А как заметила Поликария со своего терема и послала своих могучих богатырей или добрых молодцев провести его в палаты, а если он не по душе, то убить его. Витязь выехал напротив Еруслана Ла-

заревича. А когда он выехал с бранными доспехами, то Еруслан Лазаревич подумал себе: „Придется мне здесь помериться силами“. И вот он перебил этих витязей, одного оставил и послал сказать этой царь-девице Поликарии, что он хочет видеть её. Она услышала беду неминучую, что такой непобедимый витязь, то приказала, чтобы принять его, как следует.

И вот въехал Еруслан Лазаревич во двор, сняли его с высокими почестями с коня, привязали лошадь к серебряной коновязи, и повели его в дорогие палаты, а как встретила его царь-девица Поликария, то Еруслан Лазаревич потерял сознание. Не так она была, чтобы красивее Анастасии Вахрамеевны, но она привлекала каким то волшебным чувством. И поднесла она ему золотой кубок, волшебные чары, и он выпил из этих волшебных чар. Жил у ней много времени и не понимал, сколько время, а всё считал, что прожил только сутки. Совсем уже соберется уезжать, подходит к своему доброму коню, сядет и опять думает, что забыл проститься с Поликарией, и опять заходит обратно к Поликарии, и начинает жить и веселиться.

Прошло уже это более десяти лет. И вот за это-то время Анастасия Вахрамеевна родила сына, и которому нарекла имя Еруслан Ерусланович.

Еруслан Ерусланович рос не по дням, а по часам, как пшеничное тесто на опаре ходил.

Однажды стал он беседовать с родной матерью, что был ли у него родной отец. Она всё время отказывалась, и в конце концов она ему рассказала, что отец его Еруслан Лазаревич.

Забилось его сердце богатырское.

—Где же, куда он девался? А где есть?

Она только рассказывает, что он был и уехал на свою родину и вот уже прошло более десяти лет.

Он стал просить благословения у матери поехать искать своего отца. Мать, конечно, давала ему разные предлоги, чтобы не ездить.

—И всё равно ты его не найдешь. А надо ждать его возвращения.

А Еруслан Еруслановнч настаивал на своём, в конце-то концов пришлось разрешить ему поехать.

Еруслан Еруслановнч пошёл на задний двор к конюхам и выбрал себе доброго коня, оседлал этого коня, подничок, на подничёк. сверх черкацкое седелице о двенадцать подпруг, подпруги шёлка шаматинского, шёлк не рвётся, булат не гнётся, чистое серебро не ржавеет. Заходит он в палаты и кланяется до земли своей матери и просит у ней благословения.

Мать ему и говорит:

—Прежде благословения я тебе дам тот памятный предмет, который оставил отец твой на память.

И вынимает она из дорогого сундука тот заветный перстень и подает Еруслану Еруслановичу. Надеёт его Еруслан Еруслановнч, взял благословение у матери, сел на своего доброго коня и выехал он в чистое поле.

Поехал он в картаусово царство, но не знал точно направление, а ехал он туда, куда глаза глядят, и ехал он много времени и приехал в то солнечное царство, где живёт царь-девица Поликария. И он стал по заповедному лугу поезживать и посвистывать. Заметила стража и доложила царь-девице Поликарии, что на заповедном лугу разъезжает молодой витязь и посвистывает. Видимо, он вызывает войско или богатыря.

Она велела снарядить несколько могучих богатырей и послать разведать этого молодого витязя. А молодой витязь в короткий срок уничтожил их и оставил одного, который мог бы передать царь-девице Поликарии.

Она послала второе войско. Он и второе войско уничтожил.

Она собрала еще сильнее войско на несколько тысяч и послала к этому богатырю, а все же Еруслану Лазаревичу она не говорила, а когда он и это

войско уничтожил, то она сказала, что „вот какой-то приехал витязь молодой, каких я богатырей не засылала к нему, никто с ним не мог устоять, не хотела я с тобой расстаться, хотела я тебя задержать навеки, но вот в крайней необходимости пришлось тебе рассказать".

Еруслан Лазаревич вспомнил, что он так долго прожил, давай седлать коня и, не простившись с Поликарией, выезжает из её города и увидел, что разъезжает славный могучий богатырь, богатырь был молодой. А когда подъехал к нему Еруслан Лазаревич, стал его спрашивать, какого он роду-племени и как по имени зовут. Богатырь ему на это не ответил.

—Какое тебе дело расспрашивать меня? Прежде ты изведай меня, кто я и померись со мною силой.

И пришлось выехать Еруслану Лазаревичу на бранный бой. Разъехались эти два могучих богатыря, как два страшные сильные грома. И вот успел молодой витязь ударить Еруслана Лазаревича напротив сердца ретивого своим тупым концом копья, что Еруслан Лазаревич чуть не вылетел из седла, но в своем проворстве и сам ударил этого молодого рыцаря и свалил его с седла, а конь притиснул его к земле своим копытом. Еруслан Лазаревич поворачивает своё копье долгомерное вострым концом напротив сердца ретивого и сказал ему таково слово:

—Смерти тебе или живота?

Но этот молодой рыцарь не просил пощады, а ухватился за острие копья обеими руками, чтобы он не уколол его ретивое сердце. И вот в этот момент Еруслан Лазаревич увидел у него на правой руке тот самоцвет-перстень. И он тут же, как всё равно на огне растаял. Руки у него упали, и выпало у него копьё из рук. Он слез с коня и стал его расспрашивать:

—Как тебя по имени зовут, ведь ты мой сын?

А Еруслан Ерусланович страшно удивился и стал расспрашивать его, кто он такой.

А Еруслан Лазаревич стал ему рассказывать, что „я отец родной“.

—А почём ты меня узнал и зовёшь меня сыном?

Он показывает ему на этот перстень, что этот перстень был единственный на белом свете.

И тогда стали они обниматься и целоваться, и прежде всего побеспокоился Еруслан Лазаревич спросить о его матери, об Анастасии Вахрамеевне, как она здравствует.

И он рассказал, что она очень печальная и очень похудела в тоске по тебе. А дедушки Вахрамея нету, он скончался как уже два года.

И вот они сели на своих добрых коней и поехали в царство Вахрамея в город Дебрей и ехали они время полгода и никак не могли наговориться, а Еруслан Лазаревич никак не мог налюбоваться над своим сыном: такой знаменитый витязь не по годам, а по росту!

И поехали они в вахрамеево царство, то увидя Анастасия Вахрамеевна с терема узнала своего сына, но не узнала Еруслана Лазаревича. Почему она его не узнала, что он весь оброс бородою.

Въехали они во дворец, встречают их князья и бояре и снимают с лошадей, а Анастасия Вахрамеевна стоит на мраморном крылечке и ожидает своего мужа и сына с дорогим своим подарком. А какой же был этот дорогой подарок? А это был бесценный поцелуй как для сына, так и для мужа. И поцеловала она и пошли они домой. Садятся все трое за стол и начинают беседовать. И эта беседа продолжалась много лет, но Еруслан Лазаревич не открыл тайны своей прекрасной Анастасии Вахрамеевне о разлуке, когда он уезжал.

Теперь сын просит отца и мать поехать к своему дедушке Лазарю и царю Картаусу и увидеть и передать глубочайший привет.

Еруслан Лазаревич садится за стол и начинает он писать, пишет он привет отцу своему Лазарю

Лазаревичу, царю Картаусу и двенадцати богатырям. А на обратном пути просит сына заехать к Безымённому богатырю, меньшему брату, передать ему прекрасный привет с царевной Кандаулой Феодульевной, а оттуда велел ему проехать в царство Задонское к сильному славному Русланею, передать ему привет.

И вот сын берёт отцовского коня Арощ-вещего, который всю дорогу знает и седлает этого богатырского коня: подничёк на подничёк, сверх того черкацкое седелице, двенадцать подпруг, подпруги были—шёлк шаматинский, шёлк не рвётся, булат не гнётся, а чистое серебро в грязи не ржавеет. И берет он благословение у отца и у матери, садится на своего доброго коня, а они его провожают с радостью и со слезами.

И он выехал из вахрамеева царства и поехал в царство царя Картауса, ехал он много время и приехал в картаусово царство. Побывал он у царя Картауса и привез ему привет от отца Еруслана Лазаревича, и радости у царя Картауса не было конца. А потом поехал к своему дедушке Лазарю Лазаревичу в старое картаусово царство. Когда приехал туда и увидел своего дедушку. Дедушка его был очень стар, седой как лунь, он стал на колени и передал глубочайший привет от себя, от отца Еруслана Лазаревича и Анастасии Вахрамеевны, и радости у дедушки не было конца.

Прожил он у дедушки несколько времени, простился и поехал обратно. На обратном пути он подъехал к царству Безымённого богатыря, и стал он разъезжать по заповедным лугам, а когда заметил Безымённый богатырь, что незнакомый витязь ездит и вызывает, Безымённый богатырь осёдлывает своего доброго коня, надеет богатырские доспехи и выезжает к молодому витязю. И вот съезжаются эти два богатыря на расстоянии и поражает он Безымённого богатыря. Богатырь, который не имеет имя, вылетает из седла, тогда Еруслан Ерусланович слезает со

своего доброго коня, обнимает его и даёт ему глубочайший привет от отца своего.

—Извиняюсь, но мне было интересно испытать брата младшего, руку Безымённого богатыря.

У Безымённого богатыря не было радостям конца, повёл его в хоромы, пили, гуляли целую неделю. И, наконец, нагостившись, Еруслан Еруслановичь попрощался с Безымённым богатырем и с Кандаулой Феодуловной и выехал он из ихнего царства. И поехал он далеко.

Ехал он полугодичное время и приехал в Задонское царство к царю Русланею, и ста́л вызывать он царя Русланея. Го ему доложили послы, что здесь Русланея богатыря нет. Надо тебе ехать за теплые воды, за тихие моря, где́ жил вольный царь калёное копьё и огненный щит. Теперь Русланей женился на его дочери и царствует там.

И он поехал за тихие воды, за теплые моря и приехал к богатырю Русланею и стал разъезжать на заповедных лугах. Заметили славного молодого витязя и доложили богатырю Русланею.

Вскоре же Русланей богатырь приготовил себе коня и выезжат напротив молодого витязя. И вот они разъехались на расстояние. Еруслан Еруслановичь прежде успел ударить Русланея богатыря и чуть его не вышиб из седла, а потом Русланей богатырь побеждает этого молодого витязя, но не убивает, а начинает его расспрашивать, какого роду, какого племени и какого отца-матери, По имени Еруслан Еруслановичь знает от своего отца, что Русланей богатырь его старший брат. Начинает он ему рассказывать:

—Я сын славного, могучего богатыря Еруслана Лазаревича.

Берет его в объятия Русланей богатырь, обнимает и целует, повел его в дорогие палаты и стал угощать чем только мог.

Прожил он тут довольно много времени. А по-

том Русланей богатырь пишет письмо своему младшему брату и никак не нахвалится какой у него славный сын и могучий богатырь, что даже чуть его не вышиб из седла. Попрощался Еруслан Ерусланович и оттудова поехал в вахрамеево царство.

И когда он ехал во всю прыть, скакал с горы на гору и увидел он на дороге стоит старичок сам с локоток, а борода с ноготок. И он хотел его стоптать. Старичок сам с локоть, борода с ноготь дунул на него и этим дуновением свалил его с конем. И Еруслан Ерусланович сделался бессильным.

А когда поднялся на ноги, стал извиняться Еруслан Ерусланович, что сделал нехорошо.

И этот старичок был невидим.

Поехал он домой к отцу своему, оставил свою храбрость и не гордился своею силою. И приехал он в своё отечество. Встретили его Еруслан Лазаревич и Анастасия Вахрамеевна. Радости у них не было конца. Повели они его в свои палаты, стали его расспрашивать—где он был и кого видел?

И он стал им рассказывать все подробно: как он был в царстве Картауса, как радовался царь Картаус, что родился славный богатырь у Еруслана Лазаревича. А оттуда попрощался, поехал к дедушке своему Лазарю Лазаревичу, и у дедушки не было конца радости, и он даже обещался приехать в гости и написал дорогое письмецо своему сыну Еруславу Лазаревичу о его жизни, о его счастьи, радовался, что у него родился такой славный могучий богатырь Еруслан Ерусланович. Попрощавшись, поехал он обратно и на пути побывал у князя Безымённого богатыря, которого даже вышиб из седла. Безымённый богатырь написал дорогому брату письмо, радовался, что у него родился славный богатырь Еруслан Ерусланович. А оттуда проехал в Задонское царство к богатырю славному Русланею, где его не оказалось; он уехал за тихие воды, за тёплые моря, где жил вольный царь. И был там он у Русланея и испытал его

силу и чуть даже не вышиб его из седла, и потом скоро Руслачей узнал, что он сын его брата и гостил у него цельную неделю. Он тоже послал письмо и привет.

— А оттуда, на обратном пути, ехал я домой и пришлось повстречаться с человеком малого роста — сам о локоть, борода с ноготь, и которого я не з а ч т и л ни за что и хотел его стоптать. И он своим дуновением свалил меня с конем, и я не успел путем опомниться. Когда я стал на ноги—этот старик был невидим.

И вот я тут почувствовал свою вину, от своей храбрости и дал я от себя обет, чтобы не унижать никого и вот приехал я домой.

И вот стали они жить и поживать.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БУЙ-ВОЛК

В не в котором царстве, в не в котором государстве жили два брата, оба царевичи. Старшего брата звали Фёдор-царевич, а младшего — Иван-царевич. Оба были холостые.

Однажды Иван-царевич говорит Фёдору-царевичу:

— Все-таки надо подыскать себе невесту и жениться.

Фёдор-царевич поехал сватать невесту, высватал невесту и привозит её домой. Стали свадьбу играть. Собрали всех гостей: бояр и вельмож. Свадьбу сыграли, повеселились и стали жить и поживать и приплода поджидать.

И вот этого брачного союза-то не было у них. Почему-то молодая царевна ненавидела Фёдора-царевича и стала над ним издеваться, стала с него требовать того, чего не было на свете. И он бился и томился, во все концы кидался и ничего не мог находить. И она имела силёнки и вот поэтому-то не повиновалася Фёдору-царевичу. Частенько приходилось покалачивать его, но выносу Фёдор-царевич не делал.

Иван-царевич поглядел на всё это и сдумал уехать от них, оставил их одних.

И вот он ехал долгое время и, наконец, лишился своей доброй лошади, остался пешком. Подходит он к самому морю-океану, глядит — корабль. Подходит он к этому кораблю, а на корабле были ярыжки. Он стал расспрашивать:

— Кто тут есть, кто капитан корабля?

Они ему рассказали:

— У нас управляет кораблём прекрасная девица, по имени ее звать Маруся, а величать мы её не знаем.

И вот он попросился, чтобы увидеть её. Когда она к нему вышла, и вот они друг друга полюбили. Маруся поехала с ним в его царство и сказала Ивану-царевичу, что „я не буду сказываться Фёдору-царевичу и жене его. Я хорошо знаю жену Фёдора-царевича, с которой не получится у нас ладу“.

И когда приехал Иван-царевич, то её содаржи-вал тайно. Никто её не видел—ни мужчины и ни женщины, и Иван-царевич жил, как холостой.

И он стал расспрашивать жителей того государства:

— Где Фёдор-царевич?

Те ему сказали, что теперь Фёдор-царевич не управляет царством, а управляет его жена, а Фёдора-царевича заставила пасти свиней.

Пошёл Иван-царевич искать своего брата в чистое поле и находит своего брата Фёдора в чистом поле—пасёт свиней. Он спросил у брата, у Фёдора:

— Что бы значило? Почему он так себя допустил пасти свиней?

Фёдор-царевич говорит:

— По распоряжению её, значит. Она задала мне заданьице, я не мог выполнить, поэтому пришлось мне пасти свиней.

Он стал расспрашивать:

— Какое же заданьице она тебе задала?

Фёдор-царевич говорит:

— Заданьице задала—ехать за тридевятое царство, тридесятое государство, там есть випря-кабан, носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растёт, чтобы поехать и привести этого кабына. Я не смог, и потому пришлось мне пасти свиней.

И вот Иван-царевич и говорит Фёдору-царевичу:

— Бросай ты, брат, этих свиней и иди к своей жене, а, если она тебя погонит опять свиней пасти,

ты говори: „Я выполню, достану этого кабана". И тогда нарядишь ты меня.

И вот Фёдор-царевич приходит домой, а жена его царица гонит его метлой.

— Уходи! Не кажись мне на глаза!

А он кланяется и просит ее:

— Выполню твоё задание.

Теперь она разрешает ему, чтобы быть дома, но непременно, чтобы выполнить это дело.

Когда он взялся выполнить это дело, приходит к Ивану-царевичу и говорит:

— Иван-царевич, выполни мое дело.

Иван-царевич согласился выполнить это дело. И заходит в тайную келью своей любезной Маруси.

— Ну, Маруся, давай выручать моего брата, помоги моему делу.

А что такое?

— А вот приказывает ехать в тридевятое царство, в тридесятое государство достать випря-кабана, который носом роет, хвостом боронит, в зади хлеб растёт.

И вот Маруся даёт Ивану-царевичу платочек носовой.

— Когда ты увидишь этого випря-кабана, налетит он на тебя задавить, и ты махни платочком этим, и он сделается смирнее всякого животного, и ты пойдёшь передом, и он пойдет за тобою.

И вот пошёл Иван-царевич в конюшню. Выбрал себе доброго коня и удержал его силой, и выехал из отцовского дома.

Проехал он немало время, и вдруг однажды попадается ему этот кабан навстречу. Идёт, носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растёт.

А когда стал подъезжать Иван-царевич к нему, он бросился на него, побежал, хотел задавить. Он выдернул носовой платочек, махнул на кабана, он сделался смирнее всякого животного.

Иван-царевич повернул своего доброго коня, поехал домой, а кабан пошёл за ним.

Когда поехал он домой, заехал в царский двор, и кабан за ним; носом роет, хвостом боронит, взади хлеб растёт. И стал он рыть, переворачивать все кладовые, не стал оставлять целого места.

Жена Фёдора-царевича увидела это, испугалась и стала просить, чтобы он убрал этого кабана.

— Только ты убери, Фёдор, кабана—я тебя буду любить.

А Фёдор-царевич пошел просить младшего брата, чтобы он вывел этого кабана.

А Иван-царевич махнул платком носовым, и кабан пошёл за ним, вывел его в чистое поле, и кабан пошёл за ним, вывел его в чистое поле, и кабан ушёл.

Проехал Иван-царевич много мест, проехал много время, видел он много худого и доброго и приезжает он в своё отечество. Побывал он у своей милой Маруси и пошёл повидаться с братом Фёдором.

Приходит, спрашивает:

— Где же мой родимый братец?

Тут ему доложили князья и бояре:

— Брат твой опять свиней пасёт.

Он поехал в чистое поле отыскивать брата.

Отыскивает и расспрашивает: „Что бы значило?"

Фёдор-царевич говорит брату Ивану-царевичу, что жена опять стала требовать, чтобы я достал сорокапегую кобылу, сорок—пежней было разной шерсти, и под каждую шерсть были табуны по сорок жеребцов на каждую пежню, не считая кобыл, а этим кобылам-то счёту нет. Чтобы эту кобылицу я достал.

Не придумал как сделаться, не достал я и пришлось пасти свиней.

И опять он брата ведёт за собой.

— Иди и скажи: „Могу достать эту кобылу".

Приходит Фёдор-царевич домой. Она опять его гонит метлой. Он опять её просит, извиняется, что „я могу достать сорокапегую кобылу".

И идёт к Ивану-царевичу, к брату родимому и просит его, чтобы он помог его горю.

А Иван-царевич идёт в тайную келию к прекрасной своей Марусе и опять говорит ей:

— Как бы избавиться вот от этого дела, как достать кобылицу?

А она ему даёт полотенце.

— Когда найдёшь ты эту кобылицу и когда заржёт и набежит на тебя задавить, ты махни этим полотенцем, она будет смирная. Смирнее всех животных.

Он садится на свого доброго коня и едет в чистое поле, широкое раздолье, и увидел он табуны глазом не обведёшь. И когда он поехал к этому табуну, из табуна налетела на него кобылица, которая тут же хотела его затоптать. И он вытащил полотенце, махнул на нее, и она стала вкопана, смирнее всех животных. И он повернул коня и поехал домой, а кобылица пошла со всеми табунами за ним.

И когда Иван-царевич приехал в царский двор, то табуны не входили во двор.

Жена Фёдора вышла полюбоваться на переднее крыльцо, и вот тут кобыла маленько не оторвала ей голову. Она успела заскочить в терем и давай реветь в окно, чтобы убрали эту кобылицу.

Иван-царевич махнул полотенцем на кобылицу, и она пошла за им, вывел он её в чистое поле. И вот эта мать-кобылица как шла, так и ушла. А Иван-царевич поехал дальше добрых людей смотреть и сам себя показать.

Проездил он немало время и стал тосковать об своей прекрасной Марусе. Приезжает он домой, побывал у Маруси в келии и пошёл повидаться с родным братом Фёдором-царевичем. Приходит, Фёдора-царевича нет.

Фёдор-царевич опять пасёт свиней. Он стал его отыскивать и опять нашел его в чистом поле.

И он стал говорить своему брату Фёдору:

— Почему ты так себя унижаешь?

— И рад бы я, родимый братец, да вот силушки нет и вот приходится от злой жены терпеть.

— А что же она заставила тебя достать или сделать?

— Она заставила меня ехать за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятое царство, чтобы ехать к Буй-волку и достать от него волшебный меч-кладенец. „А не достанешь,—сказала,—голову на плаху!"

Теперь Иван-царевич говорит:

— Иди скажи, что я достану меч-кладенец.

И вот, когда он приходит во дворец, она его опять давай бить метлой и погнала на улицу.

Он стал просить:

— Не бей меня! А что прикажете, то я сделаю

— Но, тогда делай скорей. Достань мне меч-кладенец.

Вот тут-то он в словах выдал Ивана-царевича. Так-то он **крадчи** делал, а тут-то он с испуга спутался, сказал, что я пойду просить Ивана-царевича достать этот меч-кладенец.

Она говорит:

— Вот кто у тебя достаёт! А я думала, что ты сам достаёшь! А теперь я вас испытаю. Наверно, ты пошлёшь своего брата искать меч-кладенец, а самого я тебя заставлю пасти свиней.

Вот Фёдор-царевич приходит к Ивану-царевичу и просит его во что бы то ни стало достать этот меч-кладенец.

Иван-царевич говорит:

— Не знаю, могу ли я достать. Ну, да ладно, подумаю.

А когда ушёл брат — Фёдор-царевич, Иван-царевич пошёл в свою келию с докладом Марусе прекрасной. И вот он просит свою Марусю, чтобы она во что бы то ни стало помогла ему, а то им плохо будет.

И вот прекрасная Маруся сняла со своей руки кольцо самоцветное и надела Ивану-царевичу на правую руку.

— И вот когда придётся тебе и вправду помирать, так вот ты это кольцо сними с руки и положи его на стол и увидишь, что будет, а сам попроси воды умыться перед смертью.

Иван-царевич берёт это кольцо, прощается со своей Марусей. И он велел своему брату Фёдору нарядить флот, и флот чтобы был подготовлен на три года.

И вот, когда был готовый флот, Иван-царевич приходит, садится он на корабль и поехал за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятое царство. И проехал он океан-море, подъехал к незнакомой стороне и высадился он с корабля, взял с собою двух солдат, а капитану корабля велел дожидать тут. И пошли, куда глаза глядят.

Долго время шли они. Один солдат упал в изнеможении, и они, посколько смогли, снабдили его и оставили, а сами пошли далее. И другой обессилел, с ним такая же получилась картина. И вот и этого Иван-царевич устроил, оставил, а сам пошёл дальше.

Шел он немало время, подходит к каменным палатам, сидит престарелая старушка, и она спросила:

— Откудова ты это, молодой человек?

Он стал ей рассказывать и стал ей таить, не стал показывать точно своего адреса.

Она ему говорит:

— Ах, Иван-царевич, зря ты пришёл! Вот скоро Буй-волк прилетит. Если только он прилетит, тебя съест.

И она превратила Ивана-царевича в дерево и положила его в печку.

И вот прилетает Буй-волк. Летал он три года, налетался вдоволь и прилетел.

Буй-волк говорит:

— Фу, фу! Русская кость видом не видана и слыхом не слыхана, а теперь сама русская кость во двор пришла.

И он стал просить у матери, чтобы она показа-

ла ему русскую кость. Она вытаскивает из печи полено дров. Она согласилась так: если он не причинит вреда, то она покажет. И он дал своё обещальное слово. Она вытаскивает из печи полено дров и ударяет его об пол, и превращается из этого полена Иван царевич. И подходит к Буй-волку и здоровается с ним.

— Где же ты был? Где же ты летал? Кого же ты видел?—расспрашивает его.

Он ему говорит:

— Я летал три года и показалось это мне, как три дня. Если всё говорить—не выговорить и не для чего тебе рассказывать. Лучше вот давай я тебя сейчас буду ись.

Мать подходит и говорит:

— Что ты, что ты, сыночек! Ты ведь дал мне обещаньице. Ужли ты изменишь своё слово.

Он вспомнил данное слово и остановился.

— Ну ладно, мамаша, коли так—дай нам пообедать и закусить.

Мать сейчас берёт ухват и из печки вытаскивает щи укладны, сухари булатны, ставит на стол, и Буй волк просит Ивана-царевича садиться с ним.

Иван-царевич сколько он ни боялся, но пришлось ему садиться с ним.

Начали они кушать эти щи и начали грызть эти сухари. Иван-царевич ложку, а Буй-волк две да три. Иван царевич сухарик, а Буй-волк два да три.

И когда покушали, вышли изо стола. Теперь встает Буй-волк, приступает к Ивану-царевичу.

— Сколько я щи ни ел, а все-таки мне поись мясо твоё охота.

А Иван царевич придумал:

— Вот что, Буй-волк, давай прежде поиграем в карты, кто из нас прежде выиграет, тот и прав будет.

Соглашается Буй-волк. Вытаскивает колоду карт и садится за стол и просит садиться Ивана-царевича, и принялись играть.

Месяц играют, другой играют, а на третий месяц Иван-царевич задремал.

Буй-волк говорит:

— Чго ты делаешь? Ты ведь дал обещание, чтобы не спать.

А Иван-царевич говорит:

— Это я не сплю, а думушку думаю.

— А какую же ты думушку думаешь? —спрашивает волк его.

— А я думушку думаю: женского полу боле или мужского?

Буй-волк говорит:

— Нет, я это знать не могу.

А Иван царевич:

— Довольно бы стыдно тебе было не знать! Так много летаешь и облетаешь, а не знаешь.

Тогла Буй-волку показалось стыдно, что не знает, он и говорит Ивану-царевичу:

— Ты тасуй карты, а я полечу и узнаю.

Буй-волк улетел, а Иван-царевич лёг спать.

Он летал ровно три месяца, а Иван-царевич за это время досыта выспался. Как Буй-волк прилетает, а Иван-царевич сидит карты тасует.

И говорит Иван-царевич:

— Как ты долго летал, я тебя замаялся ждать.

Сидит карты тасует.

— Ну, как ты узнал, кого боле—мужского или женского полу?

— Да, —Буй-волк говорит,—проверил, женского полу далеко боле, чем мужского.

И сели, давай играть в карты.

Вот играют они месяц, играют другой, играют третий. Иван-царевич задремал.

Буй-волк говорит:

—Что ты делаешь? Я должен тебя съись.

Он говорит:

—Нет я не сплю, я думушку думаю.

— Какую ты думушку думаешь?

— Стоячего леса боле или лежачего? Как же ты не знаешь? Облетаешь за короткий срок весь земной шар и не знаешь, где боле стоячего или лежачего лесу.

Буй-волку стало обидно. Он говорит:

— Ты тасуй карты, а я слетаю посмотреть которого боле, лежачего или стоячего лесу.

А когда он улетел, Иван-царевич лег спать.

Он летал ровно три месяца, а Иван-царевич выспался. А как прилететь Буй-волку, Иван-царевич сидит карты тасует и говорит:

— Как же ты это долго летал?

Так надо было мне проверить,—говорит Буй-волк. Садится за стол и начинает играть в карты. Но когда сели за стол играть в карты, Иван-царевич спрашивает Буй-волка:

— Ну что узнал: лежачего боле или стоячего?

— Да, узнал: лежачего лесу боле, чем стоячего.

И начали они играть.

Проиграли месяц, играют другой, играют третий, Иван-царевич задремал и уснул.

Буй-волк ткнул его под бок и разбудил.

— Ну, Иван-царевич, теперь я должен тебя съись, потому ты уснул.

Ивану-царевичу нечем было оправдываться.

— Виноват я, Буй-волк. Только ты разреши мне перед смертью умыться.

Тогда Буй-волк говорит:

— Ну, ну ладно, поспешай скорей умыться.

Вот Иван-царевич подошёл к умывальнику и скинул кольцо и положил его на стол, а сам подошел умываться. А Буй-волк заметил у кольца внутри пробу, где было написано: „Маруся-прекрасная“. И он понял, что это кольцо его сестры. И он стал спрашивать Ивана-царевича:

— Где ты мог взять такое кольцо?

И он ему сказал, что „это кольцо моей наречённой жены Маруси прекрасной“.

Буй-волк его поймал в объятия и стал обнимать и целовать, и стал его расспрашивать:

— Какая твоя цель поездки была ко мне?

И вот он стал ему рассказывать, какая у брата жена, от которой брат его страдает много.

И мне приходится выручать его во многом. И вот когда она третий раз затребовала твой меч-кладенец, а иначе не быть Фёдору живому, Фёдор-царевич пришёл кланяться и просить меня. Я обратился к своей суженой Марусе прекрасной и стал просить её совету, и вот она-то мне сказала: „Одень моё кольцо, а когда перед смертью, может быть, предстоит тебе смерть, ты умойся, скинь только кольцо, с кольцом не умывайся".

И вот стал он у него гостить, и достал Буй-волк не щи укладны и не сухари булатны, но достал заморское варенье и сластей для прохлажденья. Стали пить, гулять и веселиться.

И теперь Буй-волк берёт свой меч-кладенец и велит садиться Ивану-царевичу к себе на спину. Когда сел Иван-царевич на Буй-волка, Буй-волк сделался волком, а то был богатырь И полетели выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. Прилетают на то место, где оставался капитан корабля, и то место оказалось пустое: капитан корабля уехал домой И вот догоняют они его, Буй-волк упал на корабль, и так этот корабль раскачался, чуть не начерпал в себя воды, и все были в беспамятстве. А потом, когда увидели Ивана-царевича, то опомнились.

И приехали они к Фёдору-царевичу, и завёл он Буй-волка к своей наречённой жене, а сам пошёл к брату Фёдору и стал расспрашивать, где брат Фёдор. Тут ему сказали, что брат Фёдор три года свиней пасёт. И вот они пошли с Буй-волком отыскивать Фёдора царевича, где он свиней пасёт.

Буй-волк даёт приказ Фёдору-царевичу пойти и спрятаться в конюшни. А будто Иван-царевич дал Фёдору-царевичу меч-кладенец. Буй-волк предстал

Фёдором-царевичем и понёс этот меч-кладенец своей жене. А она на него налетела. А он схватил её и давай охаживать нагайкой, и так ее чуть живеньку оставил, и теперь предоставляет ей:

— Вот можешь получить меч-кладенец.

Она взяла, и меч-кладенец выпадал из рук её, он был очень тяжеловесный. И тогда Буй-волк — мнимый царевич Фёдор — говорит:

— Этот меч не по плечу тебе. Я только попытал тебя на время, слушал тебя, исполнял твои приказания, а теперь этот меч нужно отдать, чтобы брат Иван увёз его обратно Буй-волку.

А сам вышел мнимый царевич-Фёдор и послал настоящего Фёдора-царевича.

И вот теперь Фёдор-царевич остался со своей женой, а Маруся прекрасная и Иван-царевич сели на Буй-волка и полетели в его царство и учинили свадьбу наславу. Гуляли цельную неделю. Но, конечно, вино рекой лилося, даже выпить мне пришлося, квасу, пива много пил, огурцами закусил.

ПРО ХОРОШЕГО ОХОТНИКА

В одной деревне был хороший охотник, и он много лет охотился. Однажды он пошёл в тайгу. Цельный день ходил, но никого не видал. Пошёл он домой, попался ему на лесине филин. Он хотел его стрелять. Когда хотел стрелять, филин заговорил с ним:

— Не стреляй меня, охотник, я тебя доброму и хорошему научу!

Охотник удивился, что птицы говорят человеческим языком и потом стал расспрашивать:

— Что же ты мне дашь хорошего? Чему можешь ты научить?

А он ему говорит, что если бы ты убил меня — домой не пришёл.

— Почему бы,—говорит,—не мог притти домой, я не первый раз охотюсь?

И филин его стал уверять, что „не пришёл бы, и сейчас ты не придёшь, потому хотел ты меня стрелять".

— Охотник усумнился в последнем:

— Почему я не могу вытти? Что бы значило?

И даже стал этого филина просить, чтобы он дал возможность дойти до дому.

И филин ему сказал:

— Я тебе дам на подобие яйца клубок или шарик какой-нибудь и ты иди за этим шариком. Он покатится и приведёт тебя домой. Но только с тем условием—ты должен мне подарить.

Тогда охотник стал его спрашивать:

— Чем могу я тебя подарить?

— Ты тем должен подарить, которое дома ты не знаешь, которое есть у тебя сейчас.

Охотник удивился: „Что такое? Что бы значило? Почему я сам хозяин и не могу дома знать?“ И стал придумывать он и долго думал:

— Это могу дать и то могу дать.

Но филин ни на что не соглашался.

— Всё равно,—говорит,—ты не знаешь!

Наконец, охотник согласился с ним и пообещал дать.

И вот этот клубок опустил он, покатился клубок, и он пошёл за ним, и этот клубок прикатился домой. И он пришёл домой, заходит, спрашивает у жены:

— Что, жена, не знаешь ли то, что я не знаю?

— Она спрашивает его:

— Для чего ты спрашиваешь?

Он говорит:

— Я не скажу тебе.

Рассказала она:

— Вот только без тебя родился сын, вот это, правда, ты не знаешь.

Этот охотник страшно запечалился. Едва дождался сына и приходится отдавать, и когда отдавать, тоже не знает.

Сын растёт. Проходит уж годов пять и до десятку лет, и все равно никто за ним не идёт. Исполнилось ему пятнадцать лет, тоже не идёт никто.

Охотник удивился, что Филин соврал. И однажды, подвыпивши вина, навеселе, стал рассказывать сыну и жене, а те удивились, конечно. Больше всего удивилась жена его.

— Почему ты не говорил сперва?

— Потому я не говорил, что ты будешь печалиться, а теперь видишь напрасно.

И вот, когда сын услыхал, и от этого у него легло на сердце непременно итти, итти куда глаза

глядят. И он никак не мог его уговорить и, наконец, согласился с ним. Сын ему говорит:

— Я не могу же вовсе уйти, конечно, я пойду охотиться.

Но он его даже в тайгу не пускал. И вот сын его собрался, котомочку собрал, взял благословение и вышел из отцовского дому.

Шёл он долгое время и сдумал он свернуть просто в глухую тайгу. И так его тянуло и тянуло, так он забрался далеко, что, правда, ему было не выбраться. И он решил итти до конца, что будет. До тех пор он шёл, пока не упёрся в каменную стену. Дальше нет никакого выходу. И он пошёл подле этой каменной стены.

Долгое время он бродил, хотел найти прохода, но никакого прохода не находил. Вдруг он видит в этой каменной стене как бы похожее на дверь, но ни скобы, ни крючьев ничего не было.

И вот он вынимает топор свой и начинает топором заламывать. Как ни была она крепка, всё же он её выломил—оказалася действительная дверь, так что крючьев не было в ней, он снял её, поставил к стенке. Зашел туда, видит: не то пещера, не то коридор. Пошёл он дальше. Не было никакого света. Он стал ощупью шарить, и вот он наткнулся на скобу, стал тянуть скобу,—отворилася дверь. Заходит он туда. В этой, значит, горенке изукрашено всё прямо на славу. И он страшно удивился. Увидал кровать, подушки пуховые, перины пуховые, и людей никого нет. И он разыскивает, что поись. Покушал и преспокойно лег на эту кровать. Заснул он крепким сном.

Долго он спал или мало, но только вдруг его под бок ткнул кто-то, и он пробудился. Видит перед ним стоит старик с большой белою бородой. Он сперва несколько струсил. Старик его уговорил:

— Не бойся ты меня! Я тоже человек, как ты.

Помаленько молодой парень набрался смелости

и стал с ним говорить, и старик стал его расспрашивать: какого он рода-племени и куда он путь держит?

Молодой парень хотел было потаить, но побоялся, стал ему рассказывать откровенно. А когда рассказал, старик ему и говорит:

— Вот это я-то и есть. Теперь ты у меня останешься. Буду я тебя учить, что есть на белом свете, но только ты смотри, не ходи к речке, а если пойдёшь, то я тебя прекратю твоей жизни.

Молодой паренёк жил, жил у старика, страшно ему наскучило. А старик на день уходил, куда—это он не знал.

Однажды утром встает парень, видит: старика нет. И он пошёл на эту речку, куда старик запрещал ходить. Пришёл он к этой речке, ради осторожности залез в кусты. Недолго пришлося ему сидеть в кустах. Вдруг прилетело двенадцать голубей, ударяются об землю, и все представились красными девицами. Начинают раздеваться. Когда разделись—принялись купаться. А он в этот момент, крадучись, подполз, украл одну сорочку и опять в кусты.

Голуби накупались, пришли одеваться. Одиннадцать оделись, а двенадцатая не может одеться: нет сорочки! Одиннадцать вспорхнули и улетели, а двенадцатая стала плакать и стала говорить:

— Если старый взял, то буду звать отцом. А если старая старуха взяла, то буду звать родною матерью. А если молодая взяла, то буду называть родною сестрой. А если добрый молодец, то скажу, что ты мой суженый.

Молодой паренёк не вытерпел, потому ему понравилась такая неописанная красота. И вот он выходит к ней.

— Да,—говорит,—я взял. Теперь ты должна выйти за меня взамуж.

Она у него просит сорочку. Он не даёт.

— Покуль ты мне не дашь честное слово, не дашь клятвы, то я тебе не дам.

Она билася, билася, говорит:

— Я не могу. У меня есть отец и мать.

А он на своём настаиват. В конце концов она поклялась выйти за него взамуж. И когда он дал сорочку, она оделась, вспорхнула и улетела. И он остался один.

Что теперь делать? Он начал винить себя: „Где я теперь могу найти? Да никак не найдёшь!" Поторопился он притти в пещеру в эту самую и лёг на кровать, как ни в чём не бывало.

Долгое время он жил у этого старика. Незаметно время шло. Он уже стал лет двадцати. Вдруг старик его замечает и говорит ему:

— Что ты, Ваня, так скучаешь?

Он отвекиватся от старика, что „я нисколько даже не скучаю".

Старик ему говорит:

— Я давно заметил, да только не говорил. Ты вот лучше покайся: ходил ли ты на речку?

Парень сколь ни отпирался, но всё же пришлось ему сказать.

— Ну что же ты там видел?—спрашивает его старик.

Он начинает рассказывать ему, как что было, как он покрал сорочку и как её обратно отдал.

Старик начинает его винить:

— Эх, дурак, дурак! Правда и говорят: „Иваны все дураки бывают". Я состарился, не мог дождаться такого счастья, а вот тебе удалось, и ты всё же не сумел. Ведь ты теперь иссохнешь в доску! Жалко мне тебя отпустить, не научивши, да уж делать нечего, учить тебя это дело ещё далеко. Тогда иди ты, что тебе нужно я приготовлю. Может быть, ты своё счастье найдешь.

Дал ему, что потребно для дороги, и показал ему: нужно итти на запад.

И вот молодой парень пошёл на запад возле этой

стены. День он идёт, другой он идёт и третий. И думает: „Никак не кончится эта стена“.

На третий день к вечеру прервалась эта стена, сделалось ущелье. И он пошёл по этому ущелью. Но итти было очень трудно, потому лес вставал ему такою преградою, что итти было нельзя. Он жалел, что не взял топор у старика. „С топором все же прорубил бы я себе путь. Делать нечего, не будешь стоять, надо итти“.

И вот пришлось ему трудно проходить этот лес. Была местами совсем непроходимая чаща. Изорвал он на себе всё, что было не было, чуть нагишом не остался.

Одиннадцать дней он бился в этой чаще, наконец, совсем надежда у него пропала выйти из этого леса. Он упал в страшном изнеможении на землю. Лежал он, лежал, на дворе стемнело, и дале он не пошел и лежал всю ночь в раздумье: „Эх, брат! Забрался, —думает на уме, —здесь наверно и звери-то не увидят, не то что человеческая нога ступать“.

Утра дождался, хотя силы нет, всё таки решил итти дальше. Что будет! Немного он прошёл, вдруг выходит на чистую поляну. И вот на этой поляне стоит мраморный дворец. Он отродя никакого дворца не видывал, сам себе не верит: „Или я так много бродил-ходил, что уж мне в глазах мерещится?!“ Наклонился у источника, стал глаза свои промывать. А когда промыл свои глаза, раскланился, чтобы взглянуть, то ему ярче представился этот дворец.

— Ну, что будет, то будет! Пойду к нему.

Когда он прошёл половину этой поляны, навстречу ему идёт пожилой человек. Поздоровался, низко поклонился и стал его расспрашивать:

— Откуда и куда идёшь?

Иван подумал: „Таить нечего. Надо говорить правду, потому что правда требуется“.

— О, брат, значит, ты человек-то, оказывается, полезный, мы давно ищем к себе дворника. И вот ты

теперь у меня останешься дворником. Я буду старшим, а ты будешь младшим.

Иван очень был доволен, что нашлися добрые люди, сразу, значит, согласился. Берёт от него расписку, что он согласился жить, сделал соглашение, что прикажут ему, то и делать, не отказываться и не утеривать, что я препоручу тебе.

Вот Иван стал жить-поживать припеваючи. Видит—на кухне молодая девица живёт, очень такая симпатичная. Ивану не раз приходилось беседовать с ней. Даже стал Иван расспрашивать: „Кто такие и что за люди здесь живут?“

Она ему говорит:

— Я вот ещё сама-то не знаю. Я вот так же нанялась и живу.

Прожил Иван год, оказался лучшим дворником, чем старший. Когда он год прожил, рассчитался, получил деньги условленные, выходит старичок, которого он не видал никогда.

— Да,—говорит,—Иван, полезный ты нам. Я дам тебе другую службу, тебя повышу. Этот был как дворник, так дворником и останется. Вот что, Иван, я тебе препоручу двенадцать лебедей. Работа не тяжёлая, а жалованье хорошее. Ты будешь выгонять их на зеленую траву к озеру, но не утеривай. Смотри. Если потеряешь одну лебёдку, то тебе жизни будет стоить.

Иван берет кнут и гонит лебедей к озеру. Как только стал до озера догонять, вдруг ниоткудова взялся ястреб и давай гонять этих лебедей. Лебеди как бы ни летели, но все же пришлось им в озеро нырять. Нырнули лебеди в озеро, и ястреб остался наверху, стал летать.

„Что теперь делать?—думает,—Пропала голова! Где я должен их найти?“ Приходит кратчи домой. „Дай,—думает,—посоветуюсь с этой со служанкой, как будто бы все же познакомился. Переговориться не с кем, спросить совета не у кого“.

Приходит. Она тайным путём его встречает.

— Ну, что, Иван, как дела?

Он говорит:

— Ах, милая, плохи дела: пас я лебедей, да ниоткудова взялся ястреб и разогнал всех лебедей, и эти лебеди пали в озеро и ушли нырком. И теперь я пришёл ни с чем. Как я буду делаться? Пропала моя голова!

Она заводит его в комнату, вынимает из шкафика флакончик, дала ему немного выпить и помазала из него руку и лоб.

— Теперь иди к озеру, раздевайся и падай в воду.

Иван недоумевает, думает: „Что если я упаду, то так и утону. Тоже попался враг мой". Но всё же решился, пришёл он к озеру, разделся, бух в воду, сделался щукой. И вот полетел нырять везде, во все уголки, где бы он ни нырял, где бы он ни был, всё ему попадаются поодиночке рыбы. Потом он увидел двенадцать окуней.

„Да, вот не эти ли?" — думает на уме. И накрыл на них. Как только он накрыл, они сразу вылетели кверху. Он за ними вылетел, они сделались лебедями и полетели, а он остался, давай к своему месту приплывать. Надел свое одеяние и пошёл домой, приходит — лебеди дома ходят. Он взял кнут, давай заворачивать и гнать.

Хозяин спрашиват:

— Ну как, Ваня?

— Да все-таки я помотался сёдни.

— Молодец! Можешь ты хорошо пасти. Цену прибавлю, — говорит старик.

— Вот завтра я тебе дам, есть у меня двенадцать кобылиц, выгоняй их на луг, да стереги хорошенько, как бы они не разбежались.

Назавтра выгоняет двенадцать кобылиц. Иван пригнал кобыл. Выгнал их в поле. Похаживает. Кобылицы ходят. Он сидел, сидел да и задремал. Вдруг он проснулся и увидел: волк гонит этих кобылиц.

Кобылицы бежали, бежали и забежали в густую чащу, и волк за ними. И Иван остался.

Что теперь делать? Давай скорее он бежать домой. Прибегат окольным путем к этой **стряпке**.

— Ну, как, Ваня, хорошо пасёшь?

— Да плохо. Прибежал волк да разогнал кобылиц, убежали в разные стороны.

— Да, теперь плохо тебе придётся, не найдешь— от хозяина достанется. Ну, да ничего, я тебя поправлю.

Заводит его в комнату, натирает его какой-то мазью.

— Иди к этому лесу, где твои кобылы разбежались , когда дойдешь до лесу, кувыркнешься два раза на земле—там сам узнаешь.

И вот Иван пошёл. Приходит к этому лесу, до двух раз кувыркнулся, сделался барсом и полетел с неимоверной быстротой. Видит, везде кобылицы в разбросе ходят. Давай он их гонять, и когда все кобылицы сбежались, вдруг их не стало. Давай итти Иван домой. До дому стал доходить, перекувыркнулся раза два—сделался таким же человеком. Приходит, кобылицы дома. И он взял тоже кнут, давай их подгонять.

Хозяин отворяет ворота спрашивает:

— Ну, как, Иван, ладно пасёшь?

— Ничего, будто бы ладно.

— Молодец, Ваня! Можешь ты пасти.

На третий день он дал двенадцать коз.

— Иди паси, Ваня, коз. Хорошо пропасёшь—женим тебя.

Иван погнал коз. Взял прутик, идёт понукивает их. Козы шли, шли дошли до болота. Вдруг ниоткуда взялся тигр, принялся гоняться за этими козами.

Что теперь делать Ивану? Он даже и не смотрит за ними. Вернулся он домой к этой старой служанке и рассказал про свою беду

Вмиг она его обрызгала чем-то и выпустила на

двор. Он полетел соколом в чистое поле. Видит: в поле утки ходят. Когда завидели сокола, то они стали слетаться к озеру, а сокол их взял на переём. уткам делать нечего, они вернулись обратно, и он не стал их так круто гнать, они все же летят как будто домой. До дому стали долетать, ударились об землю,— сделались козы. А сокол ударился об землю, сделался Иваном, взял прутик и погнал коз.

Хозяин его встречает. Загнал он коз.

— Ну. Ваня, сейчас будешь расчёт получать. Все три раза ты хорошо сделал: не прокараулил ни одну.

Пришёл когда он в свою комнату, попил чайку и пошёл к этой девице, к с т р я п к е. Начинает она его спрашивать:

— Ну, как, Ваня, поживаешь?

— Да, вот всё несчастья случаются. Если бы не ты, то бы плохо было мне. Вот сейчас хозяин за расчётом требовал.

И вот эта красная девица ему говорит:

— Когда ты будешь рассчитываться, смотри мелкие деньги не бери, а проси одной крупной бумажкой. И он тебе будет предлагать мелкие деньги, что тебе время сейчас жениться, надо тебе мелкие деньги. А ты настаивай на своём, проси крупные.

И вот Иван пошёл в комнату хозяина. Хозяин стал его рассчитывать, открыл шкатулку, и стал отсчитывать мелкими деньгами. А Иван говорит:

— Мне мелких денег не надо. Давай, хозяин, мне крупные.

— Куда тебе крупные?

А Иван настаивает на своём. Ну, в конце концов хозяин рассчитал его крупными.

— Вот, Иван, я тебя теперь подарю кобылицей. Сегодня приходи вечером, пойдём в конюшню, и ты будешь выбирать.

Когда он пришёл с расчётом, и эта девица его спрашивает:

— Ну, как, Иван, рассчитался?

— Рессчитался.

— Какие получил деньги?

— Да крупные.

— Ну, это вот хорошо,—говорит.

— Да вот хозяин хочет мне подарить кобылицу, и вот он звал меня в конюшню, чтобы прийти, значит, и выбрать себе кобылицу. Скажи мне теперь, милая, какую мне лучше выбрать?

— Да, Иван, их будет двенадцать штук. Из них ты отсчитай три с краю и бери четвертую. Она будет всех поплошее.

Иван пошёл с хозяином в конюшню. Видит Иван у яслев стоят корыты, в яслях сено заложено и в корытах овёс, и все едят. Кобылы, как одна, все одинаковы.

Хозяин говорит:

— Вот, Иван, выбирай, которая тебе понравится.

Иван с правой стороны отсчитал три. Да, действительно, четвертая поплоше всех. Он говорит хозяину:

— Вот отдай эту кобылицу.

Когда сказал Иван: „Вот эту кобылицу отдай“, то хозяйка заскочила и говорит:

— Я не дам эту кобылицу!

А Иван говорит:

— Если ты не дашь эту кобылицу, то я и брать не буду, мне и не надо.

— Тогда чем же мы тебя наделим? А все таки надо чем-то тебя наделить, хорошо ты у нас жил. Тогда приходи вечером.

Иван приходит и говорит красавица служанка:

— Ну, как, Иван, не согласился брать ты, видимо?

— Вот хозяин велел прийти вечером опять.

Вечером пришёл Иван к хозяину. Хозяин берёт его за руку и ведёт. Заводит он в комнату, видит: висят двенадцать хороших платьев. И вот говорит Ивану:

— Выбирай, которое понравится. Жениться будешь—подвенешное будет, годится.

Ивану что делать? Беда теперь: брать беда, и не брать беда!

Он говорит хозяину:

— У меня есть памятная книжка, когда в дорогу меня мать благословляла и сказала, что если будешь покупать для своей невесты, и вот велела она— там записано какое платье взять. Я сбегаю.

Разрешил Ивану сбегать. Иван прибегает, спрашивает свою служанку. Она ему говорит:

— Из двенадцати платьев одно будет помаранное, и ты скажи хозяину: „Но для меня будет и этого ладно". Если только он не будет давать, то настойчиво проси, чтобы он тебе дал это платье.

Иван приходит. Заводят его в кладовую и показывают ему: висят эти двенадцать платьев.

— Ну, Иван, выбирай, которое ты возьмёшь?

Иван смотрел, смотрел и выбрал одно замаранное.

Хозяин:

— Куда тебе перемаранное? Взять, так взять хорошее платье!

— Ничего, для деревни и этого ладно.

Сколько они ни спорили, Иван настаивает на своём. В конце концов Иван захватил это платье. А хозяйка прибежала, стала отнимать:

— Это платье я буду носить сама!

А Иван из всей силы выдернул у ней из рук это платье. И все же не стали, в конце концов, спорить.

Иван берёт платье, служанка встретила его.

— Ну, как, Иван, получил?

— Получил.

Тогда эта служанка посмотрела и сказала:

— Ну, вот, Иван, это платье моё. И вот я из-за этого платья страдала. Это платье мачеха забрала и держала. И, в конце концов, у них были споры, у отца и у матери насчёт этого платья. И вот когда

мы летели в речку, видел ты кто купался, ты спрятал мою сорочку, и вот ты тогда эту сорочку помарал. И вот, когда я прилетела, тогда-то мачеха отобрала это платье, и я стала бессильная. И вот, будто бы за мою вину, поставила меня в кухне служить. Нас у мачехи шесть дочерей и у отца шесть дочерей. Я отцовска сама малая дочь. И вот мать хотела всегда своих дочерей лучше отдать, а отец хотел своих дочерей лучше отдать, и вот потому то у них всегда были споры. Вот она тебя узнала, твое удальство, твою ловкость, потому заставляла пасти коз, кобылиц и лебедей. И вот в этих-то стадах я тоже была участница. Теперь я одену это платье, нас с тобой никто не задержит.

И она вынимает флакончик, обрызгала Ивана с головы до ног, и она надела это платье, и сразу же оба вспорхнули и полетели.

Вот они долгое время летят. Потом эта прекрасная девица говорит Ивану.

— За нами погоня. За нами злая мачеха гонится со старым дворником и, наверно, нас скоро догонит. Когда будет нас догонять, я об землю ударюсь—сделаюсь часовней, а ты ударься об землю и будешь монах, бери книгу и читай.

Сказано—сделано. Она ударилась об землю, превратилась в часовню, Иван ударился об землю—сделался монахом, положил книгу на аналой и стал читать.

Вдруг прилетает на ковре-самолёте та злая мачеха со своим с дворником, заходят в часовню и спрашивают у монаха:

— Не видели вы здесь?

— Кого?

— Два лебедя летели.

— Да,—монах говорит,—видел.

— Давно пролетели?

— Давно. Пожалуй их теперь не догнать будет!

Они садятся на ковёр-самолёт и полетели дальше.

А она дала Ивану пузырёк, эта самая девица, когда если улетят, то спрыснуть эту часовню.

Когда они улетели, монах спрыснул эту часовню из этого пузырька, и она сделалась красною девицею и велела Ивану кувыркнуться, сделался Иваном.

Теперь дают клятвенное обещание друг другу: если одному предстоит помереть, то и другому не отставать принять ту же участь.

Теперь, значит, они пошли пешком. Когда они шли, красная девица говорит Ивану:

— Да, Иван, они воротились, никого не нашли, давай теперь, когда будем подходить к реке, я упаду в реку и ты за мной.

И потом, когда этот ковёр-самолёт летел, они упали в реку, превратились оба щуками.

Ковёр-самолёт подлетел на то место и заметил следы, сел на землю, и мачеха говорит своему дворнику:

— Ты оставайся здесь, а я погонюсь за ними.

И она упала в воду, сделалась осетром и погналася за ними.

Теперь, значит, почувствовала эта красавица, что за ими погоня, вынырнула из реки. Когда она вынырнула, вытаскивает пузырёк, приказывает Ивану опрыскать. Когда Иван опрыскал, ударился об землю — сделался пастухом и бич у него в руках, а она ударилась об землю и сделалась кобылицею. И вот сел Иван на кобылицу и едет. И мачеха выскочила из воды, ударилась об землю, представилась медведицей, и погналась за ними. Когда погналася она, значит, за ними вдруг увидела их и оробела: пастух был с ружьём. И вот пастух выстрелил в медведицу. Медведица раненая, деваться некуда. Иван на этой кобылице давай бичом жарить и до тех пор ее жарил, всю раскровянил. Убежала медведица в лес, а Иван, значит, слез со своей кобылицы. Кобылица приказывает Ивану удариться об землю. Иван ударился об землю, сделался Иваном и спрыснул из пузырька кобылицу.

Кобылица ударилась и сделалась красавицей. И вот красавица говорит:

— Иван, теперь эта медведица побежит, где сидит ее дворник, теперь не спрятаться. Они погонятся за нами на ковре-самолёте. Я сделаюсь соловушкой, ты соловьём.

И вот они оба ударились об землю. Она сделалась соловушкой, а он соловей. И полетели. Летели долгое время, соловушка говорит соловью:

— За нами погоня. Наверно, нас скоро догонят. Если мы сумеем пробраться через границу, то останемся, если не сумеем, то они нас догонят, потому что мы теперь с тобой маленькие, умалились.

И. действительно, ковёр-самолёт стал их настигать. Но теперь соловушка говорит соловью:

— Ну, напрягай свои последние силы, давай, ещё немного!

И вот-вот уж ковёр-самолёт на пятах. Теперь соловушка говорит соловью:

— Давай падай на землю за эту реку.

И оба соловушка и соловей ударились об землю и стали — красавец и красавица. А ковёр-самолёт упал за речку за той стороной реки И вот злая мачеха и дворник только погрозили своими кулаками.

И вот Иван со своей красавицей пошёл к этому вот дедушке, у которого он перво был. И пришёл он к дедушке, поздоровался. Дедушка был очень рад, узнал, что он достал ту красавицу, у которой он сорочку воровал.

— Ну, молодец! Сумел ты достать себе красавицу. Ну, ни сам ты достал, все-таки помогла тебе красавица.

И вышли они от него, попрощались, ударились об землю и полетел Иван в свое отечество. Полетели они к своему отцу и матери. Радости не было конца у отца и матери Сделали свадьбу, созвали родню, пили, гуляли цельную неделю и жили до самой глубокой старости.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ОЛИХОН БОГАТЫРЬ

В не в котором царстве, в не в котором государстве жил-был царь с царицею. У них долго не было детей. И вот родился у них сын и нарекли Иван-царевич.

Рос Иван-царевич не по дням, а по часам, как пшеничное тесто на опаре кис. Отец вскоре помер. Остался Иван-царевич, мать воспитывала его и баловала: что только вздумает Иван-царевич, все нужно было приобрести ему. Когда исполнилось ему десять лет, он стал ходить и играть с товарищами своими, с княжескими детьми и боярскими. Шутки и игры его были никому не по сердцу: кого он хватит за руку—у того рука прочь, кого он хватит за ногу—у того нога прочь.

И вот князья и бояре стали жаловаться на Ивана-царевича, и мать стала его бранить:

— Как же ты будешь управлять после царством?!

А он стал просить у ней коня и доспехи богатырские. Мать сказала ему:

— Я доспехи дать богатырские могу тебе, а насчёт лошади—выбирай сам.

И он пошёл на двор конюшний, стал себе выбирать коня, который мог бы ему служить. Но никак он выбрать не мог. На которого коня положит ногу—спина переломится, которая лошадь не имается, приходится ей глотку отрывать и приходилось имать из молодых, и когда он начнёт трепать лошадь, то не милостливо была рука его тяжела, и не каждая лошадь выносила руки его. И он опечалился

сильной печалью и никак не мог свою печаль уладить.

Однажды он пришёл на задний двор, попалася ему старушка, бежит, подол в зубы закусила.

— Здравствуй, Иван-царевич!

Он сказал:

— Цыть, старая псовка! Я тебе дам в ухо, так будет три дня глухо!

Старуха убежала.

Так пришлось и второй раз повстречаться с этой старушкою, и опять он сказал:

— Цыть, старая псовка! Ударю в ухо, будет три дня глухо! А если подниму высоко да ударю, то посыпется из тебя песок! А если на ладонку посажу да пришлёпну, то мокренько останется!

Попадает эта старуха в третий раз ему и опять с ним здоровается:

— Здравствуй, Иван-царевич!

Он надумал и говорит:

— Здравствуй, здравствуй, баушка! Ну, что скажешь, баушка?

— Да вот я тебя вижу сильно опечаленного, вот почему тебя и спрашиваю.

— Как мне, баушка, не кручиниться, не печалиться? Сколько раз хожу в отцовский задний двор на конюшню и не могу себе выбрать доброго коня.

— Экой ты, Иван-царевич! Ты бы мне давно сказал, я бы тебе указала, где есть такой конь.

Иван-царевич услыхал и стал её расспрашивать с большой радостью. Она ему и говорит:

— У твоего у дедушки есть конь, в заднем дворе стоит, в подвале, за двенадцатью дверями, на двенадцати цепях, и этот конь, пожалуй, будет по сердцу тебе.

Иван-царевич вынул из карману горсть золота и бросил старухе в подол. И старуха не вспомнила себя от большой радости, убежала. А Иван-царевич пошёл в задний двор, в конюшню, опустился вниз и

увидел: дверь подвала вся закованная на крепких замках.

Иван-царевич стал все эти двери разбивать, и конь, почуя сильного богатыря, стал цепи рвать. Иван-царевич разбил все двенадцать дверей, а конь изорвал все двенадцать цепей и бросился на Ивана-царевича и стал ногами на плечи.

Иван-царевич шлепнул его по плечу и сказал:

— Стой, волчий корм, травяной мешок!

И стал он его оседлывать: поднички на поднички, сверх того черкацкое седелице двенадцать подпруг. Подпруги были шёлку шематинского. Шёлк не рвется, булат не гнется, чистое серебро в грязи не ржавеет.

Оседлал он своего доброго коня и пошёл, получил у матери свои доспехи богатырские, взял благословеньице у матери и выехал в чистое поле, в широкое раздолье, добрых людей посмотреть и сам себя показать.

И наехал он: в чистом поле стоит столб десять сажен вышины и десять сажен толщины, подпись подписана и подрезь подрезана: „Кто этот столб разобьет, тот Олихону-богатырю немного поддастся“.

Иван-царевич разъехался на расстояние и набежал на этот столб и ударил этот столб, разбил его на мелкие дребезги и с великой радостью побежал он домой.

А когда бежит, только земля дрожжит, у коня из ушей пламя пышет, из норок дым столбом идет. У кого плохие избы—разваливаются, у кого плохие печи—падают.

Царица услыхала шум и землетрясение, забежала на балкон и увидела Ивана царевича, бежавшего на двор с великой радостью. Она выскакивает к Ивану-царевичу.

— Что ты, Иван-царевич, с радостью или кого испугался?

— С радостью, мамаша!

— А какая же твоя радость?

— Вот я когда выехал в чистое поле, наехал на столб—подпись подписана, подрезь подрезана: „Кто этот столб разобьёг, тот немного поддастся Олихону-богатырю“. Я этот столб разбил.

— Что ты, дитятко мой родимый, Олихона-богатыря и поминать не надо. Кто его помянет, тот будет предан смерти.

— Ничего, матушка, я его не боюсь!

И назавтра встаёт Иван-царевич, идет на зеленый луг свистнул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, будь на поле готов!

Сивка-бурка прибежал, как вкопанный встал.

И он стал его оседлывать: подничкн на подннчки, сверх того черкацкое седелице, двенадцать подпруг. Подпруги были шёлку шематинского. Шёлк не рвется, булат не гнётся, чистое серебро в грязи не ржавеет.

И садится он на своего доброго коня и выехал в чистое поле, и ехал он долгое время, и наехал на столб. Столб был в двадцать сажен вышины и двадцать сажен ширины. Подпись подписана и подрезь подрезана: „Кто этот столб разобьёт, тот сравняется с Олихоном-богатырем“.

И он разъехался на расстояние, ударил этот столб и разбил его на мелкие дребезги, и с большою радостью побежал он домой. Бежит с большой радостью, только земля дрожжит, у лошади из ушей пламя пышет, из норок дым столбом идет. У кого кривые избы—валятся и худые печи—падают.

Мать услышала этот стук и гром, выскочила на балкон и увидела Ивана-царевича. Испугалася и давай скорее выбегать на двор и спрашивать Ивана-царевича:

— Что ты, Иван-царевич, с радости или кого испугался?

— С радости, мамаша! Разбил я столб, который только может равняться с Олихоном-богатырём.

Мать ему и говорит:

— Что ты, такие глупости говоришь? Кто вспоминает Олихона-богатыря, того убивают насмерть.

— Да это ничего, мамаша, я его не боюсь.

Опустил он свою лошадь в чистое поле погулять.

— Ешь, — говорит, — траву шёлковую и пей воду ключёвую.

А назавтра встает и вышел он на зелёные луга. Свистнул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, будь на поле готов!

И он стал его оседлывать: поднички на поднички, сверх того черкацкое седелице двенадцать подпруг. Подпруги были из шёлку шематинского. Шёлк не рвётся, булат не гнётся, а чистое серебро в грязи не ржавеет. Надеёт на себя доспехи богатырские, выезжает он в чистое поле, в широкое раздолье. Наезжает он на столб тридцать сажен вышины и тридцать сажен толщины. Подпись подписана и подрезь подрезана: „Кто этот столб разобьёт, тот Олихона-богатыря побьёт".

И разъехался он на расстояние, набегает на этот столб и ударяет этот столб. Столб разлетелся на мелкие дребезги. Он с большой радостью побежал домой.

Бежит только земля дрожжит, у коня из ушей пламя пышет, из норок дым столбом идёт. У кого кривые избы — валятся, у кого худые печи — падают.

Прибегает он домой. Мать увидела с балкона, что Иван-царевич въезжает во двор. Она выбегает к нему навстречу.

— Что же ты, Иван-царевич, с радостью или кого испугался?

— С радости, мамаша! Наехал я на столб, подпись подписана, подрезь подрезана. Столб был трид-

цать сажен вышины и тридцать сажен толщины, и кто этот столб разобьет, тот Олихона-богатыря побьёг, и я разъехался на расстояние и разбил этот столб.

— Что ты, что ты, милое мое дитятко, Иван-царевич! Нельзя поминать про Олихона-богатыря: кто про Олихона-богатыря помянет, того казнят.

— Ничего, родимая матушка, я его не боюсь!

И выводит он свою лошадь в чистое поле на травку зелёную и приговариват:

— Пей воду ключёвую и ешь траву шёлковую.

Приходит он домой и ложится спать и спал он три дня. И когда он пробудился, приумылся, причесался и в путь дороженьку собрался. Выходит на двор, свистнул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, будь на поле готов!

Он стал его оседлывать: поднички на поднички, сверх того черкацкое седелице, двенадцать подпруг. Подпруги были шёлку шематинского. Шёлк не рвётся, булат не гнётся, чистое серебро в грязи не ржавеет. И надеёт он на себя доспехи богатырские, берёт кладенец и копьё долгомерное. И вот он выезжает в чистое поле, в широкое раздолье.

И в чистом поле повстречался он с Олихоном-богатырём.

Олихон-богатырь:

— Это ты, молодец, разбиваешь столбы?

— Да, это я разбиваю,—говорит Иван-царевич,— и вот хочу с тобою силушками померяться.

И вот разъехались они на расстояние и налетели друг на друга, как грозные тучи. Когда оба они размахнулись своим оружием, у них кони присели на задницы.

Иван-царевич ударяет Олихона-богатыря своим копьем долгомерным, тупым концом против сердца ретивого, и Олихон-богатырь вылетает из седла на поле, как овсяный сноп.

Взял его Иван-царевич полуживого, завязал себе в тарака и поехал домой.

Бежит с большой радостью, земля дрожжит, у коня из ушей пламя пышет, из норок дым столбом идёт. У кого кривые избы—валятся, у кого худые печи—падают.

Мать услыхала стук и топот, забежала на балкон и увидела Ивана-царевича с радостью, и она сбегает с балкона на двор, встречает Ивана-царевича и спрашивает его:

— Что ты, Иван-царевич, с радостью или кого напугался?

— С радостью, мамаша!—говорит Иван-царевич,— Победил я Олихона-богатыря!

— Что ты, что ты, дитятко мое родимое? Про Олихона-богатыря помянет кто, того казнят.

— Ничего, мамаша, я его привёз!

А когда царица увидела Олихона-богатыря в тараках, горько заплакала. А Иван-царевич взял и посадил его в темницу.

Олихону-богатырю подавала прислуга продукты. А Иван-царевич ежедневно выезжал в чистое поле, в широкое раздолье. Много он бился с татарами, много он бился с черкесами и никого не находилось ему равного. А за это время мать стала ходить в темницу и наблюдать Олихона-богатыря и влюбилася в него. И вот они стали думать и гадать, как бы извести им Ивана-царевича.

Олихон-богатырь и говорит матери его:

— Будто бы заболела ты и увидешь во сне: как бы пила волчицино молоко и оздоровила. И пошли его за молоком. Тогда волки его в степях растерзают.

Однажды Иван-царевич приезжает домой, мать с завязанной головою встречает Ивана-царевича.

— Что ты, матушка родимая? Что с тобою сделалось? Что с тобою случилося?

— Да не говори, Иван-царевич, сильно мне

прихворалося и вот сегодняшнюю ночь видела я сон: как бы я у волчицы пила молоко и оздоровила. Не достанешь ли ты мне этого молока?

Иван-царевич ничего не сказал, и вышел он пеший в чистое поле. Идёт волчица с двумя волчатами. Иван-царевич говорит ей:

— Стой, волчица, покуль я тебя не убил!

А волчица ему и говорит человеческим языком:

— Не бей меня, Иван-царевич, а возьми одного волчонка-сына.

— А он пойдет ли со мной?—говорит Иван-царевич.

— А ты подой из грудей моих молоко, и он побежит за тобой.

Иван-царевич подоил волчицу, и за этим молоком волчонок побежал. Приходит и подаёт это молоко матери. Мать сама будто бы его пить, а сама на пол лить. И пошла объяснила Олихону-богатырю, что он принёс молока.

Теперь Олихон-богатырь говорит:

— Ты его таким же путём пошли в лес, как будто бы пила во сне медведицино молоко и оздоровила, и медведи его там задавят и растерзают.

Мать встречает его в своей спальне.

— Что, матушка, поправилась?

— Да нет, Иван-царевич, не помогает мне волчицино молоко, я сегодняшнюю ночь видела во сне: как бы я пила медведицино молоко и оздоровила. Не принесёшь ли ты мне медведицино молоко?

Иван-царевич ничего не сказал и вышел он из палаты, пошёл он в лес. Попадает ему медведица с двумя медвежатами. Иван-царевич остановил её:

— Стой, медведица, покуль я тебя не убил!

А медведица отвечает ему человеческим языком:

— А возьми моего медвежонка-сына.

— Да он пойдет ли со мной?

— А если подоишь из моих грудей молочка, то он побежит за тобой.

Иван-царевич подоил молочка, и медвежонок побежал за ним. Приносит молоко и подаёт матери.

Мать будто бы его пить, а сама помимо лить.

Иван-царевич опять уезжает в чистое поле, в широкое раздолье. Она опять идёт к Олихону-богатырю и говорит, что он достал медведицино молоко.

Теперь Олихон-богатырь говорит ей:

— Как будто бы ты пила во сне львицино молоко и оздоровила, тогда его львы растерзают.

Иван-царевич приезжает из чистого поля домой, и заходит он к матери в спальню и спрашивает ее:

— Что, родимая матушка, поправилась?

— Да нет, ничего не помогает, Иван-царевич. Я вот сегодняшнюю ночь видела во сне: как бы я пила львицино молоко и оздоровила. Сходи еще разок, может быть принесёшь ты этого молока.

И Иван-царевич ничего ей не отвечает, и вышел он в чистое поле, в широкое раздолье, приходит он в камыш, и увидел он в камышах львицу с двумя львятами. И он закричал:

— Стой, львица, покуль я тебя не убил!

Львица испугалась и заговорила человеческим языком:

— Не бей меня, Иван-царевич, а возьми одного львёнка-сына.

— А он пойдет ли за мной?

— А вот подой моего молочка, и он побежит.

Иван-царевич подоил львицу, и львёнок побежал за ним. Приносит он домой молока и подаёт он матери молоко.

Мать сама будто его пьёт, а сама его боле на пол льёт.

Назавтра опять уезжает Иван-царевич в чистое поле, в широкое раздолье. Свистнул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, будь на поле готов!

А сивка-бурка прибежал, как вкопанный встал.

Он стал его оседлывать: поднички на подднички,

сверх того черкацкое седелице двенадцать подпруг. Подпруги были шёлк шематинский. Шёлк не рвётся, булат не гнётся, чистое серебро в грязи не ржавеет. Оседлал он своего доброго коня, и выехал он в чистое поле, и проездил он много время.

Ездил он месяц, ездил он другой, ездил он третий и посмотрел на белом свете много хорошего и много плохого. Где что худое, то уничтожил, а где что хорошее, то отличал, и помогал он много бедным, и сиротам, и вдовым.

Наездившись досыта, повернул он домой.

А за это время мать его сговорилась с Олихоном-богатырем, как бы уничтожить Ивана-царевича.

— Когда приедет Иван царевич домой, ты скажи ему, что: „Дитя ко мое родимое, куда ты девалося? Давай-ка я тебе поищу в голове, нет ли у тебя вшей?" И ты увидишь у него на голове три золотых волоса, и эти-то три золотых волоса ты вырви. В них заключается вся сила. А когда приедет Иван-царевич ты ему прежде всего скажи, что эти твои дети надоели—львёнок, медвежонок и волчонок—нужно посадить их на цепи, то они беспокоят, бегают и ломают вещи дорогие.

По приезду Ивана-царевича домой, мать как бы поправилась и говорит Ивану-царевичу:

— Вот, Иван-царевич, уйми ты своих этих детей—львёнка, волчонка и медвежонка. Они мне надоели, скачут, бегают, ломают дорогие вещи.

Иван-царевич, как сын родной, не хотел противиться матери, посадил их на цепи.

И мать ему и говорит:

— Вот, Иван-царевич, ты ведь долго ездил, два-три месяца, и не был, наверно, в бане, у тебя и вши есть. Дай-ко я поищу тебя.

Он не сопротивлялся. Садится он на стул и наклоняет свою буйную голову матери на колени. Мать начинает искать у него в голове и нашла три

золотых волоса, и вырвала эти три золотых волоса, а Иван-царевич сделался в бессилии.

Когда он сделался в бессилии, вот в это-то время мать расковала Олихона-богатыря. И Олихон-богатырь вышел, и связал Ивана-царевича, выкопал ему глаза и посадил в тюрьму, в которой сидел Олихон, и заковал его крепко в цепях. А сами забрали в своём государстве, что есть дорогого и ценного, и увёл её Олихон-богатырь в свое царство.

Долгое время Иван царевич сидел в темнице. И вот эти-то его дети—львёнок, медвежонок и волчонок бились и томились, рвали, грызли оковы свои, и в конце все же они перегрызли. Прибегают к темнице и начинают грызть дверь, а когда прогрызли дверь, вошли они в темницу и стали ласкаться к Ивану-царевичу.

Иван-царевич спрашивает:

— Кто вы такие?

А они ему отвечают:

— Мы твои дети.

А он им и говорит:

— Какие вы мои дети! Если бы вы были мои дети, то бы не допустили Олихону-богатырю, чтобы выкопать мои глаза.

А они ему говорят:

— Ведь, Иван-царевич, ты сам послушался своей матери и заковал нас в цепи, и не мы виноваты, а ты сам. А теперь мы пришли тебе послужить.

— Чем же вы теперь мне послужите, —Иван-царевич говорит,—разве только достанете живой воды да сделаете меня с глазами. Тогда только я скажу, что вы мои дети.

И вот они вышли в лес и долго скитались по лесу, и стали думать, кто у них бойчее.

И вот из них медведь притворился мёртвым, а воронье налетело клевать его глаза. И вот в этот-то момент волк поймал одного воронёнка, и воронёнок

стал биться, и вырываться, стал просить, молиться, чтобы он его отпустил.

Волк и говорит воронёнку:

— Какой же ты мне дашь выкуп, чтоб я тебя отпустил

— А что бы ты думал взять?

Волк говорит:

— Мне вот нужно живой воды.

Воронёнок стал биться и каркать, и просить своих отца и мать—воронов.

Прилетает ворон к своему детищу, стало ему жалко, и он пообещался найти живой воды и улетел. Через неделю он приносит два пузырька. В одном пузырьке была мёртвая вода, в другом живая.

И вот пошли звери. Волк держал эти два пузырька в зубах, а львёнок и медвежонок охраняли его, как бы какие враги не напали. Один впереди, один взади.

Вот приходят они к Ивану царевичу и говорят:

— Мы вот тебе достали живой воды.

И вот живой водой намазали Ивану царевичу глаза. Иван царевич стал видеть. И за это время Иван-царевич сказал:

— Посмотрите на голове, есть ли у меня золотые волосы?

И они увидели у него на голове три золотых волоса.

Теперь их стал благодарить Иван-царевич.

— Даю теперь я за услуги ваши на все четыре стороны свободу. Идите вы к своим матерям, потому вы звери достойные своего уважения и выполнили родительские обязанности, но не как моя мать это сделала.

А сам вышел в чистое поле, свистнул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, будь на поле готов!

Сивка-бурка прибежал, как вкопанный встал.

Он стал его оседлывать: подничики на подничики, сверх того черкацкое седелице двенадцать подпруг. Подпруги были шёлку шематинского. Шёлк не рвётся, булат не гнётся, чистое серебро в грязи не ржавеет. Оседлал своего доброго коня и поехал он в олихоново царство.

Когда он ехал, конь его прыгал с горы на гору, горы и реки промеж ног пропускал, а чистое поле хвостом выстилал.

Мать его услышала по обычаю, как раньше она слыхала, как земля дрожала, и она сказала своему любовнику, что это едет Иван-царевич, и удивилась, как мог он получить свои глаза.

И вот Олихон-богатырь выехал ему навстречу. И сразились они с Олихоном-богатырем. И ударил его Иван-царевич тупым концом копья против сердца ретивого и вышиб его из седла, и он упал на землю, как овсяный сноп. Взял он его и связал. Завязал он его в т а р а к а, приехал туда в олихоново царство. Мать услышала топот лошадиный и выскочила посмотреть, думала что Олихон-богатырь, а вместо Олихона-богатыря показался Иван-царевич, и она стала просить своего сына о пощаде.

— Нет уж, я не могу вас пощадить!

Он взял мать и Олихона-богатыря, посадил их на ворота и кислой п р о с т о к и ш е й расстрелял.

А сам женился на царской дочери. И стал он жить-поживать и приплода поджидать. Прожил он до глубокой старости и скончался.

НАЙДЕН ПОПОВИЧ

В не в котором царстве, в не в котором государстве, именно в том, в котором мы живём, жил священник в приходе с женою и три дочки было у него. Старшую звали Марья, вторую звали Крестина и третью звали Лукерья.

И вот эта Лукерья ходила часто в сады, любила она легким воздухом подышать. Однажды уходит утром в сад и находит под яблонькою что-то свёрнутое. Оказался ребёнок—мальчик. И вот она его берёт и несёт домой. Когда священник увидел с матерью и говорит:

— Куда тебе его? Надо сдать в сиротопитательный.

— Нет, я его буду ро́стить.

И назвала его сама Найден как он найденный. А величать—величали его Попович.

В незадолги мать скончалась, и отец их тоже тосковал по ихней матери и тоже скончался. Но присмерти то́т и другой заповедывали детям своим: отлить портреты и поставить на памятниках. И вот так они и сделали. А это Найден Попович, то рос он не по дням, а по часам. Сёстры ходили с ним всегда на могилку: посидят там, посмотрят и поплачут.

А однажды они все четверо приходят на могилу, недолго просидели—поднялась страшная черная туча с проливным дождём, и они побежали. И когда бежали, не добегая до дому, вдруг из тучи упал Ворон Во-

ронович и похитил старшую сестру Марью и без вести улетел.

Что этим делать? Теперь осталися троё. Ещё печали боле стало, стали они чаще ходить на могилу и плакать, и причитать.

Прошло после этого не так много время. Стали ходить опять на могилку и сидеть. Однажды приходят на могилу, только садятся на скамью, вдруг поднялася страшная туча, и они поторопились как бы с ними не получилось худшее, побежали в избу.

Вдруг из тучи упал Кот Котович и схватил среднюю сестру и унёс её.

Теперь что делать? Осталася младшая сестра со своим Найденом Поповичем. И вот Найден Попович не стал её пускать на могилку. Она долгое время не ходила, чтобы опять с ней что не получилось. Однажды Найден Попович ушёл в лес поохотиться. И вот находит он книгу на пне, приносит её домой и стал её читать, увлекаться, а вскормилица всё-таки просила Найден Поповича итти на могилку. А Найден Попович все мечтал да мечтал.

Однажды не сказала ему вскормилица-Лукерья и пошла на могилку. И только она дошла до могилки, хотела сесть на скамью, вдруг ниоткуда взялся Сокол Соколович и унёс её с ветром.

Хватился Найден Попович, побежал на могилку, а её уже не было. Сильно закручинился и запечалился он, а сам всё-таки берёт книгу и мечтат. В этой книге говорится: „Где-то за тридевять морями, за тридевять землями, в тридесятом царстве, в славном девичьем государстве живёт прекрасная Царь-девица". И вот мысль была итти туда, искать её. Но с чем было итти? Ничего у него не было. И он стал стремиться мало-мальски скопить себе деньжонки, и стал продавать всю домашнюю утварь, и в конце концов продал дом и скотину, а сам махнул рукой, пошёл куда глаза глядят.

Шёл он долгое время, сбился с дороги, зашёл

он в тайгу, в тёмный дремучий лес. Трудно было ему продолжать свой путь. Кое-какие были продукты, он все их кончал. Но всё же надо было итти. Вдруг он выходит на поляну, на поляне стоит избушка на курьих ножках, повертывается.

— Повернись, избушка, к лесу задом ко мне передом.

Повернулась избушка к лесу задом, к нему передом. Он заходит туда, видит: баба-яга, деревянная нога, оловянный глаз в ступе разъезжает, пестом погоняет, а метлою след заметает. И зафукала старуха:

— Фу, фу! Русской кости слыхом не слыхано и видом не видано, а теперь русская кость сама пришла во двор.

А Найден Попович говорит:

— Не сердись, бабушка! Ты бы накормила, да добрых вестей спросила, да тогда бы и заговорила.

А старуха на карачки стала, калачи достала и давай его угощать. Когда он напился чаю, старуха стала его расспрашивать:

— Куда же ты путь держишь, молодой человек?

— Я, бабушка, путь держу далеко. Нашёл я книгу и в этой книге вычитал: где то есть за тридевять морями, за тридевять землями, в тридесятом царстве, в славном девичьем государстве прекрасная Царь-девица. Никто её не может сосватать: ни князья, ни бояре, ни вельможи и ни сильные богатыри. Вот и пошёл попытать счастье и зашёл, бабушка, к тебе просить совету.

— Ах, молодой человек! трудно тебе её видеть в глаза, а не то что сватать. Многие мои знакомые сватали и теперь все сидят кто на кольях, кто в темнице, а кто давно сгнил в земле. Ну, да ничего. Я тебе дам сивку-бурку, вещего каурку, он хорошо знает дорогу. Он тебя может довезти.

И старуха вышла на двор, свистнула молодецким посвистом, крикнула богатырским голосом:

— Сивка-бурка, вещая каурка, будь на поле готов!

Сивка-бурка прибежал, как вкопанный стал. И вот оседлала она сивку-бурку и подала ему поводья.

— И вот сивка тебя довезет только до второй моей сестры, а дальше быть, там она тебя научит.

И садится Найден Попович на сивку-бурку, на вещего каурку, прощается с бабой-ягой. И полетел сивка-бурка, вещая каурка выше лесу стоячего и ниже облака ходячего.

На пути он увидел дворец и решил побывать в этом во дворце Когда заехал во дворец, оставил сивку-бурку, вещего каурку, а сам пошёл во дворец. Когда заходит, вдруг навстречу неожиданно бежит его старшая сестра и здоровается, обнимает Найден Поповича и плачет, и говорит:

— Как же ты попал сюда? И какие тебя буйные ветры занесли?

И потом стала о себе рассказывать, каким родом она сюда попала:

— Меня унёс сюда Ворон Воронович. Это он только так называется, величается, а на самом деле он сильный могучий богатырь. И вот надо мне тебя спрятать: когда прилетит Ворон Воронович, то он сразу не разберется и не спросит, может убить тебя, а потом его сердце и чувства уладятся, он присмиреет, и тогда я могу тебя выпустить.

Сказано—сделано. И она его посадила в чулан. И вот он сидит. День сидит, другой сидит, на третий день прилетает Ворон Воронович. Стал на крыльцо—аж всё задрожало. Заходит он в палаты и говорит:

— Фу, фу! Русской кости видом не видано и слыхом не слыхано, а теперь сама на двор пришла! И где ж? Давай сюда!

А его жена Ма́рья стала отговаривать:

— Ты сам так долго летал и русского духа нахватался и теперь требуешь с меня!

Он сел, подзакусил и выпил, и лёг отдохнуть.

А когда он отдохнул, назавтра прекрасная жена его Марья и говорит:

— Вот, Ворон Воронович, у нас ведь есть гость дорогой!

— А кто же такой?— спрашивает.

Она ему рассказывает, что приехал наш Найден Попович.

— А что же ты вчера не сказала?—говорит Ворон Воронович.

— А я вчера побоялась сказать, потому что везде летал и злобы набрался, мог ты его незначай убить.

Он тогда стал говорить:

— Давай, давай скорей его сюда.

Она выпускает его из чулана. Выходит Найден Попович, и стал его Ворон Воронович обнимать и целовать, и все пошли трое сели за стол. И стал Ворон Воронович угощать Найден Поповича и стал его расспрашивать:

— Как же ты мог попасть сюда, и куда держишь путь?

Он рассказал ему о найденной книге и вычитанной в ней о такой-то прекрасной Царь-девице. И вот поэтому запало ему в сердце ретивое и вот поехал туда—или ее добыть или домой не быть.

Тогда отвечает ему Ворон Воронович:

— Эх, Найден Попович! Не видать тебе её, как своих ушей. Я тоже был молодец, тоже думал свататать, едва вырвался и другому не советую. Ну, что же... у всякого своё счастье. Только я тебе дам подарочек, шкатулочку, и эта шкатулочка, может быть, тебе и поможет. Когда только дотронешься и отворишь ее, ниоткудова явятся всякие разные закуски и наедки, и дорогие заморские вина.

Принёс и дал ему. Найден Попович встает, начинает прощаться и целует Марью, и целует Ворон Вороновича, и вышел из ихних палат. Свистнул молодецким посвистом, крикнул богатырским голосом:

Сивка-бурка, вещая каурка, будь на поле готов!

Сивка-бурка прибежал, как вкопанный встал. И давай он его седлать. Оседлал он его в турецкое седелице и попрощался с ними, и поехал. Полетел он выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. И увидел он в лесу избушку на курьих ножках, повертывается.

Он сказал избушке:

— Повернись, избушка, к лесу задом, а мне передом.

Повернулась избушка, и Найден Попович зашёл в эту избушку. Видит: едет баба-яга костяная нога серебряный глаз, в ступе разъезжает, пестом погоняет, метлою след заметает.

— Фу, фу! Русской кости видом не видано и слыхом не слыхано, а теперь русская кость сама во двор пришла.

Он стал ей говорить:

— Не сердись, бабушка, прежде напой и накорми, а потом вестей спроси. Меня ведь к тебе твоя сестра послала.

Старуха бросила ступу, стол поддернула, на карачки стала, калачик достала и стала его угощать. А когда он покушал, она стала его расспрашивать. Он рассказал так же, как и первой старухе. И эта старуха говорит:

— Эх, Найден Попович! Не срывать тебе в поле ягоду и не видать тебе этой красавицы, как своих ушей. Многие мои приятели сватались, и редкий кто домой уходил. Так что тебе не видать её. Ну, так у всякого счастье своё! Ладно, хорошо раз сестра велела дать совету так я дам тебе совет.

Дала она ему ковёр-самолёт. А он сивку-бурку, вещего каурку отпустил в чистое поле, в широкое раздолье, и помчался сивка-бурка к своей старой хозяйке.

Найден Попович садится на ковёр-самолёт (она

ему дала доехать до младшей сестры). И он выговаривает таковые слова:

— Подымайся, ковёр-самолёт, выше леса стоячего, ниже облака ходячего.

И полетел ковёр-самолёт. Во время полёта он увидел: на хорошей чистой площадке стоит дворец с серебряными украшениями. Он заинтересовался и задумал побывать, спустился к этому дворцу, и пошёл он в белокаменные палаты. И когда он зашёл, вдруг его встречает средняя сестра, с радостью и со слезами.

— Откуда это ты, Найден Попович? Как же ты мог притти сюда, и какие тебя буйные ветры занесли?

И он стал ей рассказывать, а она ему говорит свои приключения.

„Меня унёс Кот Котович. Это только название такое, а он сильный могучий богатырь. Он улетел уж много месяцев, скоро, наверное, будет дома, и я тебя должна спрятать, потому Кот Котович прилетит сильно разъярённый и может тебя задушить".

Спрятала она его далеко в подвал, чтобы духу не было. И вот через три ночи прилетает Кот Котович и зафукал:

— Фу, фу! Русская кость слыхом не слыхана, видом не видана, а теперь, видно, сама во двор пришла.

И стал у своей жены требовать. А она ему говорить:

— Ты мотался по белому свету, русского духу нахватался и говоришь, что русская кость здесь.

Потом он сел, подзакусил, выпил и лег отдохнуть. А на завтра стала она ему рассказывать, что у них есть гость дорогой. И он сразу же затребовал. Она пошла, отворила подвал, и вышел Найден Попович, и зашел он в палаты, и стал его Кот Котович обнимать и целовать. Пошли все втроем, сели за стол. Поставили всякие напитки, закуски, и заморского варенья и сластей для прохлаждения.

И вот стал его расспрашивать Кот Котович: как Найден Попович попал сюда, и куда он свой путь держит.

Найден Попович рассказал ему о найденной книге и что он в ней вычитал о прекрасной Царь-девице и вот принял такое решение её отыскивать.

Кот Котович говорит ему:

— Эх, дорогой Найден Попович! уж я ли не был молодец, уж я ли не стремился, и то едва жив домой ушёл. Там много у ней сидят: кто на коле сидит, кто в застенке, кто в темнице, а кто уж в земле лежит. Не советовал бы я тебе рисковать... Так что же... у всякого своё счастье, можно и попытать, раз задумал. И вот я тебе на дорогу дам гостинец, который всегда тебе пригодится.

Приносит ему скатерть.

— Вот эта скатерка называется самобранка,— стоит только расстелить, то появятся всякие вина и закуски, и будешь пить и веселиться и никогда не кончишь.

Свертывает обратно и подаёт Найден Поповичу. А Найден Попович кладёт её в шкатулочку. И теперь он начинает прощаться с ними и целоваться и выходит на двор, садится на ковёр-самолёт и приговаривает:

—Ну, ковёр самолёт, подымайся выше леса стоячего и ниже облака ходячего.

И полетел он. И долгое время он летел. Увидел он в глухой тайге: стоит избушка на курьих ножках повертывается Он спустился к этой избушке и сказал таково слово:

—Повернись, избушка, к лесу задом, а мне передом.

Повернулась избушка к лесу задом, а ему передом. Заходит в нее Найден Попович и увидел там бабу ягу, стальную ногу и золотой глаз. Она в ступе разъезжает, пестом погоняет и метлою след заметает. И старуха рассердилась:

—Русской кости видом не видано и слыхом не слыхано, а теперь русская кость сама во двор пришла!

А он ей говорит:

—Я не сам к тебе пришёл, а послала к тебе твоя средняя сестра. Ты бы накормила, напоила да вестей спросила. А ты, бабушка, сердишься.

Старуха услыхала речи, сейчас же полезла на печь, с печи сдернула, стол поддернула и поставила сладкий пирог и стала его потчевать, и стала его расспрашивать. Найден Попович стал ей рассказывать, как он нашёл книгу и что в ней вычитал о прекрасной Царь-девице.

Старуха стала ему говорить:

—Нет, Найден Попович! Не видать тебе её, как твоих ушей. Мои многие приятели и знакомые сватали её. Кто свою голову сложил, а кто едва домой ушёл. Я бы тебе не советовала. Опять у всякого счастье своё. И вот я тебе дам сапожки-самоходки, и эти сапожки-самоходки доведут тебя, они дорогу знают и только вернутся обратно, как доведут тебя. На пути будет река, а на реке будет избушка, в этой избушке будет сидеть мой куманёк, зако анный Соловей вор-разбойничек, который тоже сватал её и попал ей в лапы. Вот и сидит и будет сидеть без конца, и ты можешь спросить у него совету.

Подаёт ему сапожки-самоходки. Надеет он сапожки-самоходки и пошёл шагать.

Близко ли далеко, низко ли высоко, скоро сказка сказывается, а дело не скоро делается.

И вдруг он увидел: стоит дворец. И он вздумал зайти в этот дворец, а дворец весь крытый золотом. И когда он зашёл во дворец, встретил вскормилицу —Лукерью, то у них радости не было конца. Она его стала обнимать и целовать и не знала что делать.

—Жалею тебя, Найден Попович, как мне тебя укрыть. Меня ведь похитил Сокол Соколович, он такой прыткий, свету в глазах нету, и он не задержит-

ся, когда прилетит, может убить тебя. И вот прежде всего надо подумать, как тебя спрятать. Жаль мне тебя, потому что я тебя воспитывала.

Приносит она какой то пузырёк вспрыснула его, и он сделался мраморной статуей.

И день он находится тут и другой находится. На третий день прилетает Сокол Соколович, ударился он в мраморную статую и чуть было не зашибся. Он думал, что стоит человек. А потом стал жене говорить:

—Как же это, жена, русской кости видом не видано, а теперь пахнет русской костью?

Она ему говорит таково слово:

—Ты по Руси летал и русского духу нахватался и вот теперь говоришь.

Поставила она ему закусить и выпить. А когда он закусил и выпил, лег отдохнуть на изразцовую кровать.

А назавтра подымается, начинает ему прекрасная Лукерья говорить:

—Вот что, Сокол Соколович, у нас ведь дорогой гость есть!

А кто же такой?

—Найден Попович!

—А что же ты сразу не сказала?

—А я вчера побоялась, потому ты всякого духу нахватался и ты такой прыткий, мог зашибить его.

И он просит её, чтобы привела Найден Поповича.

Она опять вспрыснула статую, он и сделался опять Найден Попович. И он стал его обнимать и целовать. И все втроём пошли сели за стол. И принесли всякие напитки, наедки и заморское варенье и сластей для прохлаждения. И стал он расспрашивать Найдена Поповича, как он сюда попал и куда он путь держит. И он всё ему рассказал, что было и не было. И тогда Сокол Соколович говорит:

—Найден Попович, эх, брат, не видать тебе её! Уж я ли не был удалой, уж я ли не был легкий и вёрткий, и то едва чуть живой ушёл. Ну, да ладно, у всякого своё счастье. Вот только я дам тебе гостинец, который, может быть, тебе и пригодится. Есть у меня кольцо, и в этом кольце есть алмаз. Если только снять с руки да смотреть в этот алмаз, можно все хитрости видеть.

Снимает с себя кольцо и подаёт Найден Поповичу.

И вот Найден Попович надеет сапожки-самоходки, попрощался и пошёл шагать.

День шагает, другой шагает и третий шагает, и много времени пришлось ему итти. И вот он подходит к бурной речке. У бурной речки стоит избушка. И вот в этой-то избушке сидит Соловей вор-разбойничек. Когда увидел его Соловей вор-разбойничек, свистнул молодецким посвистом и крикнул богатырским голосом, что Найден Попович упал на колени. А потом справился и встал. Стал его расспрашивать Соловей вор-разбойничек:

—Куда, добрый молодец, ты путь держишь?

А Найден Попович и говорит:

—Куда я держу, это моё дело, а сказать я тебе не могу.

Соловей вор-разбойничек говорит:

—Если только ты не скажешь, то ты пропадёшь совсем своей головою. А если скажешь, то я тебя научу.

—А,—спрашивает его Найден Попович,—о чём бы ты мог научить?

Соловей вор-разбойничек сидел на двенадцати цепях, и он показывает на эти цепи:

—Эти ведь цепи заколдованные, стоит у этих цепей нажать кнопку и я освобожусь, и я бы попросил, чтобы ты освободил меня.

Найден Попович говорит ему:

—Если я тебя освобожу, то мне не придётся увидеть прекрасную Царь-девицу.

А тогда Соловей вор-разбойничек говорит:

—А раз не хочешь, как хочешь.

И найден Попович переехал эту реку на пароме и пошёл дальше. Приходит он к городским воротам и говорит привратнику, чтобы доложил прекрасной Царь-девице.

А тот пошёл и доложил ей. И она сейчас же велела витязям итти и взять его за белые руки и привести к ней.

И вот эти-то витязи приходят и берут за белые руки Найдена Поповича и ведут к прекрасной Царь-девице, а та грозно взглянула да грознее того сказала:

— Что тебе нужно, мальчишка?

Он говорит:

—Вот, прекрасная Царь-девица, много об тебе читал и много слыхал, поэтому вот и шёл к тебе, хоть бы одним глазом тебя увидеть!

Она говорит:

—Ах, вот ты какой!

И вот приказывает своим витязям:

—Отведите ему хорошую залу, пока пусть он сидит до времени.

И повели его витязи. Открывают чёрные двери и вталкивают его туда, запирают дверь и заковывают железные засовы, и замыкают крепким замком.

И тут появились всякие разные: кто почти оброс с головы до ног волосами, а кто и весь голый, как ошпаренный. Темнота страшная и только можно нащупать руками, а так ничего не видать.

И вот они стали ему рассказывать, что они люди из разных стран, из разных государств, сидят уж много лет, за то сидят, что хотели они увидеть Царь-девицу. Кто только хотел увидеть, а кто даже посватать, и никому даже увидеть ее не пришлось, а не только посватать. И его стали расспрашивать о приключении. Он стал рассказывать, как он нашёл книгу в лесу на пне и как он вычитал о

прекрасной Царь-девице, и захотел её увидеть и, может быть, даже сосватать.

—А что же ты ее видел или нет ?—спрашивают.

—Да, видел и даже повстречался с нею.

—Да насколько же она красивая?

А он им говорит:

—Она такая красота неописанная, что даже глядеть нельзя, как на солнце. И вот все же мне удалось увидеть, а теперь придётся сидеть!

Сидит он долго тут, сидит месяц, сидит другой, сидит третий месяц. Кормиться только подают воду, и сухой хлеб. Он вдруг да вспомнил о своей шкатулочке, вынимает свою шкатулочку и отворяет. Вдруг появился необыкновенный свет и появились разные закуски и напитки, и разные вина. И он говорит им:

—Давайте, братцы, погуляемте!

И вот давай они пить, ись и веселиться. Кто хотя и много лет сидел, и то помолодел. Пошли пляски, шум и песни. Услышала сама царь-девица.

—Что бы значило?

Она посылает свою стражу узнать. Те приходят, удивляются. Видят: необыкновенный свет, и все пьют, гуляют и наслаждаются.

Они стали расспрашивать:

—Откуда это? Что бы значило?

И все показывают на Найдена Поповича. Стража приходит и говорит Царь-девице о Найдене Поповиче, который тоже у неи был записан в книге.

Она посылает своего верного слугу спросить Найдена Поповича, чем он это делает, может быть, эта вещь продажная, а, может быть, заветная.

Приходит слуга и спрашивает Найден Поповича:

—Чем же это ты. Найден Попович, делаешь и какая у тебя вещь—продажная или заветная?

—Заветная.

—А какой же у ней завет?

Найден Попович говорит:

—У этой шкатулочки завет, чтобы Царь-девица

разделася донага, и я поглядел на неё, и может получить шкатулочку.

И вот приходит верный слуга и говорит Царь-девице. Царь-девица и думает: „Хотя, правда, её тело никто не видывал, а вдруг она тут покажет свое тело какому-то мальчишке! Да уж делать нечего: вещь-то предорогая".

И призывает она Найден Поповича к себе в спальню, раздеётся донага. Поглядел на неё Найден Попович, оделася Царь-девица и получила шкатулочку.

Приводят Найден Поповича, опять вталкивают в темницу. Опять все темно, ничего не видать.

Сидит месяц, сидит другой, сидит третий, и опять надоело и голод берёг. Он развертывает свою скатерку-самобранку, расстилает её на пол, и вдруг тут открывается: кто во сне не видал, всякие разные яства, напитки, наедки, разные вина. И он опять даёт распоряжение пить и гулять.

И опять принялись все пить и гулять, и пошло веселье. Напилися пьяные, и дело дошло даже у них до драки. Кто своей силой хвастает, кто своим удальством, кто своим мастерством, а только один Найден Попович посиживяет и помалкивает.

Вдруг услыхала Царь-девица, послала свою стражу узнать, что бы значило. И вот стража приходит и начинает расспрашивать о случившемся. Все показывают на Найден Поповича:

—Вот это наш благодетель!

Те ушли и сказали Царь-девице. А Царь-девица посылат своего верного слугу узнать о случившемся. Приходит верный слуга, расспрашиват Найдена Поповича:

—Что бы значило? Какая у тебя есть такая вещь—или продажная или заветная?

—Да, заветная,—говорит.

—А какой же у ней завет?

—А у ней завет, чтобы я с Царь-девицей полежал у ней на кровати.

Приходит слуга и говорит Царь-девице. Хотя Царь-девице неприятно ложиться с мальчишкой, но решилась она полежать за такую вещь. Посылает за ним.

Он приходит, лег, полежал и встал. И подает ей скатерть-самобранку. Берет она скатерть-самобранку и выталкивает его вон:

—Иди! Заприте этого мерзавца! Больно требовательный! А вот еще будешь, так я тебя и закую в кандалы.

Угоняет его стража, вталкивает в темницу.

Он сидит месяц, сидит третий и думает на уме: „Да ведь у меня есть перстень с самоцветным камнем, дай посмотрю я в этот перстень, что творится у Царь-девицы“.

А Царь- девица укладыват все свои хитрости, все свои мудрости, хочет спрятать не то закопать, не то что. И вот она только куда-то вышла, и он в это-то врёмя пошёл с этим перстнем, и ничего его не задерживало. И забрал её книгу чародейную. И забирает эту книгу, приносит обратно в темницу, а когда она приходит, видит: книги этой нет. Она тут и охнула: „Значит пропала моя голова!“

Послала она за Найденом Поповичем. Он приходит к ней. Она и говорит ему таково слово:

—Ну, Найден Попович, не думала я, не гадала, что ты будешь мною владеть!

И до чего она стала ласковая, и до чего она мягкая!

И вот я должна быть теперь твоей женою. Сумел, значит, добиться и взять все мои хитрости.

И вот учинили свадьбу. Никто не думал, не гадал такую роскошь. И вот он на эту-то свадьбу пошёл и отворил темничную дверь, и все и вышли из темницы. Велел всем им Найден Попович приумыться и причесаться и велел выдать им костюмы. И

все приняли прежний вид. Все стали гулять и веселиться, а по окончании свадьбы всех распустил домой.

Однажды пошли они в поле. Подходят к той бурной речке, где стояла избушка, в которой сидел Соловей вор-разбойничек на цепях. И вот стал у ней расспрашивать Найден Попович: зачем сидит он тут. Царь-девица ему стала рассказывать, что это мой заклятый враг. Захотелось Найдену Поповичу посмотреть, и вот она заводит его к нему, и он стал обходить его и осматривать и подошёл к той кнопке, где велел ему нажать Соловей вор-разбойничек, когда он шёл и был у него. И он нечаянно будто бы прикоснулся, нажал эту кнопку, и тотчас слетели с него все эти оковы. Поднялась страшная буря нечаянно и невиданно. Соловей вор-разбойничек схватыват прекрасную Царь-девицу и уносит в своё имение. А Найдён Попович остается один.

Пошёл он в свои палаты, где его князья и бояре ожидали, и он приходит один. Теперь они его выспрашивают, где Царь-девица, а он им сказал, что она осталася в поле. Они ему не верят. Стали с него требовать. И он сейчас забирает, что ему надо, и уходит навсегда.

Шёл он долго времени, близко ли далеко, низко ли высоко, скоро сказка сказывается, а дело не скоро делается. Сбивается с дороги, заходит он в дремучий лес и видит стоит дворец. И он заходит в этот дворец, стал расспрашивать, кто здесь хозяин. Берёт его какой то дворник и ведёт к хозяйке. Приводит. Сидит старая старушка и спрашиват его:

—Что тебе надобно, добрый молодец?

—Ничего мне, бабушка, не надо, а только я сбился с дороги и забрался вот сюда.

И она стала предлагать ему работу: гусей пасти за триста рублей в год.

—А если пропасёшь, то отвечать будешь, и плата твоя пропадет.

Назавтра встают, дают ему долгой шестик и выгоняют ему двенадцать гусынь. И он пошёл в чистое поле. Подошел он к озеру, вот и гусыни подошли к озеру. Не мог он их укараулить. Они заплыли в озеро и стали расплываться в разные стороны. И он бегал, бегал по берегу и никого собрать не мог, всех потерял из виду.

Что теперь ему делать? И он вспомнил про своего зятя Ворона Вороновича, который ему говорил: если придётся ему трудно, то чтобы вспомнил Ворона Вороновича. И он вспомнил Ворона Вороновича. Вдруг ниоткуда появился Ворон Воронович и стал летать по камышам и выгнал всех гусынь, погнал к Найден Поповичу. А Найден Попович погнал их к хозяйке, а Ворона Вороновича не стало.

И прожил он у ней год. И вот пригонял ему гусынь всегда Ворон Воронович.

Однажды сменяет она работу, даёт ему пасти куриц. И он погнал их в поле. Курицы ходили, ходили, и в это время навалилася на него дремота, и он заснул крепким сном. Когда разбудился—нету ни одной курицы! Дело было уж к вечеру. Как быть? Как делаться? И он вспомнил второго своего зятя Кот Котовича. И вдруг ниоткудова взялся Кот Котович. Стал шнырять и бегать и выгнал из ветоши всех куриц. И погнал их Найден Попович к своей старушке. И пригоняет он к старушке и сдает в сохранности. Стал требовать с нее платы. Старушка заплатила, нахвалиться не может и велит ему продолжать эту работу, а он отказыватся. Тогда она обещает дать ему другую работу, чтобы он пас серых утиц. Он долго отказывался, хотел уходить. Она предложила ему лучшую цену. Наконец, он соглашается. И выгоняет старушка серых утиц. И погнал он в поле серых утиц.

Вдруг утицы дошли до болота, вспорхнули и улетели. Найден Попович бегал, бегал и ничего не мог найти. Он вспомнил об зяте своем Соколе Соко-

ловиче. И вдруг ниоткудова явился Сокол Соколович начал сбивать серых утиц и его серые утицы увидели и стали прилетать и падать ему под ноги, и он собрал всех серых утиц.

Тогда Сокол Соколович говорит ему:

—Да, Найден Попович, оставлять тебе нужно эту работу, иначе она тебе не повезёт.

Пригоняет, значит, Найден Попович серых утиц и сдает старушке и требует с нее жалованье. Платит она ему жалованье, и он собирается уходить. Сколько она его ни уговаривала, сколько ему ни обещала, но Найден Попович настоял на своем, и вышел он оттудова и пошел он в чистое поле.

Вздумал он Сокола Соколовича. Сокол Соколович прилетает.

– Что тебе нужно, Найден Попович?

—Да вот, довольно, не хочу я странствовать, испытал своей жизни, хотелося мне ехать на родину.

Получается сильный вихрь. Обратился Сокол Соколович в вихря и схватывает Найден Поповича и привозит его на родину и прощается с ним навсегда.

А Найден Попович находит в своем селе дочь крестьянина и сватает ее за себя. И когда женился на крестьянской дочери, стал жить и поживать честным трудом. Были у него дети, и прожил он до глубокой старости и скончался.

КАК МУЖИК ОТ НУЖДЫ ИЗБАВИЛСЯ

В одной деревне был бедный крестьянин. У этого крестьянина единственная была кобылица, почти совсем ни на что не похожая. А всё же надо было жить

Однажды он поехал в лес за дровами. Нарубил он там хворосту, наклал воз и поехал домой обратно. Время было зимнее. Едут взади за ним два прискателя верхами. Хорошо. Теперь когда они взади ехали, в этот момент у него кобылица стала опорожняться, и он на калы на её бросил мелкого серебра. Коль скоро те подъезжают, видят: что такое? Кобыла серебром, ходит.“ Поспешили догнать мужика.

— Это что, мужичок?—спрашивают у него.

— Это, вишь, кобылица тут опорожнилась.

— Откудова такое серебро?

Он им и говорит:

— Это у ней часто так получается. Одно жалко, что овсом не кормлю, а если б кормить овсом, то пожалуй, серебра и не перебрать было!

Они удивились. Приотстали от него. Стали между собою толковать.

— А что же бы в самом деле, если б купить эту кобылу у мужика, если только он её продаст? Пожалуй, не худо бы было. А что деньги? Держутся, выйдут и не будет денег, а с кобылой никогда без денег не будешь. Будут деньги!

Так порешили они поторговать кобылу. Догоняют мужика и спрашивают его:

— Не продашь ли эту кобылу? Или она у тебя заветная?

— Так, пожалуй, бы на хорошие деньги продал бы. Только на золото.

— А что же бы ты за неё взял?

— А я, пожалуй, взял бы за неё пятьсот рублей золотом.

Те отстают от него и опять толкуют. Потолковали и догоняют его. Вынимают деньги оба пятьсот рублей золотом.

— Давай отпрягай кобылу сейчас же!

Сказано—сделано. Слезает с лошади, начинает отпрягать и отдал кобылицу.

Теперь они у него спрашивают:

— Как обращаться? Где её держать и как?

Тогда он им говорит:

— Если думаете кормить овсом её, то её нужно держать в комнате, а иначе можно серебро растерять, затопчет.

И повели от него эти прииската́ли кобылицу. Прииска́тели были родные братья. Теперь у них пошёл спор: кому прежде взять кобылу на ночь.

Старший брат, конечно, переспорил, говорит:

— Я ведь родился преж тебя, поэтому я и кобылу должен взять.

Жена увидела в окно, что он ведёт какую-то клячу, выскакивает на двор и спрашивает его:

— Зачем таку клячу привёл?

— Ох, эта не кляча,—он говорит жене,—эта будет наша кормилица навек.

Рассказал жене подробно, как с ней обходиться.

— Сегодня запрём её в комнату. Дадим ей в корыто овёс, также и воду, сколько ей требуется. И осмотреть комнату, нет ли щелей где, а если где есть щель наслать половики.

Некогда было чай пить. Стали они готовить комнату для кобылицы. Наслали они половики. Поставили корыто с овсом, другое корыто с водой и кобылицу завели и замкнули там её, а сами всю ночь, никак не могли уснуть.

Он расспрашивал:

— Есть ли у нас кули, есть ли у нас мешок, во что мы будем класть?

Она ему сказала, что есть во что положить,

— Ну, тогда вставай на утро пораньше, с голичком заметай.

Только начало зариться, жена встаёт, берет голики и идет.

Что же она видит? Все стены, пол и потолок обрызгала она своим калом.

Жена вылетела оттуда с такой руганью к мужику. Мужик не знал, что делать, как отбиваться от неё.

Во время этого содома идёт его младший брат, которого увидели в окно.

Старший брат поспешил выйти ему навстречу и вывести кобылу.

Теперь младший брат спрашивает старшего:

— Но, как кобылица у нас?

— Ничего,—говорит,—очень даже хорошая. Посуды даже нехватило.

Тот стал его расспрашивать, как он её кормил, как поил, что он делал. Брат ему рассказал, и этот взял кобылицу и пошёл домой. А там давно уже его жена растворила ворота, ждёт с кобылицей.

— Ну-ка, жена, приготовим комнату!

— Да, да приготовим, муженёк.

— А ящики тоже есть?

— Есть.

— Ну, надо заводить кобылицу в комнату.

И завели. Поставили ее в комнату а сами поспешили выйти.

На утро встаёт жена его рано, берёт голики и бежит туда. Смотрит. Что такое получилось? Такая неожиданность: все замарала кобыла.

Выскакиват жена, схватывает ухват, бежит к мужу в спальню. Била до того, что чуть ему все бока не переломала. Наконец, насилу освободился муж её, да побежал к брату.

Прибегает к брату и спрашивает:

— Ну, что, брат, как у тебя получилось?

И рассказали друг другу, что у них было.

И теперь они порешили пойти к мужику и убить его.

А мужик хорошо знал, что они явятся к нему, тоже подготовился. Взял где то бычий пузырь, наполнил его кровью и привязал его под подмышку жене и сказал ей:

— Когда придут приискатели, ты бегай, ругайся, жалей кобылу, что я измотал. А я стану заставлять тебя варить чаю, потчевать гостей. И ты не слушай меня, а продолжай свою ругань, а когда я соскочу и ткну тебя ножом подмышку, ты падай и лежи до времени, не дыши. И я соскочу, сдерну с печки бич, буду пороть тебя лежачую, и ты соскочи того же разу, бегай, начинай стряпать.

В этот момент заходят два приискателя. А жена бегает, ругается, что он кобылу измотал, теперь остались без кобылы. А он её нудит варить чай. Она того сильнее начинает ругаться, даже плакать по своей кобыле. Мужик соскакивает, схватывает нож со стола и стукнул подмышку жены, которая сейчас же упала мертвою. А приискатели в недоумении смотрят, что бы значило это.

Мужик соскакиват, сдергивает бич со спицы, принялся пороть жену. Жена его соскочила и начала бегать, как шёлковая стала, готовит чай. А приискатели выпучили глаза, смотрят. Им не до чая: их заинтересовало это дело. Отвели потихоньку мужика и стали его расспрашивать: что бы это значило такое происшествие?

А он на вопрос им отвечает:

— Это есть такое особое свойство этого ножа и бича.

И эти два брата сдумали торговать ножик и бич.

— Иначе нам с тобою жёны не дадут спокою.

Стали его спрашивать:

— Ножик и бич продажны или заветны?

Он им говорит:

— Хотя и в самом деле мне трудно расстаться с ножом и с бичом—жена мне не даёт спокою за свою кобылицу. Я только теперь вот этим и отхожу.

Наконец, они к нему приступили так крепко, чтобы он продал. Делать было нечего. Он пояснил им что стоят ножик и бич:

— Это все удовольствие стоит пятьсот рублей золотом.

Они порешили купить. Выложили ему деньги на стол золотом. Забирают ножик и бич и уходят. Теперь идут дорогой, толкуют, кому прежде это взять.

Старший брат говорит:

— Конечно, мне, потому я преж тебя родился.

Взял он ножик и бич, пошёл домой. А когда приходит он домой, то жена его встречает на пороге. Не знает чем его ударить. А мужику некогда было с нею тут возиться, он сразу ее ножиком подмышку ткнул. Упала замертво. Он недолго посидел на лавке и встаёт, начинает ее пороть бичом. Сколько он её ни порол, ни ворочал, но она осталася мертва.

„Эх,—думает,—подлец, надул мужик нас опять!"

Взглянул в окно и увидел брата своего. Идет к нему. Он берёт ножик и бич, выносит к нему на двор.

Тот спрашивает:

— Ну, что, брат, как твоя жена?

— Ну, конечно, стала как шёлковая.

Он спрашивает:

— Сколько раз ты ее тыкал ножом?

Он ему говорит:

— Один раз.

Берёт брат ножик и бич, идёт домой и думает на уме:

— Я-то уж два раз ткну жену, чтобы она поумнела лучше.

Приходит домой, жена его встречает на пороге с ухватом. Чуть не выколола ему глаз, едва успел он её ткнуть подмышку. Когда она повалилась, он ещё успел ткнуть ее, и она упала замёртво.

Он немного посидел на табурете, соскакивает с бичом и начинат пороть ее. Как он её ни порол, как он её ни вертел, но всё же жена осталася мертва. Теперь он побежал с таким горем к брату. А брат ему навстречу.

— Ну, что, брат, как твоя жена?

— Да что, оставила горе мыкать. Теперь я один остался.

— А как у тебя?

— Так, такая же картина получилась.

— Ну, вот теперь пойдём, не будем его слушать, не будем покупать, а мы должны его убить во что бы то ни стало.

Вот они пошли к мужику, конечно.

А мужик хорошо знал, что они прибудут опять. Он выкопал могилку за избой и гроб, и в этом гробу поставил с собой к а н ф о р ч и к с углями и взял проволоку. Жена его забросала землей, только оставила правую руку открытую, наверху.

Едва успели они это сделать, приходят два приискателя, спрашивают её.

— Где муж?

Она плачет, причитывает, что муж помер.

— Вчерась схоронила.

— Где же ты его хоронила?

— Да я его не носила на кладбище, а схоронила за избой, чтобы почаще наведываться на могилке.

Теперь они её просят, чтобы она показала, где он.

Она им и говорит:

— Вот идите за избой, там могила.

Пошли они туда. Приходят, видют: только одна правая ладонь открытая. И думают про себя: „Ах, подлец, все же надул нас!“

— Я.

— Кто такой ты?

— Да вот, разве не знаешь Степана?

Священник развязывает тулун, вылезает из тулуна мужик.

Спрашивает священник:

— А ты зачем в тулун залез?

— А вот я прииска добывал в воде. Жена вынимала из проруби да замерзла, ушла домой погреться и за саночками. Нужно было на саночках меня увезти домой, а иначе так открыто нельзя было.

Священнику сперва не поверилось.

— Где же у тебя золото?

Он стал вытаскивать то из того кармана, полученное за кобылицу золото, то из другого, полученное за ножик и за бич. Показыват ему золото.

— А вот, если не развяжи ты тулуна, тогда было золота ещё больше.

Священник ему говорит:

— Тут какой то есть секрет. Так тогда слушай, Степан, посади ты меня в тулун, может быть, я сколько-нибудь достану золота. Ты хорошо ведь знаешь—у меня семья.

Степан говорит:

— Ну, да уж ладно. Делать нечего. Полезай.

Завязал его в тулун, а сам сел тройку на лошадей и уехал.

Приходят приискатели с топором и с пешнею. Раздолбили прорубь и стали спускать туда священника. И он култыхвулся в воду.

Теперь думают два брата: „Все же мы спровадили такого мошенника“.

Когда стали доходить до дому, вруг попадает им мужик на тройке. Удивлению ихнему не было конца!

— Как он мог появиться на свет божий!..

Стали кланяться и просить, чтобы он остановился.

Старший брат придумал хоть в последний раз издевательство над ним.

— Дай,—говорит, — брат, я напакостю ему на ладонь. И когда он стал садиться над ладонью, то мужик каленой проволокой ткнул ему в з... Почти он аршина на полтора прыгнул кверху.

Теперь младший брат спрашивает:

— Что бы значило с тобою?

— Не могу знать, просто какое-то суеверие взяло меня.

— Ну тогда я сяду.

Такая же картина и с ним получилась. Он ещё отпрыгнул выше.

Братья толкуют:

— Он еретик оказывается. Теперь нам с ним ничего не сделать. Давай пойдём, убьём его жену.

А когда пошли они в избу, то он выскочил из могилы и с другой стороны попал им встречу. Те закричали:

— Ах, ты, мошенник, вот что проделывашь ты!

Поймали его и связали руки и ноги.

Теперь младший брат пошёл за ключом. Взял ключ, отомкнул амбар. В амбаре он нашёл кожаный тулун. Посадили они его в тулун. Пошли топить они его в проруби. Когда принесли его на прорубь, прорубь уж намерзла толстым льдом.

Теперь, что им делать? У них ни топора, ни пешни, чем бы раздолбить прорубь. Теперь они стали спорить между собой, кому пойти за топором и за пешней. На дворе же был холод, никому не хотелось остаться мерзнуть, то порешили итти оба за топором и за пешней.

Пока они ходили, в этот момент подъезжат священник на тройке. Видит: у проруби лежит тулун. А из тулуна кто-то ревёт. Священник слезает, подходит к тулуну, спрашивает:

— Кто там?

Мужик отвечает:

А он был такой послушный, сразу остановил тройку, а они стали его расспрашивать, как он мог вернуться обратно. А он им стал рассказывать, что „у меня такие тулуны—имеют волшебное свойство".

— Так слушай, посади ты нас в тулуны и спусти, что будет стоить—мы заплатим.

— Нет, пожалуй, теперь я с вас ничего не возьму. Так уважу.

Приходят они к мужику. Он берёт два тулуна. И идут они на прорубь. Сажает он старшего в тулун, завязывает тулун. А этот его спрашивает:

— Что я буду делать там в воде?

— А ты кричи там—сивых да бурых, сивых да бурых.

И опустил он его в прорубь.

А там некогда было ему говорить сивых да бурых, он только побулькал там—буль-буль-буль... Больше ничего.

Также второго он посадил в тулун, и второй спросил:

— Что я там буду делать?

Он ему тоже сказал:

— Имай там сивых да бурых.

И отпустил он его в прорубь. Там только получилось: буль-буль-буль... Больше ничего.

И мужик вернулся домой и стал жить да поживать...

БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ

На одном большом тракту стоял монастырь. Крестьяне многие заезжали помолиться. И вот, однажды проезжая, крестьянин один тоже вздумал помолиться и стал стучаться в монастырские ворота. Но не тут-то было: ворота были крепко заперты. Он стал прислушиваться: там ни то гимны, ни то стйхи, ни то даже песни.

Он думал сам себе: „Вот так-так—оказывается беспечальный монастырь!" Вытаскивает записную книжку, отрывает листок и пишет на нем жирным шрифтом:

„Беспечальный монастырь"—и залипает на стене.

Скоро приезжает за ним царь. Тоже вздумал помолиться и смотрит на стене надпись: „Беспечальный монастырь". Его страшно удивило. Он заходит в монастырь. Отец игумен идёт с крестом навстречу, осеняет его крестным знаменем, и он целует крест, потом спрашивает у отца игумена:

— Оказывается у вас беспечальный монастырь?

Отец игумен несколько струсил и стал расспрашивать царя, откуда он знает, что у нас беспечальный монастырь.

Царь его уводит на улицу и показывает вывеску. Тогда стал игумен просить его прощения.

Он ему сказал:

— Я только тогда могу простить: задам вам три задачи, если вы мне их разъясните, то я вас прощу, а иначе всех казню.

Сел в коляску и уехал.

Отец игумен пошёл, разъяснил монахам и братьям послушникам, что государь, проезжая проездом, наложил на нас печаль. Вот теперь приходится нам всем потрудиться и попечалиться. А те стали его расспрашивать, какая печаль.

Он разъяснил им, что царь велел узнать, сколь на небе звезд—первое. Второе—узнать, тот свет дальше или небеса выше. А третье—велел поценить себя, что он стоит.

— Так вот, братья, постарайтесь разгадать эти загадки, а то государь нас всех казнит и выгонит.

Тогда один монах думает: „Так и так жить недолго, пойду лучше погуляю".

Приходит он в трактир, заказывает большой запас водки. Трактирщик удивился, к чему такой большой запас надо было монаху и стал его расспрашивать.

Тот ему ответил, что „государь наложил на нас печаль".

В этот момент подходит пьяница:

— Какую мог наложить на вас печаль царь?

Монах ему сказал:

— Некогда мне с тобой растабаривать.

Тот ему в ответ:

— Что ты, может быть, я тебе помогу.

Монах одумался и стал ему рассказывать.

Тогда пьяница говорит:

— Это пустое дело! Это я могу разгадать.

Тогда он его повёл в монастырь и сказал отцу игумену, что вот находится человек разгадать эти загадки.

Тогда отец игумен уводит его в комнату и стал расспрашивать, что может или нет.

— Если только можешь, то мы тебя наградим, чего только тебе нужно.

А он ему в ответ:

— Никаких мне наград твоих не надо, а только

давай вот переоденемся. Я надену твое игуменское облачение, а ты надень мое.

Сказано—сделано. Пьяница надел одежду игумена, а игумен, значит, его – оборванное.

Теперь мнимый игумен попросил у него несколько дестей бумаг.

— А для чего?—спрашивает отец игумен у него.

Так мне надо вот звёзды подсчитывать.

Живо принёс ему послушник бумаги, и он запирается в комнату и начинает писать, ставить цифры: где двадцать, где тридцать, где сотню, где и тысячу, где и две и три. И таким путём он закончил все эти бумаги.

Теперь все монахи спрашивают мнимого игумена, как он поправляется с этими задачами. И он им сказал:

— Это не ваше дело.

Когда в известный назначенный день приезжает царь, отец игумен встречает его с крестом. Царь целует крест и спрашивает:

— Ну, как, отец игумен, угадал мои задачи?

— Так уж вот, ваше императорское величество, проверьте сами.

Приносит ему эти бумаги.

— Можете посмотреть, звёзды просчитаны, только итог не проставленный.

Царь смотрит, пересчитывает, смотрит: одни цифры да цифры, и больше ничего.

— Да что же ты, отец игумен, наврал тут?!

— Как так, ваше императорское величество, если я врал, то проверьте сами, сколько звёзд на небе.

Царю показалось это забавным. И спрашивает он другую задачу:

— А как узнал, тот свет дальше или небеса выше?

— Да, и это узнал. Должно быть, тот свет дальше: когда мой батюшка уехал на тот свет—двадцать

пять лет, да теперь его нет, а вот на небе я слышу стукают, брякают. Должно быть, это ближе будет.

На этот ответ даже царь рассмеялся и стал спрашивать третью задачу:

— Но, а как поценил ты меня?

— Да и тебя поценил. Вы стоите 29 рублей?.

Царь даже на это осердился!

— Как так! Когда простой поденщик получает за месяц тридцать рублей, а вы меня цените 29 рублей?!

— Так очень просто,—говорит ему игумен,—потому у нас небесный царь был продан за 30 серебренников, а вы рублем да его должны быть дешевле.

Царь даже удивился мудрому его ответу и сказал ему:

— А угадай, что думаю я?

— Да вы, ваше императорское величество, думаете, что молодец игумен монастыря.

— Да, совершенно я так и думал,—говорит царь ему.

— А вот тут-то вы ошиблись,—говорит игумен.

— Как так?

— А вот я молодец не игумен монастыря, а пьяница трактира и кабака.

— Как так?

Пошли запросы и расспросы. Оказался игумен-то пьяница, а настоящий игумен-то был в одежде пьяницы.

Царь поставил игуменом пьяницу, а бывшего игумена выгнал вон.

ПОП И ПСАЛОМЩИК

Однажды у помещика потерялась корова. Так как он ее найти не мог, то попросил священника после обедни проповедь рассказать: „Кто только узнает, кто украл помещикову корову, тому помещик сто рублей за работу даст“. И велел после трех обедней говорить проповедь, речь о корове, а потом будем дело разбирать.

И вот первый раз священник отслужил обедню, стал зачитывать о корове:

— У барина,—говорит,—потерялась корова. Если кто найдет или узнает, или расскажет, то барин сто рублей за это обещает.

Никто из прихожан ничего не говорит:

Псаломщик стоял на клиросе и говорит.

— Я знаю!

Никто не обратил на это внимание. Ведь три обедни будет зачитывать батя.

Помещик ушёл и прихожане разошлись.

Поп прибегает к псаломщику после обедни.

— Ты, что это? С ума спятил?! Зачем ты это высказываешь?

— А что? Раз ты не делишь пополам я и высказал.

Корову-то они украли. А при делёжке—поп стал обделять. Они когда служат в приходе, поп берет три части, а псаломщик одну, молебен ли, что ли. И вот тут такая же картина получилась. Украли корову, стали делить, псаломщику поп дает одну часть.

— Ты что, батя? Трудились одинаково, а ты меня обделяшь!

А священник говорит:

— Когда в приходе то мы служим, я три части беру, а ты часть получаешь, тоже одинаково трудимся. По уставу-то я должен боле взять.

И вот потому-то псаломщик высказывает.

Поп теперь после обедни и говорит:

— Но,—говорит,—отоприсъ, бери половину любую.

— Так нет, батя, ты сперва не согласился. Согласился бы, я бы взял любую половину.

— А теперь что же ты хочешь?

— Да мне слова-то как-нибудь надо выручать. Если три части дашь, то соглашусь, найду исход.

А попу жалко отдать три части, самому только одну часть взять.

И стал на уме поп себя винить и ушёл домой.

На следующий праздник опять поп служит обедню, после обедни говорит поп:

— Кто о помещиковой корове расскажет, тому сто рублей даст барин.

Псаломщик говорит:

— Я знаю!

И разошлись все по домам.

Священник прибегат к псаломщику после обедни.

— Ты что, с ума спятил, говоришь?!..

— Да как же? Раз ты, батя, не соглашался, я просил с тебя три части, тебе давал одну, ты не захотел.

Батя говорит:

— Ну ладно, бери три части, я одну часть возьму.

Псаломщик говорит:

— Нет, поздно. Если теперь отдашь всю корову, тогда я как-нибудь найду увёрки.

А попу жалко. Воровал, воровал и всю корову отдавать.

Теперь пришлось третью обедню служить. После обедни начал говорить речь, и сам весь трясется.

— Кто о помещиковой корове расскажет, сегодня положенный день, тому барин даст сто рублей.

Псаломщик стоит на клиросе и говорит:

— Я знаю!

Помещик спрашивает сразу:

— Но что ты сейчас расскажешь?

Псаломщик говорит:

— Ну, что ты говоришь? Схожу домой пообедаю, я всю обедню голодный. А вот приходи на площадь, и мы придём с батей на площадь, я тут и расскажу.

И ушли, домой все разошлись.

Поп не ел ничего, прибегает к псаломщику.

— Что ты,—говорит,—с ума спятил?! Что же ты думаешь рассказывать это?

— Так вот ты, батя, пожалел мне отдать всю корову, теперь уж сам на себя пеняй.

Тогда поп говорит:

— Ну, возьми всю корову, только не говори.

— Мало!—говорит.

— А что бы ты хотел тогда?

— А вот на эту корову дашь сто рублей, тогда я сумею вывернуться.

Ну, как ни жалко было попу корову и сто рублей, все-таки пришлось раскатолаживаться. Побежал домой, принёс сто рублей.

— А корову-то,—говорит,—когда будем таскать?

И принялись таскать корову к псаломщику, мясо значит.

— Ну ладно,—говорит поп,—отдал я тебе сто рублей, отдал я тебе всё мясо, теперь скажи: что ты будешь говорить?

— Это, батя, не твоё дело, ты не суйся, это дело моё, а вот иди домой.

Поп почти со слезами пошёл. И корову скормил, и сто рублей и думает: „Псаломщик откроет меня, расстригут и выгонят меня отсюда."

Пообедал псаломщик, пошёл на площадь, и поп не отстаёт от псаломщика.

А на площади публики собралось сметы нет, и помещик тут.

Когда пришли, помещик и говорит псаломщику:

— Ну ладно, начинай, рассказывай.

— Так нет, барин, давай прежде сто рублей. Ты обещал сто рублей, прежде дай их мне.

Делать нечего, помещик-то был скуповат, но всё же думает: „Открою корову кто украл!“

Вытаскивает из кармана сто рублей, подаёт псаломщику. Псаломщик взял деньги, сложил в бумажник да и в карман.

Теперь начинает рассказывать:

— Корову-то украли мы с батей. Стали делить, разделили всё пополам. И вот спор у нас произошёл из-за одной кишки. Эта кишка была очень сальна. Батя говорит: „я возьму!“ А я говорю, что „я возьму!“

И никак мы ее разделить не могли. Теперь решили мы сесть на пол, ногами упереться, взять по концу в зубы и тянуть эту кишку, кто вытянет, того и кишка будет.

Давай я упираться и батя давай крепко упираться. Ну сколько я не держался, зубы мои не выдержали. Как кишка вырвется из зубов, я так навзничь головой и торнулся об пол, как торнулся, так и разбудился...

Помещик говорит:

— Ты это о чём рассказываешь-то?

Он говорит:

— Конечно, сон,—говорит,—рассказываю я. Мы во сне,—говорит,—воровали с батей корову твою и поделили её пополам. И вот эту кишку начали делить, никак не разделили, взяли в зубы, стали тянуться, и вот зубы не выдержали у меня, я упал навзничь головой, как торнулся, так и разбудился.

Помещик стал спорить, деньги требовать.

— Ты,—говорит псаломщик,—дал обещание, что кто видел или скажет кто воровал. И вот я это видел во сне, но все же видел...

ЛЕВ И КОНЬ

Выехал охотник охотиться на лошади, и когда он приехал, остановился у холма. Лошадь отпустил, а сам пошёл охотиться.

А на этом холме находился лев. Когда лев спустился вниз, то он попал на след и стал выслеживать коня. Догнал он коня, сказал ему:

— Я тебя должен задавить.

А лошадь ему ответила:

— Увидим, можешь ли ты меня задавить. Прежде давай попробуем силами, кто из нас сильнее будет.

Но тогда лев сказал лошади:

— Какими будем силами пробовать друг друга?

Лошадь ему сказала:

— Нет, уж ты, как хозяин, ты задавай.

Тогда лев сказал лошади:

— Давай скакать через реку.

И заставил лошадь скакать.

Лошадь скочила до половины, а половину переплыла вплавь.

Лев разбежался и перескочил реку.

Тогда стал говорить лошади:

— Я должен тебя задавить!

Лошадь ему сказала:

— Нет, ты ещё не можешь меня задавить: теперь я задам тебе задачу.

— А какую?—спрашивает лев.

— А вот давай бить лапами о камень. У кого полетит огонь.

Тогда лев сказал:

— Начинай.

Лошадь подошла к камню и стала бить копытом, потому она была кованая. Тогда из камня полетел огонь так сильно, что лев стал зажмуривать глаза.

— Ну, теперь можешь бить ты своей лапой.

Лев принялся бить своими лапами, оборвал всё мясо с когтями и так, что кровь у него стекала потоками.

Теперь видит лев беду неминучую. Стал говорить лошади:

— Дай я прежде схожу, перевяжу свои лапы и полечу их, а тогда обратно приду.

И вот пошёл лев. Не пошёл он ровным местом, а пошел он на холм, для того чтобы удобнее было видеть лошадь. Когда зашёл он вверх, то повстречался с ним волк и поздоровались они.

Волк говорит льву:

— Что ты так запыхался?

— Да не говори, брат, едва живой ушёл.

— А что такое случилося?

— Попал на лошадь, которая чуть меня копытами не забила, едва я спасся от неё. Видел когда ты лошадь?—волка спрашивает лев.

— Но не только их видал, а даже их едал!—говорит волк.

Лев говорит ему:

— Однако, брат, врёшь!

— Да сейчас покажи, где лошадь.

Лев стал ему показывать. Волк был менее льва, то он разглядеть не мог. Сказал, что не вижу.

Тогда сказал лев ему:

— Давай я тебя подыму кверху, может быть, ты увидишь.

И когда поднял он его вверх, то лапами прижал его сильно и так пичкал его насмерть.

Спрашивает теперь лев волка:

— Ну, что видишь?

Волк молчит.

Повторил он второй раз.

Волк молчит.

Он спрашивает третий раз:

— Ну что видишь?

Волк опять молчит.

А когда лев спустил его на пол, то волк оказался мертвым. Тогда лев и говорит ему:

— Эх, брат, ты говоришь, что едал, а ты увидал, да пропал.

ВОЛК, ПЁС И КОТ

Однажды старый пёс лежал на завалине, а по улице бежал волк и спрашивает:

— Что ты, старый пёс, лежишь тут на завалине?

— А как мне не лежать? Потому силы отказываются служить мне. Когда был молодой, то хозяин меня уважал и кормил хорошо, а вот когда я стал старый, то меня бросил взаброс.

Волк ему и говорит:

— Тогда идём со мной и будем вместе жить.

Пёс, недолго думая, поднялся и поплелся за волком.

Пришли они в чистое поле. Тут ходил большой табун лошадей. Когда волк их увидел, стал валяться. Повалялся и спрашивает пса:

— Ну, как, пёс, глаза у меня красные или нет?

Пёс ему отвечает:

— Нет.

Тогда он стал валяться второй раз и второй раз стал спрашивать:

— Ну, как у меня, глаза красные?

Тогда пёс сказал ему:

— Да, теперь покраснели.

И волк бросился. Свалил молодого жеребца и перегрыз ему лён.

— Ну, как думаешь теперь, можем жить с тобой?

И вот ходили они и ели жеребца. Наконец, они его закончили.

Теперь старый пес говорит волку:

— Пойдем к нам. Тут у меня хозяин сына женит, свадьба, может нам что-нибудь достанется.

Вот в темноте протискались они в избу меж людей, проскочили и залезли под столы. А когда гостей угощал хозяин, в этот момент пёс ему лизнул руку.

— Ох, ты! Это мой хороший Барбос заявился.

И стал расхваливать свою собаку и подавать ему со стола. Даже ему подал стаканчик водки. А пёс почти сам не ел, угощал своего гостя и угостил его водочкой, с которой даже забрался хмель ему в голову.

Когда гости подпили, стали петь песни, и волк стал подтягивать.

Вдруг тут заревели:

— Волк, волк в избе!

А он между людей да и выскочил во двор. А пса-то уж пинками проводили на двор, что он едва ноги потащил.

Теперь что делать псу? Пошёл он странствовать один. Вышел из своей деревни, приходит в другую. Идёт по улице, видит: на завалине сидит старый кот.

— А что ты, котище, долгий хвостище, лежишь?

— Да не говори, брат,—кот ему отвечает,—когда был молодой, то хозяин меня кормил, когда я мышей ловил. А когда я стал стар, то и перестали в избу пускать.

— Тогда идём со мною, будем питаться как-нибудь. Кот недолго думая собрался за старым псом.

Вот они пошли в чистое поле. Идут, видят—ходит табун. Теперь старый пёс давай валяться. Он видел, как волк проделывал. Повалялся и спрашивает у кота:

— Ну, что, кот, стали глаза красны или нет у меня?

— Нет, даже нисколько.

Пёс стал валяться второй раз, и опять спрашивает у кота:

— Ну, как? Стали красные у меня глаза?

— Тоже нет,—говорит ему кот.

Пёс удивился. Давай валяться и в третий раз. Повалялся в третий раз и спрашивает у кота:

— Ну, как? Покраснели глаза у меня?

А кот ему говорит:

— Тоже нет.

Тогда ему пёс говорит:

— Эй ты, старый кот, не понимаешь в чём дело!

Не стал боле валяться. Бросился он на жеребца и хотел его поймать за лён. А тот обернется, да как лягнет его прямо в лоб. А пёс тут же растянулся и ножки протянул.

А кот подскакивает, смотрит на него и говорит пропащему псу:

— А вот теперь покраснели у тебя глаза.

КАК МУЖИК ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

Жил был бедный мужик. Ни хлеба, ни соли, ничего не имел. Пошёл он к царю. Может что-нибудь даст. Дали ему гуся без хлеба и без соли.

— Чтож, мужик, можешь нам гуся разделить: два сына, две дочери и нас двое. Вот,—говорит,—поровну и раздели нам.

Ну, ладно, согласился мужик. Стал делить гуся.

Отрезал голову:

— Ты, государь, как в доме голова, тебе—голова. Я мужик глуп, мне весь гуся хлуп.

Потом отрезал гуську, даёт царице.

— Как ты дома сидишь, за домом глядишь, вот Вам—гуську, а я,—говорит,—мужик глуп, мне гуся хлуп.

Отрезает две ножки, даёт сыновьям по ножке:

— Когда вырастите,—топтать отцовские дорожки и опять так же приговаривает.

А вот отрезает два крылышка, дает по крылышкам дочерям.

— Вырастите и улетите. С отцом—матерью жить ведь не будете (оно само по себе доказывает). И остался мужику целый гусь.

Царь наградил его и вином напоил, и домой отправил.

На четырёх конях капиталу привёз.

Услыхал богатый мужик, что бедняка царь наградил, решил он преподнести государю подарок.

Зарезал он пять гусей и подумал, что больше получит.

Государь принял подаров и сказал:

— Вот раздели между нами поровну.

Как ни бился богатый мужик—разделить не мог.

Позвали тогда бедного мужика.

Стал мужик так же делить и всех пятерых гусей домой унёс.

Его наградили, а богатого мужика домой прогнали.

Из местных
сказаний

О ГОРДОМ ИРКУТЕ И О МУДРОМ ЕГО ОТЦЕ МУНКО-САРИДАК

Было это когда-то в незапамятные времена, едва ли было тогда человечество. В ту пору образовались и Тункинские гольцы, а среди них старый, седовласый Мунко-Саридак и синеглазое озеро Ильчир.

В одно прекрасное время Мунко-Саридак захотел оставить по себе наследство, а синеглазая Ильчир приобрести себе сына и отправить его по долинам посмотреть всё, что есть в природе и самого себя показать.

Родили они сына—первенца и назвали его Ирху.

Сын рос гордым, под плохим надзором матери был он избалованным—ломал, вертел, ворочал всё, что попадалось ему по пути.

Когда пошёл Ирху вниз, получил от отца напутственный наказ: быть приветливым, послушным и добрым, не чинить никому препятствий и не делать вреда.

Не послушал Ирху доброго совета отца.

Однажды, в летнюю пору, залетела в долину лебедь белая и захотела искупаться в холодных водах Иркута. Но Иркут чуть не забросал её камнями. Обиделась белая лебедь на неприветливый приём Иркута и сказала:

— Могла бы я тебе во многом помочь, глуп ты ещё и молод. Недалеко ушёл ты от своего места и стал гордиться.

Спросил Иркут белую лебедь:

— Чем же можешь ты мне помочь и какой доб-

рый совет дашь? Откуда летишь, лебедь белая, и куда свой путь держишь?

Отвечает лебедь белая:

— Я лечу от синих вод старого Байкала. Была там когда-то просторная долина, росли на ней хорошие травы и паслись стада. Провалилась эта долина, из недр земли вылетел огненный столб, а на месте долины образовалось большое и светлое озеро Байкал.

— И чем славен этот седовласый Байкал, — нетерпеливо перебил Иркут, прыгая по камням.

— У Байкала есть дочка—красавица Ангара.

— Захолонуло сердце Иркута, когда услышал он о красоте Ангары. Ни слова не сказал он белокрылой лебеди, зашумел камнями и быстро побежал вниз.

Много речек, больших и малых, собрал он на пути, почему и назвался Ирху—„идите все со мной". От этого увеличились и силы Иркута, и усилил он свой ход, чтобы скорее посмотреть красавицу—дочку седого Байкала.

В Тункинской долине повстречался ему красивый и молодой богатырь, бежал он тоже от Саянских гольцов другие земли посмотреть и себя показать. Остановился Иркут и спросил незнакомца:

— Эй, кто такой ты будешь, мальчишка?

Обиделся молодой богатырь на Иркут, но ответил:

— Я не мальчишка, воды мои текут стоконёвой силой, потому и зовут меня Зун-Марин.

Посмотрел Иркут на молодого богатыря и видит: силы у него много—камни ворочает, на пути препятствия уничтожает, легче с ним пробиваться вперёд и стал рассказывать Зун-Марину о могучем отце своём Мунко-Саридак и о матери синеглазом озере Ильчир.

— Бегу я к седовласому озеру Байкал, есть у него и дочка—красавица-Ангара. Хочу я её сосватать.

Не раз слыхал Зун-Марин о красавице Ангаре, удивился гордости Иркута и сказал:

— Едва ли поглядит на тебя седовласый Байкал.

Осердился Иркут, зашумел камнями и ответил Зун-Марину:

— Я и без тебя пробьюсь к Байкалу.

Интересно было Зун-Марину, что будет с Иркутом, и влил он свои потоки к нему. И пошли они с удвоенной силой.

Много ещё речек собрал Иркут по пути и с утроенными силами подошел к крепости Байкала. А та крепость была из чистого мрамора с разноцветными камнями высотой до синего неба и не поломаешь её никогда.

Осмотрел Иркут крепость Байкала, остановился у мраморных стен её и отправил к седому Байкалу посланника—речку Ильчи, чтобы посватать красавицу—Ангару.

Но, куда тебе!

Байкал закидал его волнами, забросал камнями и песком. Едва убежал Ильчи обратно. Вернулся Ильчи к Иркуту и рассказал, как принял его седовласый отец Ангары.

Рассвирепел гордый Иркут и стал бить грудью в мраморные стены крепости, скакать и прыгать по каменьям, оглушая пространство шумом и рёвом, но только силы ему стали изменять.

Не мог пробить боешь Иркут и горько заплакал. Слезы и вздохи Иркута донеслись до его отца—Мунко-Саридак.

Отправил Мунко-Саридак посланника—черного соболя— узнать, как ведёт себя его сын. Прибежал чёрный соболь к Иркуту и напомнил ему, что забыл он наказ своего отца.

Еще пуще рассвирепел Иркут, холодной водой окатил чёрного соболя, камнями забросал его.

Перепугался соболь, еле живым убежал.

Прибегает черный соболь к Мунко-Саридак и шепчет ему на ухо:

— Гордый сын твой не доходя Байкала погибает, не знает, куда голову преклонить.

Ох, как заплакал, зарыдал Мунко-Саридак! Стал он метать громы и молнии да так, что гольцы стали камнями распадаться, речки из берегов выходить.

Посылает Мунко-Саридак второй раз чёрного соболя:

— Иди, скажи моему сыну, что погибнет он у мраморных стен Байкала, если не сломит свою гордость и не поклонится большим и малым речкам. Вольют они свои силы и будет он сильным и могучим и добьётся цели своей.

Прибегает чёрный соболь к Иркуту и передал ему слова отца. Понял Иркут свою ошибку и стал просить большие и малые речки, чтобы пришли они к нему на помощь.

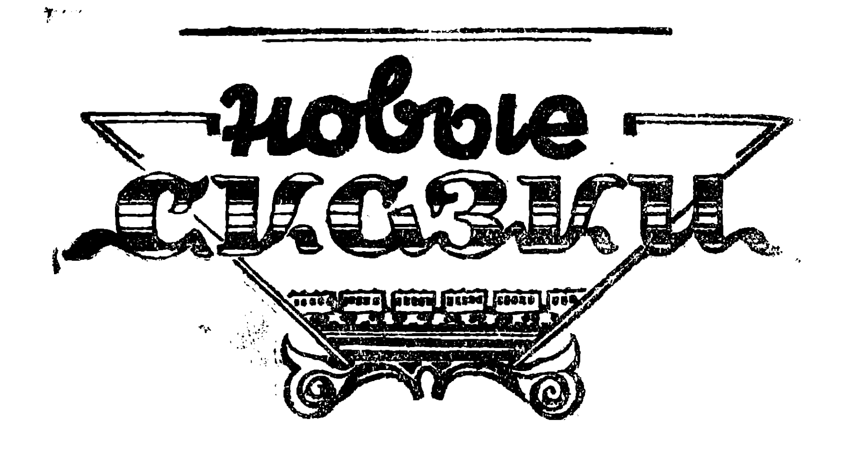
И вот стали сбегаться речки со всех сторон и присоединились к Иркуту. Удесятерились силы Иркута. Не стал он кланяться старому Байкалу, отошёл вспять, проломал скалы байкальские и дошёл до дочки—Ангары.

А когда дошел он до дочери Байкала, услышал чёрную весть: убежала красавица Ангара замуж за Енисея-богатыря.

И вот попросил Иркут большие и малые речки, чтобы помогли они ему наказать за гордость Ангару.

Дали большие и малые речки силы свои и советы Иркуту и стал он бить Ангару своими ледяными потоками.

С той поры могучий богатырь Иркут—сын вечного повелителя Мунку-Саридак и синеглазой Ильчир сечёт своими струями красавицу Ангару и помнит мудрый совет своего отца.

новые
сказки

БОГАТЫРЬ И ДВУГЛАВЫЙ ОРЁЛ.

Когда-то в незапамятные времена был богатырь, он много работал и разрабатывал землю, и от земли получал богатый урожай, и говорил, что это хорошо.

В одно время вдруг нашла черная туча с проливным дождем Богатырь глядел на эту тучу и удивлялся:

— Это откуда могла появиться такая тёмная туча с проливным дождем?..

Но дождя не оказалось, а из тучи вылетел двуглавый орёл и налетел на богатыря. Стал он богатыря крыльями бить и железным носом клевать и произошла у них борьба, борьба очень крепкая. И сваливал он этого богатыря на землю, а богатырь получал от земли больше силы, вставал он опять на ноги и опять шла борьба. Сколько они ни боролись, но двуглавый орёл ничего не мог сделать. Поднялся и улетел.

Богатырь с радостью остался и ещё стал того сильнее работать, разрабатывать новые земли и получать большие урожаи.

Прошло много лет. Вдруг опять нашла страшная тёмная туча как бы с проливным дождем. Богатырь сильно удивился, когда смотрел на эту тучу, но дождя не оказалось Опять вылетел из этой тучи двуглавый орёл и своими лукавыми сетями связал и опутал богатыря, и богатырь сделался бессильным.

И стал орёл этого богатыря бить и клевать. У него были перья с острыми иглами. Бил орёл бога-

тыря и колол этими перьями. Богатырь стонал и плакал. Он его заставлял работать на себя. Богатырь падал в изнеможении. Налетал двуглавый орёл на лежачего богатыря. Бил и клевал его и заставлял работать на себя.

Богатырь в страшном изнеможении стал просить мать-сырую землю, чтобы она уродила такого человека, который мог бы высвободить его из этих лукавых сетей.

Услышала мать-сырая земля и уродила мудрого человека.

И вот этот-то мудрый человек стал писать книгу, и он писал её много лет как бы избавить этого богатыря от больших бед. И положил в книгу алмаз о двенадцати глаз:

— Кто будет глядеть на этот алмаз о двенадцати глаз, тот будет непобедим.

И вдруг расцвели не в пору цветы разными цветами.

Двуглавый орёл удивился и стал думать:

— Что-то такое творится? Готовится для меня погибель?

И он послал своих верных слуг посмотреть и узнать.

И вот эти его верные слуги наткнулись на эту книгу и хотели её изорвать и истоптать, и сжечь её в огне. Но ведь эта книга писана не при них и не для них.

Эту книгу изорвать и сжечь было нельзя. Тут в ней был алмаз о двенадцати глаз.

И вот они эту книгу взяли, унесли и положили под большой камень, и поставили на этот камень большую гору, волшебную гору и эта гора была недоступна никому.

И стал двуглавый орёл опять налетать на богатыря и заставлял его работать на себя. Бил его крылами и клевал своими клювами богатыря в темя. Богатырь в изнеможении падал и стонал, и кричал, и

просил мать-сырую землю, чтобы она уродила того, кто мог избавить его от лукавых сетей двуглавого орла.

Богатырь слышал о волшебной книге написанной, и он знал, что книга хранится запрятанная лютым коварным двуглавым орлом.

И вот услышала мать-сырая земля. Уродила красивого юношу.

И вот этот красивый юноша узнал от старых стариков, от старых старушек, что была когда-то такая мудрая книга, по которой можно было бы освободить этого богатыря.

И стал он спрашивать старых стариков и старых старушек. И вот эти старые старички и старые старушки говорили:

— Где-то есть, хранится она под волшебным покровом.

Говорят:

— Итти нужно на север.

Идет красивый юноша на север и ищет. Там ее нет:

Идет он на запад. Спрашивает у стариков.

— Итти на запад.

Он идет на запад и там ее не находит. Ворачивается обратно. Попадаются ему старички, он заводит с ними разговор и спрашивает об этой книге. Старые старички ему показывают на юг.

Он кидается на юг. Ищет он ее на юге и там её не находит.

Идет он теперь на восток. Говорят ему люди, что нужно ее искать на востоке.

И там ее не находит.

Сел красивый юноша и задумался и стал думать и гадать, куда можно пойти, где ее можно найти, да махнул рукой. Пойду куда глаза глядят.

И вот он пошёл лесом дремучим. Везде ему встает лес преградой. Нигде он не может пройти. Оборвал он себе все ноги, оборвал он себе все руки, и все же он продолжал и все же ему хотелося найти.

Попадает ему страшное болото, а надо итти. Пошёл он этим страшным болотом: то совсем почти утонет, то поймается за камыш. Приходилось ему ползти по этому болоту прямо на брюхе, и все же он проходил и шел дальше.

Наконец, он прошёл страшное болото и подошёл к великой горе. Задумал он осмотреть эту гору. И гора ему показалась волшебной.

Стал он обходить гору, попадает ему нора. Решил он этой норой пробраться под гору. И когда он туда полез, то его охватил удушливый газ. Он едва оттуда вылез живой.

И пошёл он дальше. Шёл он близко ли, далеко, низко ли высоко и доходит он до второй норы и думает на уме:

— Если мне лезти туда, то опять охватит удушливый газ.—На шестике он опустил насекомое и там насекомое никакого не получило вреда. Вынимает он шестик и начинает сам лезти туда. А когда он туда полез, охватило его страшное пламя. Едва успел он оттуда выскочить. Подумал сам:

— Нет уж, видно, мне не найти ту книгу!...

Но все же он пошёл дальше. Находит он третью нору и думает на уме:

— Дай испробую!

Прикрепляет к шестику бумагу и спускает в нору. Если есть пламя, то охватит пламя—она загорит.

Но бумага не сгорела. Вытаскивает он оттуда шестик свой и полез сам. И вдруг оттуда вылетела вода, что он чуть не захлебался в этой норе. Выскочил он оттуда обратно и пошёл дальше. Шёл он, шёл. Прошёл он большое пространство и думал на уме:

— Нет, теперь уж не открыть мне этой тайны!..

Доходит он до четвёртой норы. Стал он думать и гадать, что получится из этой норы и чем ее испытывать, и чем ее испробовать.

Решил он:

— Что будет, то будет—дай полезу. Не буду пробовать.

Полез он туда. Эта нора оказалась узкой. Пытался он всяко: то головой, то боком. Исцарапал он себе все ноги, исцарапал он себе все руки и запорошил он себе все глаза песком. Бился он, старался и, наконец, пробрался до такого места: открылись там ему поля, и увидел он камень и понял:

— Кто свернет этот камень или сломает его, тот только может открыть эту книгу.

И стал он поднимать, камень не поднимается. Он стал его ворочать, камень не ворочается.

И вот он стал подкапывать яму под этот камень. А когда он подкопал яму и потом с одного края стал поднимать камень—камень легко и свободно свалился в эту яму. И открылася под этим камнем великая книга. Он был рад, что нашёл эту книгу, стал её перелистывать, а когда до конца её перелистал и увидел алмаз о двенадцати глаз. Стал смотреть: вдруг, обрушилась гора и не оказалось никакой норы. Вышел он оттуда свободно, как из погреба.

И пришёл он туда, где двуглавый орёл бил богатыря и окровавил его до неузнаваемости. А когда красивый юноша взглянул через алмаз на этого двуглавого орла, он сделался бессильным. Обрубил он ему крылья, оборвал ему перья, сжег на огне и пепел разбросал на все четыре стороны. И этот двуглавый орёл без головы и без ног, и без перьев, и без крыльев остался как чурбан. Выбросил его на двор и он таскался по надворе.

А сам пошёл к богатырю. Взглянул на богатыря через альмаз о двенадцати глаз и с этого богатыря все сети упали и разлетелися на мелкие части, а богатырь вышел цел и невредим.

И имел богатырь такую силу необыкновенную, куда махнет своей рукой тут двуглавого орла слуги и приспешники сваливаются от воздуха.

Махнет он правой рукой—там валятся, махнет он в левую сторону—там валятся!

И стал богатырь работать и работать и приносить хорошее на земле.

И земля расцвела разными цветами. А про этого красивого юношу прошла слава по всему земному шару.

САМОЕ ДОРОГОЕ

Русская сказка

Когда у нас пришла советская власть, стали сорганизовываться колхозы. В одном местечке, в Прибайкалье, тоже сорганизовался колхоз.

Однажды сделали колхозники собрание. На собрании участвовало народу много, весь колхоз собрался. И стали беседовать, друг друга спрашивать, что у нас самое дорогое на свете. Иные говорили так, другие говорили иначе. Трактористы говорили про свои тракторы, пахари говорили про свои плуги.

— Вот мы землю вспашем, пробороним её хорошо посеем на ней пшеничку, сожнём её и намолотим её, поделим на трудодни и будем стряпать пирожки. Это у нас и есть самое дорогое,—говорят хлеборобы. Женщины говорят:

— Нет, у нас самое дорогое коровушки. Мы их подоим, криночки поставим, сметаночки соберём и настряпаем оладков, блинков. Вот и покушаем. Так, что мы думаем самое дорогое—коровушки.

Рыбаки говорили:

— Нет, без нас вы не обойдетесь. Вот мы наладим свои снасти—невода и сети. Закинем мы свои невода и поставим мы свои сети. Наловим всякой разной рыбы, а назавтра у нас свои пироги, тогда можно справлять именины и всякие другие праздники. Вот у нас это самое дорогое.

Каждый хвалил свою профессию.

Спорили, спорили и они порешили послать людей, узнать, что есть на свете самое дорогое.

Выбрали старика Ефима, как человека бывалого, ездалого и прожившего на веку много лет. Он может узнать лучше всех, что есть самое дорогое. Из молодых выбрали рыбака Ивана, а из женщин—старушку по имени Аксинья.

И вот эти выбранные три человека призадумались. Куда итти—не знают.

Старушка Аксинья и говорит:

— Есть у меня от бабушки клубок и этот клубок, куда ему прикажешь, туда и побежит. Он нас может привести к самому дорогому.

Аксинья вернулась домой, открывает свой сундук и разыскивает в узле завернутый заветный клубок.

И берет она этот клубок и несёт на росстань, где ее дожидались дед Ефим и рыбак Иван.

Вот Аксинья и говорит:

— Вот сейчас мы и узнаем.

Вынимает она свой клубок, к клубку прикрепляет шнур. И говорит она этому клубку:

— Ну, дорогой мой клубочек, заветный, катися туда, где есть у нас самое дорогое.

Клубок покатился, а эти трое пошли за ним.

Покатился клубок к бурной речке. Через бурную речку построен хороший мост. Они и удивляются: сколько хлопот было с переправой через речку, а смотри, что сделала советская власть. Вот, пожалуй, это и есть самое дорогое.

Но клубочек прокатился и покатился дальше.

Прикатился он к большому, страшному болоту. Когда они подходили, думали, что нет тут пути—дороги. Глядь, а клубочек катится и катится: через это болото была устроена хорошая шоссейная дорога, покрытая асфальтом. Вот они все удивляются:

— Здесь ведь раньше только птицы летали, а люди и близко не подходили. А смотри-ка, какая устроена дорога!

Дед Ефим говорит:

— Да, это все устроили трудолюбивые советские

люди. Между тем клубочек все катится дальше и дальше, а они то думали, что это и есть самое дорогое.

Клубочек катился много времени, а они как-будто не уставали и все продолжали за ним.

Катился он быстро. Катился, катился и прикатился к кремлевским воротам и ударился об стену, и закатился он в кремлевские ворота. И подкатился он к громаднейшему дому.

Тут их встретили разные люди, спрашивают:

— Куда вы?

Они ответили:

— Ведёт нас клубок искать самое дорогое.

А клубок закатился в этот дом и навстречу им вышел дорогой товарищ Сталин.

Вот тут клубок и остановился.

И стали они рассказывать дорогому товарищу Сталину, что пошли мы узнать, что есть на свете самое ценное и дорогое.

Дорогой товарищ Сталин стал говорить как жить, как трудиться, как быть в дружбе со всеми народами. Дал им товарищ Сталин наставление, рассказал им золотыми словами.

И тут они поняли, что нашли, что есть самое дорогое. Тут и клубок потерялся, не стало клубка.

И вот дорогой товарищ Сталин велел своим людям показать им всю Красную Москву.

Стали водить их по Красной Москве и показали им мавзолей товарища Ленина. И увидели они, что дорогой товарищ Ленин не умер, а спит.

Повезли их по подземелью, в метро. Они тут страшно удивилися. Думали, что Москва только наверху, а там оказывается вторая Москва! Машины идут и никакого ни дыма, ни запаха. Поднимались они и спускались по волшебной лестнице и благодарили дорогого товарища Сталина. Показали им и канал Волга—Москва. Ехали они по каналу и удивлялись: какая рука так работает и какая рука переливает эти воды? А им говорили проводники:

— Это все сделано по указанию дорогого товарища Сталина.

Переродилось зрение ихнее, сердца ихние, так бы они ехали, смотрели и смотрели.

Повезли их обратно в Красный Кремль, и стали благсларить они дорогого товарища Сталина.

Дал он им напутственное слово, чтобы они крепко рассказали своим колхозникам: трактористам, пахарям, комбайнерам и заведующим фермами, что есть Москва.

Дали они обещание товарищу Сталину, что мы не только удвоим, но и учетверим свои силы на благо народа, а свои рассказы передадим нашим колхозникам, которые нас послали нарочито посмотреть, что есть самое дорогое, и мы это привезем самое лучшее и дорогое.

Попрощались они, поблагодарили дорогого товарища Сталина. Проводил он их до ворот кремлевских и поехали они на вокзал. Сели они на поезд и все время беседовали и один другому напоминал, что он видел, что заметил.

С этими пересказами они так и приехали в свой колхоз.

А когда приехали, колхозники собрались с большой радостью и сделали собрание.

На собрании выступил дедушка Ефим и стал им рассказывать:

— Я не думал, что доживу до такого времени и пришлось мне пожить, и побывать, и узнать, и есть что вам пересказать. Трудитесь, дорогие товарищи, работайте каждый по своей профессии, как учит нас дорогой товарищ Сталин.

Отступил дедушка Ефим и стала бабушка Аксинья рассказывать всем бабам:

— Вот, девушки, старушки, удостоилась я чести по вашему согласию побывать в Москве. Если бы да не послали меня, откуда бы я знала то, что видела.

И стала она давать им наказ—самое дорогое—слово дорогого товарища Сталина.

Все женщины, все старушки в один голос Аксинье в ответ:

— Мы будем теперь работать с утроенной силой.

И благодарили за золотые слова дорогого товарища Сталина.

Начал рассказывать и рыбак Иван.

— Много, премного я вас благодарю, что удостоился через вас пойти поискать самое ценное, самое дорогое. И я дошёл и увидел и был у дорогого товарища Сталина. Посмотрел я достижения нашей Советской власти.

И вот дал нам товарищ Сталин напутственное слово: как жить, как трудиться и как в дружбе со всеми народами жить.

С большим вниманием выслушали колхозники своих ходоков, и все пошли дружно работать. И стал их колхоз первым, передовым колхозом.

ЧУДЕСНЫЕ НЕБЕСНЫЕ ПТИЦЫ

Русская сказка

В одном местечке Сибири, в глухой тайге, жил охотник Степан.

И этот охотник Степан охотился ровно тридцать лет и стал он уже стариком. Руки и ноги перестали ему служить, и зрение стало ему изменять.

У них был сынок, по имени Иван. Однажды он говорит своему сынку:

— Ну, Ваня, силы мои перестают служить. Приходится оставлять охоту. Теперь уж берись ты за охоту.

Вот назавтра утром рано встают они. Отец приготовляет котомочки и котелочек. Взял он сына и повёл в лес.

Долго они бродили по лесу, ходили везде, во все разные стороны, а отец все ему показывал, где и как нужно замечать—где пенёк, где какая лесина, куда она накренилась.

— Это все тебе,—говорит,—пригодится.

Подходят они к бурной речке. Отец показывает своему сыну, что вот в этом месте можно только переходить эту речку. Показывает ему кустик и пенек:

— Запомни эти приметы и ты будешь переходить эту речку.

А Ваня все берет это на память.

Отец ему и говорит:

— Что нужно убивай, а что не нужно— оставляй.

Будь сознательным, таких же как и я, бедных, не обижай, старших почитай, где кому трудно—нужно помочь, где кто в какой беде, того нужно выручать.

Повернулись они обратно и пошли домой. Приходят они домой, переночевали.

Назавтра сынок его Ваня встал, приумылся, причасался и в путь дороженьку собрался. Взял он отцовскую кремнёвку и топорик, приготовил котомочку дорожную и согнул березовый вязик. Сделал он помяшку. Подходит к отцу и матери. Отец с матерью проводили его в тайгу и вернулись обратно в свою халупку. Отец и говорит своей старухе:

— Вот, старуха, вырастили мы с тобой поильца и кормильца. Теперь уж я не намерен ходить на охоту.

Идет Ваня как настоящий охотник, не считаясь ни с какими препятствиями, ни с какими преградами.

Идёт он и думает:

Всетаки я сегодня остаюсь без охоты, придётся вернуться домой ни с чем.

Вдруг он увидел зайца. Заяц сидел в петле и жалобно смотрел на Ивана. И хотел он пристрелить зайца. Вдруг заяц заговорил человеческим языком:

— Эх, Иван, не губи меня. Я, может быть, когданибудь тебе гожуся.

Ивану это показалось забавным и думает себе на уме:

— Чем же это может мне пригодиться такой ничтожный зверек?

И вдруг вспомнил отцовские слова, что нужно в беде каждого выручать и каждому помогать.

Вот он и думает:

— Что я из зайца сделаю, хотя он мне и не поможет, все же я его вызволю из петли.

Вытаскивает свой нож, перерезает петлю и отпускает на волю зайца. Заяц прыгнул и убежал.

Иван пошёл дальше. Ходил он, ходил. На дворе

уже темнело, нужно было ему вернуться обратно домой.

Подходит он к бурной речке и увидел на той стороне страшное лохматое чудовище.

Чудовище хотело наброситься на него.

Ваня сдёрнул с плеч кремнёвку и стрелил, а раненое чудовище бросилось на него.

Он дернул с головы фуражку и бросил ему в лицо. Чудовище начало рвать фуражку, а он в это время выстрелил в него второй раз.

А чудовище еще с большей страшной силой хотело наброситься на Ивана. Иван сдернул с себя тужурку, бросил в чудовище и привел его в замешательство. Стало чудовище рвать его тужурку, а Иван в это время зарядил свою кремневку и опять выстрелил.

Чудовище, разъяренное, со страшной злобой, с рёвом хотело его задавить, но он зарядил кремнёвку и стрелил опять.

Чудовище со страшной болью, щелкая зубами, хотело наброситься на Ивана. Он сдернул с ноги унт и бросил в чудовище. Разъяренное чудовище опять начало рвать унт его, а Иван зарядил в это время кремнёвку и опять стрелил в лохматое чудовище.

Опять чудовище хотело наброситься на Ивана, он сдёрнул второй унт с ноги и опять бросил в чудовище и привёл его в замешательство.

Все, что было у Ивана, всё сбросал он в чудовище.

За всё это время он сумел стрелить в него двенадцать раз. А когда нечего было бросать, чудовище набросилось на Ивана и давай его давить и душить. Иван потерял сознание.

Оставило чудовище Ивана на месте, ушло в сторону и со страшными судоргами упало на землю и испустило свой дух.

На дворе уже было поздно, дома отец с матерью

ждут и никак не могут дождаться своего сына. А Иван лежал и лежал без памяти.

Всю ночь старики просидели, продремали и проплакали. Родная мать все думала об Иване и говорила своему старику:

— Я тебе, отец, говорила, что сын еще молод и неопытен. Зачем было его посылать, нужно было походить с сыном несколько деньков, чтобы он привык ко всему. А теперь, что нам делать? Если только он за эту ночь не придёт, нужно наутро что-то делать.

Едва только они дождались утра, старик вышел на двор, прибрал свою скотину, приходит он в халупку и говорит:

— Ну, старуха, сподобляй меня, пойду искать своего сына.

Старуха и говорит:

— Где же ты его найдёшь, ведь такая страшная тайга,—мимо пройдёшь и не увидишь!

— Куда ты пойдёшь, старик, ты и дома-то запинаешься, да падаешь. А если уйдешь и упадешь, кто же тебя будет искать. Останусь я одна горемычная. И кто же меня тогда будет кормить и поить, кто же меня будет одевать и согревать.

— Ничего, старуха, не поделаешь,—говорит старик.—Надо итти искать.

Вот старуха собрала кое-как ему котомочку, котелочек. Старик достал старую, заржавленную кремнёвку, наладил её, вышел из своей халупки и старуха за ним. Проводила старуха его своим померкшим взглядом и думает себе на уме:

— Вот уж где я осталась горькая сирота!

Старик ушёл от неё из виду. А старуха зашла в халупку, залезла на печь и давай там с горя плакать.

Старик весь день проходил. Хотел он уже ворачиваться домой. И вдруг ниоткуда возьмись заяц подбегает к старику и говорит человеческим языком:

— Что ты, дедушка, закручинился, запечалился?

Страшно удивился старик, что заяц говорит человеческим языком и думает себе:

— Что бы это значило. Правду я вижу или это сон для меня? Старик и говорит зайцу.

— Как мне не плакать, как мне не кручиниться и как мне не печалиться, когда единственный мой сын, на которого можно было надеяться, не вернулся домой. Не то он заблудился, не то с ним что-то случилось.

А заяц ему и говорит:

— Не печалься, дедушка. Я знаю, где твой сын. Пойдем со мной я тебе покажу.

Старик встает с колодинки и зашагал за зайцем. Заяц подводит старика к сыну и показывает на него.

Старик как увидел сына, так в беспамятстве и упал на него.

Когда старик опомнился, то заяц сидел подле него.

Старик стал расспрашивать о случившемся горе. Заяц и говорит ему:

— Сын твой сделал для меня добро, а за добро нужно отплачивать добром. Сын твой повстречался со страшным и лохматым чудовищем. Эти чудовища шатаются по тайге, бежали от Советской власти, зная хорошо, что не сдобровать. И вот попался твой сын этому чудовищу и хотело оно его задавить. Тут у них и произошла борьба. И вот чуть живого оставил твоего сына, а сам, поганое чудовище, подох.

Старик со страшной болью присел у Ивана на земле и стал думать:

— Как тут быть? Нести его—не донести, а тащить его по лесу тоже не дотащить.

И слышит старик: не стук стучит, не гром гремит. Он стал глядеть на небо и видит: в воздухе летят три небесные птицы.

И он стал думать:

Не упрошу ли я этих птиц? Встал он на колени и стал он реветь и взывать.

Услышали небесные птицы голос старика, и присели они на землю.

Из этих-то птиц вышло трое прекрасных юношей в кожаном одеянии и стали расспрашивать дедушку Степана, для чего он их ревел к себе и чем они ему нужны?

Стал он рассказывать всё подробно, что сын боролся с чудовищем, стрелил в него несколько раз, но все-таки чудовище его задавило и вот теперь надо привезти сына в свою халупку. Не помогут ли, дорогие юноши, привезти сына...

Три прекрасных юноши стали между собой говорить и толковать:

— Ведь нас послал дорогой товарищ Сталин, пролетая весь земной шар, все посмотреть. Всё худое велено нам уничтожить, а что доброе—восстановить, что бессильное помочь.

И вот решили помочь дедушке Степану.

Красивый юноша положил Ивана на небесную птицу и посадил дедушку Степана. Поднялись они кверху и полетели к дедушке Степану. А два прекрасных юноши полетели на север.

Прекрасный юноша привёз дедушку Степана с сыном, где стояла его халупа.

А в это время старуха ходила на дворе. Услыхала стук и треск в воздухе. Испугалась она, стала на колени. Думала, что это светопредставление. Никакого светопредставления тут не получилось, а только небесная птица спустилась к ним, чуть ли не в ограду.

Совсем остолбенела старуха.

Вдруг выходит прекрасный юноша в кожаном одеянии, вынимает из небесной птицы сына Ивана и понёс его в халупу, а возле шёл дедушка Степан. Старуха глазам своим не верила.

Дедушка Степан и старуха стали благодарить

прекрасного юношу и просить, не поможет ли он чем, не вылечит ли его, не восстановит ли его в порядок.

Прекрасный юноша сказал дедушке Степану и старухе, что полетит он в Москву и сообщит дорогому товарищу Сталину.

Сел он на небесную птицу и улетел. А старик со старухой проводили его старческим своим взглядом и вернулись в халупку.

Сели оба на скамью и стали думать и гадать, что теперь с сыном делать.

Старик говорит:

— Надо итти за знахаркой.

А старуха говорит:

— Нет, надо сходить за ворожеей.

Сколько ни спорили, а старуха все-таки переспорила и пошла за ворожеей.

Приводит старушку-ворожею. Ворожея раскидала карты и стала расспрашивать, что и как.

Старик ей стал рассказывать о случившемся горе, как привёз их дорогой юноша и как он полетел с докладом к дорогому товарищу Сталину.

Старушка испугалась, бросила ворожить, собрала карты и удрала из ихней халупки.

Вот старик и говорит своей старухе:

— Я ведь говорил, пользы не будет от ворожеи, надо итти за знахаркой.

И вот старик бежит за знахаркой. Приводит он знахарку. Стала она расспрашивать о случившемся горе. Потом положила в чугуночку какие-то травы и стала их кипятить.

Старик со старухой стали рассказывать. Прослушала знахарка всё их речи, бросила кипятить травы и убежала. А старик со старухой остались ни с чем. Просидели они всю ночь, проплакали, но слезы не привели их ни к чему.

Наутро старик вышел на улицу выгонять свою скотину в поле. И вот он услышал: не стук стучит,

не гром гремит, а по поднебесью птица летит.

Старуха вышла на улицу, стала кланяться и удивляться, что бы это значило.

Вдруг небесная птица опускается к ним чуть ли не в ограду.

Выходит из этой небесной птицы юноша в белом одеянии, а за ним выходит в кожаном одеянии. Идёт встречать их дедушка Степан.

Юноша в белом одеянии спрашивает дедушку Степана, где его сын. Старик повёл его в халупку и показал своего сына.

Юноша в белом одеянии вытаскивает из своей сумочки какой-то пузырёк и пропускает Ивану в рот. Спустя немного времени Иван вздохнул.

Он подаёт ему второй раз. Полежал немного Иван и заговорил. Пустил он ему в третий раз. Иван встал на ноги, как ни в чем не бывало, и стал расспрашивать отца и мать, что бы это значило.

Старик со старухой стали рассказывать двум дорогим юношам, что и как получилось.

Старик стал благодарить, стали со старухой на колени, что они помогли им в старости лет восстановить здоровье сына.

А дорогой юноша в белом одеянии и говорит:

— Дедушка, не благодари ты меня, а ты благодари дорогого товарища Сталина, который учит нас, заботиться о человеке по-сталински.

Старик говорит:

— Рад бы я душой. А мне итти, не дойти будет до Москвы, поехать — не доехать.

— Ничего, дедушка Степан, — говорят дорогие юноши, — мы тебя довезем.

Отвечает им дедушка Степан:

— Благодарить-то нужно не языком, а какаким-нибудь делом. Вы переночуйте, а я схожу на охоту, может быть, я добуду на охоте подарочек дорогому товарищу Сталину.

Утром рано встал чуть свет, ушел на охоту. Эти юноши ещё спали. Вернулся он обратно и добыл дорогого черного соболя и говорит юношам:

— Этим, я думаю, и смогу отблагодарить дорогого товарища Сталина.

Посадили они старика на чудесную небесную птицу, сели сами, поднялись вверх и полетели. А старуха осталась одна. Она вернулась в халупку и давай своего сына целовать и миловать и не могла нарадоваться, что ее сын поилец и кормилец остался жив.

А дедушка Степан улетел в Красную Москву. Прилетел он в Красную Москву. Доложил товарищу Сталину.

Дорогой товарищ Сталин увидел дедушку Степана, пошёл ему навстречу, а дедушка Степан встал на колени, положил черного соболя себе на голову, чтобы принял товарищ Сталин у него соболя с головы.

А дорогой товарищ Сталин сказал:

— Теперь мы не встаем на колени, мы никому так не приказываем, у нас все на ногах говорят.

Берет дедушку Степана в объятия, поднимает его на ноги и целует дедушку Степана. И берет дорогого соболя, благодарит дедушку Степана за его подарок и говорит ему.

— Тебе покажут всю нашу прекрасную Москву, посмотри, полюбуйся, что у нас творится—другим расскажешь.

Дорогой товарищ Сталин дал ему проводника, чтобы он показал ему все достопримечательности столицы. И вот проводник повел дедушку Степана.

Посадил его на троллейбус и привезли его на Красную Площадь.

И привёз его в мавзолей, к дорогому товарищу Ленину. Посмотрел дедушка Степан на дорогого товарища Ленина и сказал:

— Теперь я видел его, как живым!

Приводит проводник его в музей Ленина. Ходят

они у витрин, смотрят под стекло, везде лежат книги под заглавием дорогого товарища Ленина. Проводник показывает дедушке Степану труды дорогого товарища Ленина и объясняет.

Потом подвёл его, где висело пальто дорогого товарища Ленина, и показал где оно было прострелено вражьей пулей.

Показывает ему проводник тут и револьвер, которым был прострелен дорогой товарищ Ленин. Пошли они дальше. Все осмотрели. Вышли из музея, сели в трамвай и поехали в планетарий.

И вот приехали они в планетарий. Зашли, значит, в планетарий, сперва посмотрели программу. Дедушке Степану не верилось, что он среди белого дня увидит ночное небо. И он всё думал:

— Да откуда может получится ночь среди белого дня?

Проводник не стал его уверять и повёл его далее.

А когда зашли они в планетарий, — стали наблюдать звездное небо.

Вдруг среди бела дня сделалась страшная темнота, ни зги не видать. Появились звезды, сперва тусклые, а потом яснее стали. Как охотник многие звезды узнал дедушка Степан и стал рассказывать о них проводнику.

Повёз проводник дедушку Степана в Третьяковскую галлерею.

Провели они там денёк, поглядели на великие художественные работы, и всё дедушка Степан думал, что всё это не руки делали, а просто сама природа делала. Нагляделся он тут и надивился!

Поехали они в Исторический музей.

Когда приехали они туда, там с дедушкой Степаном пошли другие, новые проводники и стали объяснять дедушке Степану, как началась Москва. Какой она была и какой стала теперь. Не раз нападали враги на Москву. И всякий раз узнавали, как сильна Москва, что есть Москва, что представляет

собой русский народ. Этого народа никто никогда победить не может. Москва будет вечные веки, не будет ей конца!

Сели они на трамвай и поехали. Приехали они в Музей народов.

Проводник его повёл по музею, стал ему рассказывать где какие народы, как они живут и чем они существуют.

И дедушке Степану показалось, как всё живое и он всё удивлялся. „Вот ведь, жалко, я неграмотный, я бы всё это записал. Запомню ли я всё это рассказать чтобы дома своей старухе и сыну Ивану?"

Привёз его проводник к дому, который почти в небеса упирается. Зашли они туда, садятся на лифту и поднялися чуть ли не на небеса.

И вот они ходят и смотрят. Дедушке Степану открылся кругозор во все четыре стороны, конца края не видать. А когда он дошёл к перилу, то перед ним открылась вся Красная Москва, не так как он ее видел на поле, а тут он её смотрит, как в картине. Дедушка Степан смотрит и никак не насмотрится.

Спустились они вниз и садятся они в трамвай и поехали они в зоопарк.

Приехали в зоопарк, и пошёл дедушка Степан смотреть и наслаждаться, как охотник он от роду не видал таких зверей, таких птиц. Ему не верилось, что он видит их. Наяву или сон, думает дедушка Степан.

И дедушка Степан говорит проводнику:

Эх бы мне молодые годы, да посмотрел бы этих зверей, и я бы пустился за каждым зверем охотиться.

Его заинтересовало, как могло быть, что они сюда попали, где они их взяли. И он стал спрашивать проводника.

Приехали они обратно в Кремль, стал он благодарить товарища Сталина.

Дал ему товарищ Сталин наказ, чтобы он честно

трудился и своему сыну дал указания хорошее делать, где плохое—уничтожать.

Прощался дедушка Степан с дорогим товарищем Сталиным и повёз его прекрасный юноша на небесной птице домой... И стали встречать его бабушка и сын его Ваня. Бабушка встречает со слезами, а Ваня встречает с большой радостью, что отец его приехал.

Дедушка Степан стал рассказывать своей бабушке, своему сыну и говорил:

— Говорить не договорить, рассказывать не дорассказывать. И стал он давать своему сыну те наказы, которые велел ему дать товарищ Сталин.

И вот дедушка Степан рассказывал Ване и бабушке чуть ли не две недели, говорит и опять повторяет всё, что видел и что слышал в родной Москве и от родного товарища Сталина.

Стали они жить да поживать, а Ваня сделался хорошим охотником и трудился так, как учил дедушку Степана Сталин.

КРЫЛАТЫЕ ПОДРУГИ

Жили-были три крылатые подруги.

Родились они в разных местах. Подросла Полина и стала ходить в школу. В школе она наблюдала за растениями, за животными. Её интересовало все разнообразие природы.

Подросла Марина и тоже стала ходить в школу. Она наблюдала за природой, а больше всего за полётом птиц. Смотрела, как летают птицы и думала:

— Ах, как хорошо летать по воздуху! Зачем люди не летают?

Третья подруга родилась в другой стороне. Так же училась, ходила в школу. Она любила зелёные травы и синее небо. Часто она смотрела на далёкое небо и говорила:

— Эх, если можно было бы подняться и узнать, что творится там!

Куда бы она ни ходила, где бы она ни была, а мечты о небесном своде не выходили у ней из памяти.

И вот судьба соеденила их всех троих вместе. И стали они мечтать, чтобы быть неразлучными подругами.

Узнали они, что есть люди учатся летать по воздуху, и почему бы нам не учиться?

И вот они поступают в школу лётчиков. Быстро перенимают каждая свое дело и за короткий срок изучили школу пилотов.

Стали они просить крылатого богатыря, чтобы он разрешил им полетать и посмотреть, что есть доброе на свете.

Однажды была дана им машина. Каждая знала свое дело: одна распоряжалась полётом, другая наблюдала, а третья следила за машиной.

В одно прекрасвое время они поднялись с земли на воздух и полетели. Управляли этой машиной они хорошо. Пролетели они большое расстояние и приземлились. Каждая срывала травку, каждая срывала цветочек, каждая собирала камушки, всё их интересовало, каждая набрала для себя коллекцию. Собирались они к своей машине, сели и сказали:

— Ну, подымайся наша машина, лети быстрее ветра!

Прилетела их машина на место назначения. Они были довольны!

Стали летать во все стороны.

Однажды собрались все трое и стали думать и гадать:

— Сумеем ли мы проехать прямым путем во Владивосток?

Вот пошли они просить крылатого богатыря разрешить им дальний полёт.

Крылатый богатырь согласился и дал им разрешение лететь выше всех, дальше всех и быстрее всех.

Вот приходят прекрасные подруги к своей машине, садятся, каждая берётся за свое дело. И полетели на этой машине. Послушная небесная птица вместе с подругами стала выполнять задание могучего крылатого богатыря. Поднимаются они все выше и выше и полет свой усиливают все быстрее и быстрее: пыльче вихря урагана, пыльче каленой стрелы.

Пролетели они горы и реки. Пролетели они большие степи. И все они наблюдали. Их заинтересовала каждая сторона, каждая местность. Пролетели они уже порядочное расстояние, потом пали на них мрак и темнота. Стали они крепко бороться с этим мраком и с этой темнотою. Но вдруг темная

сила помутила белый свет и небесная птица с тремя подругами не могли найти дорогу.

Они стали подумывать, что им делать? Для машины трое уже стали чувствоваться тягостью. Стали они бросать жребий, кому спуститься вниз, остаться и наблюдать, что здесь есть и какая местность.

Вот решила Марина спуститься. Спустилась она на парашюте и села на мохнатую лесину.

Вдруг перед ней открывается широкое поле — раздолье со страшными болотами, где человек не прохаживал, где богатырь не проезживал и птица не пролетывала. Решила она искать дорогу к подругам.

И вот куда ни пойдет она, везде ей на пути препятствия: то лес преграждает дорогу, то непроходимые болота. Стала она просить природу на помощь.

И вот ниоткуда взялся косолапый мишка, подал ей лапу и велел захватиться крепче.

Захватилась она за лапу, мишка приподнял и вынес на сухое место.

Промокла она вся и стала обсушиваться, снимать с себя одежду и развешивать на деревья.

Ниоткуда взялся заяц. Начал он таскать ветошь и ветки. Натаскал заяц ветоши и веток и сказал ей человеческим языком:

— Вот, дорогая, натаскал я тебе веток и сухой ветоши, чтобы теплее и мягче было спать.

Собралась она спать. Вдруг прилетает ласточка, приносит что-то во рту и подаёт ей. Она взяла какой-то плод и раскусила, показался он ей приятным. По всему телу прошла теплота. Согрелась она и легла спать. Спала она крепко, что и не помнила, как ночь прошла.

Идёт она дальше. Голод ее одолевает, она всё идет и идет. Подходит она к бурвой речке, а прохода нет. Охватила ее большая печаль.

Опять появился косолапый Мишка, тащит он колодину и перебрасывает через речку, и говорит человеческим языком:

— Вот, дорогая, можешь переходить!

Перешла она бурную речку пошла дальше.

Идёт она, идёт, а сама не знает куда идёт.

Вдруг прилетают три ласточки, летают вокруг неё, кружатся, а направление делают в одну сторону. Прекрасная подруга посмотрела на ласточек и поняла, что они показывают ей дорогу. Пошла она за ласточками и в скором времени вышла к своим дорогим подругам.

Увидели они свою дорогую подругу, что она жива и невредима и радости не было конца! Стали они её обнимать и целовать,

Собрались они все вместе и отправились в путь-дороженьку. А три ласточки стали летать и показывать им путь-дорогу. Вот пошли они этим путём.

Шли они долгое время. На пути их охватывал мрак и туман, ставали разные препятствия. На помощь приходили три ласточки, показывали им путь. Прилетают к ним три ласточки и приносят им записку и бросают на землю. Читают они записку и узнают, что ласточки сообщили о их горе крылатому богатырю. Крепко беспокоился крылатый богатырь и послал за ними воздушных птиц. И вот в скором времени прилетают эти воздушные птицы, садятся на землю и садят трех подруг. Поехали дорогие подруги в Москву, везде их встречали и провожали. У всех радости не было конца!

Приехали они в Москву, доложили крылатому богатырю. Встретил их крылатый богатырь, приветливо благодарил дорогих подруг, что исполнили свой долг верою и правдою.

РЫБАК ВАСИЛИЙ И ЕГО СЕМЬЯ.

Сказ

В одном местечке на Украине жил старик-рыбак. Был у него сын Василий, тоже хороший любитель рыбной ловли.

Когда прошла организация колхозов, то Василий вступил со своей семьей в колхоз. В колхозе знали Василия как хорошего рыбака и поставили его тоже на рыбалку. Василий изо дня в день ходил рыбачить, а старик дома сети починял.

У Василия была семья: старший сын Ваня десяти лет, дочка 7 лет, а младшему сынишке было 5 лет.

Старик с ними возился и няньчился, рассказывал им сказки.

Однажды Ваня говорит:

— Дедушка, а дедушка, я тоже буду ходить рыбачить!

А дедушка отвечает:

— Нет, Ваня, ты ещё мал, твое время не уйдет! Надоест тебе эта рыбалка.

А внук настаивает на своём:

— Нет, дедушка, я буду ходить на охоту!

Однажды утром приходит Василий с рыбалки, старик говорит ему:

— Не даёт мне покою внук. На своем настаивает, хочет он ходить на рыбалку. Я его пристал уговаривать. Говорю, что вырастешь находишься, а он на своём стоит.

А сын Василий говорит:

— Нет, отец, пусть он себе ходит на рыбалку, пусть привыкает. Навык-то, ведь, надо с детства, а не тогда, когда уж вырастет. Пусть учится, привыкает и выйдет из него настоящий рыбак.

Не стал перечить старик внуку, и Ваня стал ходить с отцом на рыбалку.

Приходят они с рыбалки, встречает их жена Василия печальная, с заплаканными глазами. Муж спрашивает её:

— Что, жена, у тебя глаза заплаканы?

А она ему говорит:

— Как же я не буду плакать! Слыхала я в колхозе страшную весть, что на нас пошли лютые фашисты. Грабят они и разбойничают. Мужчин уводят в плен, над женщинами и девушками издеваются. Вот я не могу себя сдержать, вот и плачу.

Как услыхал Василий её слова, не стал он есть, бросил он ложку на стол, посидел, подумал и сказал:

— Запишусь я в отряд!

Сколько ни уговаривала, сколько ни упрашивала его жена, Василий всё-таки ушёл в отряд.

Проводила жена своего мужа и думает:

— А что же он не дал нам совета, что же мы будем делать, как будем жить?

Пошла жена Василия в колхоз, рассказала в правлении, что Василий ушёл в отряд добровольцем. Стала она просить какую-нибудь работу, чтобы работать на благо народа.

— А в колхозе ей и говорят:

У тебя сынишка подрос, можешь ты со своим сынишком рыбачить. Рыболовные снасти у вас есть.

Так и порешили.

И вот стала теперь жена Василия ходить с сыном рыбачить утром и вечером.

Пошли они однажды вечером на рыбалку. Подходят к реке. Только хотели закидывать они сети, как увидели отряд озверелых фашистов.

— Что делать? Как быть?

— Заберут нас и уведут в плен!

Мать и говорит сыну:

— Спрячься-ка ты в кусты да понаблюдай за этими зверями, а я побегу что есть мочи до колхоза и постараюсь сообщить об этом в отряд.

Мать убежала Ваня притаился в кустах и стал наблюдать за фашистами.

На дворе накрапывал мелкий дождик, темнело. Фашисты побоялись итти дальше и стали разбивать палатки, одни стали готовить ужин, другие повалились от усталости на землю и захрапели.

Ванюша в темноте стал к ним подкрадываться. Подполз он близко и слышит, что фашисты все до одного спят.

Подумал про себя Ваня:

— Не сумею ли я принести пользу для блага народа? Давай подползать он ближе к лютым фашистам. В темноте нашарил он пулемёт, осторожно оттащил его в сторону, припрятал в кустах и опять пополз к врагам. Нашарил несколько винтовок, спустил их под бережок, пополз в третий раз. Слышит кто-то зашевелился и зашумел. Ваня подался от лютых фашистов в сторону и убежал.

Мать тем временем добежала до дому, расспросила дорогу и стала разыскивать красный отряд. Она изорвала все свои ноги, она изорвала всю свою юбку, но боли не понимала. Бежала она, бежала по лесу темному, по чащам непроходимым и, наконец, натакалась она на красный отряд. Разыскала она командира красного отряда и рассказала все, что видела.

Собрал командир своих партизан и повёл их таёжными тропами на лютых фашистов.

Шёл отряд долго ли, коротко ли, а навстречу им Ваня.

Мать обрадовалась и стала расспрашивать про лютых фашистов.

Ваня рассказал, что он сделал, как он припря-

тал пулемёт и винтовки, и что лютые фашисты спят мертвецким сном.

Ваня хорошо запомнил дорогу и завёл партизан с выгодной стороны.

Проснулись злодеи и стали люто защищаться. Но отступать было некуда. Схватка была короткой: многих побили, многих поранили, а некоторых взяли живьём.

Наступил рассвет. Видит рыбачка—перед ней Василий стоит, красный партизан. Радостям не было конца! Вся семья рыбака поднялась на защиту родной земли. Все подходили и поздравляли Василия, жену его и Ваню.

Партизаны устроили митинг. Выступил на митинге и рыбак Василий:

— Сумели мы победить отряд лютых фашистов, победим мы и всех врагов, как нам приказал дорогой товарищ Сталин. Будем служить верой и правдой советской земле, уничтожим фашистов навсегда!

И стали партизаны бить и истреблять кровавых фашистов, стали очищать родную советскую землю от лютого врага. Вместе с отрядом сражался и рыбак Василий. Везде ему была удача и остался он цел и невредим.

Окончилась война, очистили родную Советскую землю от кровавых фашистов, стали восстанавливать города и сёла.

Прошла про рыбака Василия и его семью славушка добрая по всему земному шару.

ГИТЛИРИЩЕ ПОГАНОЕ И ЕГО ХВОСТ

Пришло до нашего села
гитлирище поганое.
Носом крутит,
Хвостом вертит,
Злую кровяную слюну
плюёт
И во всю глотку орёт:
— Объявляю сход,
Собирай народ
В полном количестве
По указанию его величества!
А я-дед
девяносто лет
ему говорю:
— Для вашего поганого величества
Нет у нас никакого количества.
У нас
всё село
В партизаны ушло!!..
Ох, как он на меня заревёт
И ногами затопает:
— За такую абструкцию
Давай мне сейчас полную
контрибуцию:
Сорок амбаров хлеба пшеничного,
и
Сорок вагонов сала отличного,
Сорок быков рогатых,

и

Двести баранов мохнатых,
Сорок туш говяжьего мяса

и

Тридцать бочёнков медового кваса.
Я ведь сейчас с устатку,
Все это слопаю без остатку,
Силами подкреплюсь,
Хвостом отпихнусь

И

двинусь на Русь!
А я-дед
девяносто лет
ему говорю:
— Нет, для вашего поганого величества
У нас есть другое количество:
Сорок кадушек...
дохлых лягушек,
Сорок стаканов...
сухих тараканов,
Сотни горшков...
собачьих кишков,
Кошку драную
да мышь поганую,
Да от дерма колобок,
Да ещё собственный ваш
пупок
Вам на закусочку!!..
Ох, как он на меня заревёт!
Глаза кровью налились,
Руки его за шею обвились.
— Ты, старичище,
Я тебя сейчас чмокну хвостищем!
А я оглянулся:
Хвоста то
и нет!

Его
партизаны
отсéкли!!!
И вот я
с того время
Остался
жив и здоров—
Девяносто лет
мне отрóду,
И буду эту сказку
говорить
Всему
советскому
народу!!!..

КАК ОХОТНИК ФЁДОР ЯПОНЦЕВ ПРОГНАЛ

Русская сказка

На Дальнем Востоке, близ Маньчжурской границы, жила семья охотника: отец и три сына. Старшие два сына ходили на охоту, а младшего Федю оставляли дома.

Однажды братья приходят с охоты, садятся все вместе за стол и начинают беседу. Младший сын, Федя, говорит братьям:

— Я тоже пойду завтра на охоту.

А отец ему говорит:

—Нет, ты ещё молодой, вырастешь—находишься.

Назавтра братья встают, одеваются и уходят на охоту, а Федя пристаёт к отцу:

— Я тоже, тятя, пойду.

Отец сколько его ни уговаривал, сколько что ни говорил, а Федя всё на своем настаивает.

Берет Федя отцовскую старую кремнёвку, сладил котомочку и пошёл.

Приходит Федя в лес дремучий, подходит к бурной речке, находит на брод и переходит. Попадает ему белка, хотел он её стрелять, а белка и говорит ему:

—Не стреляй меня, Федя, я ведь ещё голая, а вот когда придёт осень, обрасту я шерстью и пухом, тогда можно и охотиться.

Федя пошёл дальше. Попадает ему медведь. Он хотел и его застрелить. Медведь ему и говорит:

— Эх, Федя, не стреляй меня.

Федя удивился:

— Почему не буду я стрелять тебя, Миша?

— А вот почему. Сейчас у меня шкура никудышная, шерсть облазит. Когда буду осенью ложиться в берлогу, тогда и время охотиться.

Так Феде попадали всякие разные звери и птицы и со всеми приходилось ему переговариваться. Что нужно—убивал, а что не нужно—оставлял.

Пришёл Фёдор домой. Пришли и братья и видят: принёс Фёдор много промысла. Братья удивляются:

— Что такое, что такое? Федя такой молодой, ушёл вперво, и набил он столько охоты.

Начинают они ему говорить:

— Как же ты это, Федя, так много настрелял. Или ты фартовый, или ты просто мастер?

Федя им тогда говорит:

— Тут, братья, нужно старание и терпение.

Братья говорят:

— Тоже и мы стараемся, и мы тоже ходим. Почему-то мы столько не принесли.

Тогда Федя и говорит:

— Идёмте завтра со мной.

Назавтра рано утром встаёт Федя, одевается и братья поднялись. Все оделись, чайку попили и вышли на охоту. Вот идут они. Шли они, шли, зашли в глухую тайгу. Подходят к бурной речке. Федя начинает переходить через речку. А братья боятся. Всё же он их завёл за собой.

Когда братья перешли за Федей, стали удивляться:

— Как же это ты, Федя, всё знаешь? Нам бы никогда не рискнуть переходить через эту речку.

Он им показывает на пенёк:

— Вот,—говорит,—запомните этот пенёк и вы тоже будете переходить тут.

Пошёл Федя дальше. Братья за ним. Он пошёл через скалы. Проход был трудный. Останавливают его братья и говорят:

— Стой, Федя, не ходи. Тут нам не перейти будет.

А он уверяет, что можно. Братья и спрашивают:

— Какой же ты ловкий, Федя, или ты просто рисковый?

Он им показывает на камушках везде заметки:

— Вот смотрите эти заметки, и вы будете переваливаться через эти скалы.

Перевалили они через скалы, зашли в дремучий лес. Братья и говорят Феде:

— Стой, куда идёшь, Федя? Достаточно, не ходи, то сегодня нам не вернуться домой.

А Федя и говорит:

— Вот и хорошо. Возьмём да и заночуем. Да только огоньки-то не будем раскладывать.

— Почему?—спрашивают братья.

— Нельзя здесь огоньки класть, потому что иногда здесь и двуногий зверь проскальзывает.

Братья удивляются. Стал Федя ломать ветки пихтовы и кедровы, стал готовить себе постельку.

Только вдруг Федя услышал шорох и чьи-то шаги. Остановился и говорит братьям:

— Постойте вы здесь, а я пойду, поразведаю.

Братья остались постели налаживать. А Федя пошёл навстречу. И заметил он врагов: переступили советскую землю.

Он сейчас же вернулся обратно и дал знак братьям шопотом:

— Пойдёмте, братья, японец зашёл на нашу землю. Не дадим врагу землю топтать.

Братья разом бросили стелить постель и пошли за Фёдором. Фёдор и говорит им:

— Только, чур, слушаться меня. Что я скажу, то и делать.

Идут они, а навстречу неприятельский отряд. Вдруг Федя подаёт команду: „Пли!“ И разом братья выстрелили.

Японцы, когда услышали стрельбу, увидели огонь, то тоже стали стрелять.

Если они стреляли по ногам, то Федя прискаки-

вал кверху и братья тоже, а если стреляли по головам, то Федя падал плашмя на землю и братья тоже делали. И вот начали они борьбу.

Братьям пришлось трудно. Он стал просить природу на помощь. Вдруг ниоткудова возьмись страшная буря, и деревья гнуло в дугу, а Федя с братьями хватался за вершины и вершины в момент разгибались, поднимали братьев в воздух и бросали на другую сторону, и в это время японцев приводили в замешательство. Братья продолжали стрелять. Японцы напирали сильнее. Отряд у них был большой.

Федя опять просил природу помочь и вдруг ниоткудова лес вставал преградою так, что вдруг загораживал дорогу. И неприятель приходил в большое замешательство.

Он стал просить всех зверей и птиц на помощь. Вдруг ниоткудова появились разные звери. Волки хватали японцев за ноги и тащили в разные стороны. Косматый медведь Мишка заявился с большой силой. Хватал колодины и кидал на неприятеля. На что и кабан—на него нельзя было надеяться— и тот прибежал, щелкая своими клыками.

Появились разные птицы: были и орлы, были и вороны, были и коршуны. Били японцев крыльями, клевали носами так, что японцам некуда было деваться. Белка—и та прибежала. Срывала кедровые шишки и била японцев по лбу.

А Федя братьям приговаривал:

— Стойте упорно. Не давайте врагу топтать советскую землю.

Братья ещё с большим напряжением принимались стрелять и бить японцев. И всё же было им невмоготу. Федя говорит:

— Вот видите, вся природа нам идёт навстречу. Вы, братья, стойте, а я побегу к пограничникам и сделаю тревогу.

И вот братья остаются, а Федя побежал. Сбросил с себя тужурку, сбросил с себя унты, изорвал

он все ноги, изорвал он все руки в кровь, но боли не понимал, думал только одно: добежать во что бы то ни стало. Силы перестают служить ему. Тут выскочил сохатый и говорит:

— Скорее, Федя, на меня садись, да покрепче за шерсть держись.

Пустился сохатый, как калёная стрела, спущенная из лука.

Добрался Фёдор к пограничникам. Сделал тревогу. Пограничники все были на ногах. А Федя и говорит:

— Идёмте, товарищи, японец зашёл, нарушил порядок и топчет советскую землю. Будем защищаться до последней капли крови!

И повёл Федя передом, а пограничники за ним.

Завёл он их с хорошей стороны так, что пограничники с Федей и братьями многих убили, многих ранили, а остальных забрали в плен.

Стали поздравлять пограничники Федю, а Федя их.

Командир и говорит:

— Как же вы это, братья, сумели трое бороться против целого отряда?

А Федя ему и отвечает:

— Товарищ командир, мы ведь были не одни, нам вся природа шла на подмогу: буря, лес, звери и птицы.

* * *

Прошло много времени, как Федя прогнал с братьями японцев. Фёдор уже вырос и стал взрослым хозяином, семейным. И он не оставлял свою охоту. В охоте везде ему природа помогала. Он сделался на Востоке известным охотником.

А враги, японцы, всё же нет, нет проскальзывали. Приходилось Фёдору не раз вступать в отряд и прогонять японцев. Но дело затянулось до Отечественной войны.

Вот в ряды войск вступает охотник Фёдор. Он

пошёл с большой охотой на японцев. Где он ни был, в каких боях ни участвовал,—везде была Фёдору удача. Фёдор не страшился и не боялся вражеской пули, потому что природа ему помогала.

Много его товарищей погибло, а Федя все оставался живым и невредимым. Был он при взятии Порт-Артура, был и при взятии Дальнего. Вместе с товарищами бился он с японцами не на живот, а на смерть. Никакие преграды их не держали. Японцы бежали в панике. Наши догоняли их, брали в плен и разбивали ихние крепости.

Порешили с японцами навсегда, чтобы не лез со своим нахальством на нашу советскую землю. Федя сказал тогда пленным японцам:

— Вот мы, русские, терпели сорок лет и ждали своей заветной мечты, что когда-то придёт конец этому, когда появятся у нас умные люди, умные богатыри. И мы дождались. Сейчас мы по указанию дорогого товарища Сталина победили и думаем, что навсегда.

Командир не может нахвалиться Фёдором. И до конца войны Фёдор остался жив и невредим. Он получил большую награду и даны были ему права проехать, куда он желает. Мог он проехать на запад, мог он проехать на юг, куда только были его желания. И побывал он в разных сторонах за его труд, за его доблесть. И побывал он в столице—Москве, о которой мечтал с детства.

Был он у дорогого товарища Сталина, который за высокую доблесть наградил его. Попрощался он с дорогим товарищем Сталиным и дал обет ему, что он будет честно трудиться и крепко беречь советские границы.

СТАЛИНСКИЙ ИСТОЧНИК

Русская сказка

В лесу дремучем, среди высоких скал и ущелий жил старик Григорий. У него было три сына. Старший Иван, средний Кеша, а младший сынок—Митя. Все три сына занимались охотой, ходили они изо дня в день на охоту.

Однажды Митя поднялся рано утром и ушёл на охоту. Проходил он весь день, а охота у него была неудачная. К вечеру поворотил он домой и вдруг попадает ему благородный марал с дорогими рогами. Митя очень обрадовался такой встрече. Он сдёрнул в плеч свою кремнёвку, навёл курок и выстрелил. В это время марал повернул свою голову, пуля угодила в рог и отстрелила. Марал бросился бежать, а Митя стал заряжать свою кремнёвку. Пошёл в то место, где стоял марал. Тут кровь ручьем пробежала, и он стал выслеживать по этой крови. Но не долго пришлось ему выслеживать, на дворе стало темно и Митя повернул домой.

Приходит он домой, братья встречают его и спрашивают, почему он не сказал и ушёл. Ничего не ответил братьям Митя и лег спать.

На утро он встал чуть свет, поел сухомятом хлеб с водою и поторопился итти, чтобы братья его не задержали.

Долго ему пришлось блудить и выслеживать то место, где был след крови.

Сколько он ни ходил, сколько не следил, но найти ничего не мог. Проходил он тоже до поздна и стал между собою говорить:

—Эка какая неудача, нет фарту.

На дворе стало позднеть. Хотел поворачивать домой и вдруг услышал он какой-то невнятный шорох. Стал он прислушиваться и что-то ему показалось в потемках наподобие марала.

И стал он на четвереньках к нему подкрадываться. Тонко нужно было прокрадываться: потому зверь был очень прыткий, мог убежать.

Дополз он к нему на близкое расстояние и стал рассматривать. Марал махал головой. И видит Митя одной половины рога не было. И всё он свой больной рог склонял к земле и опять подымал голову кверху, и Митя стал замечать: рог почему-то стал увеличиваться. Митя еще стал прилежнее смотреть и заметил, что рог марала восстановился и принял почти нормальное положение и зверь зашагал крупными шагами.

Не долго думая, стал Митя подползать к тому месту, где стоял благородный марал. Увидел он источник бурлящий, как в котле. Понял Митя, что зверь больной рог опускал в этот источник.

Заинтересовался Митя, взял он пригоршню этой воды и тоже хлебнул. Сперва вода показалась на вкус кислой, а спустя немного времени она стала ему приятной.

Домой пришёл он поздно. Братья ждали его ужинать. Садятся все за стол, начинают беседу. Спрашивают Митю, зачем он второй раз уходил и что видел?

Стал Митя рассказывать своему отцу и братьям, что он на место зверя открыл такое сокровище, даже не верится. Видел Митя, как марал отстреляный рог в чудесном источнике лечил.

Отец Мити крепко болел. Рассказал Митя отцу про чудесное действие источника.

—Завтра, папаша, я возьму посудину и пойду на этот источник.

А отец и говорит:

—Да найдешь ли только ты его?

Засмеялись братья, не поверили рассказу про чудесный источник. Рано утром Митя взял стеклянную посудину и пошёл разыскивать чудесный источник.

Приходит он рано на источник. А на источнике были всевозможные звери. Были тут и олени, и горные бараны, и козлы, и лисицы, и рыси. И все пили этот источник и между собой переговаривались:

Козёл говорит:

—Скакал я по скалам—расколол ногу. Теперь приходится лечить ногу.

Олень рассказывает:

— Повернулся я быстро и чуть шею не сломал. Вот и делаю себе примочки из источниковой воды.

Кто жаловался на плохой аппетит, а кто на боли в желудке.

Митя слушал и не хотел мешать ихнему разговору. Звери все разошлись. Подошёл он к источнику, зачерпнул себе воды и закупорил её крепко в бутыль. Немного отошёл с того места, бутыль от крепости воды лопнула.

—Ах,—Митя даже заплакал и говорит,—какая неудача!

И он стал делать заметки, где пригнет кусточек, где вершинку сломит и таким путём пришёл он домой.

Пришёл Митя домой, а братья и спрашивают:

—Ну, брат, где источниковая вода?

Тогда он говорит, что вот случилось несчастье, бутыль не выдержала и лопнула. Братья ещё стали пуще смеяться и говорят ему:

— Нет, брат, что-то нам не верится, что ты нашёл целебный источник.

Ничего не ответил им Митя и раненько лёг спать. Встал он рано утром, взял алюминиевую фляжку и пошёл за водой. Но по заметкам он не блудил и скорешенько пришёл на источник и почерпнул этой воды и обратно, чуть не бегом. Он боялся, как бы и алюминиевая фляга его не лопнула. Но на флягу источник не подействовал.

Приносит Митя домой флягу, наливает кружку, подает отцу. Отец взял эту кружку, стал её пить с осторожностью. На первый раз она также ему показалась не так приятна, а когда он её всю осушил, постоял немного времени и почувствовал в своем желудке большую перемену.

Весть про целебный источник разлетелась по всей округе. Все стали приходить и спрашивать Митю. Митя стал каждого водить на этот источник, и люди стали пользоваться им. Вскоре весть о источнике дошла и до богатых людей.

Захватили богатые люди целебный источник и стали строить разные постройки. Прогнали бедный люд от источника и поставили сторожей. Каждый год к целебному источнику стало стекаться много богатого народа.

Проходит год, другой, проходит и третий. Источник стал исчезать и, наконец, скрылся. Долго искали богатые люди целебный источник, да так и не нашли.

Митя был страшно удивлён, куда девался целебный источник?

В глухую полночь, когда сторожа ушли, Митя пробрался к источнику и прилёг на зелёную траву. Вдруг он услышал журчание: будто несколько источников стали между собой говорить:

— Придёт время, когда родятся на земле великие мудрые люди и возьмут в руки власть, и тогда мы опять появимся на поверхности земли и к нам потекут со всех сторон рабочие люди.

Митя не стал долго лежать там: боялся, как бы кто его не заметил.

Приходит он домой и стал рассказывать братьям и отцу. Братья опять стали над ним смеяться.

— Как ты это, Митя, много знаешь. Перво говорил, что звери разговаривали, понял их, теперь даже и источники ты понимаешь.

—Не понимал бы я это. Однажды мне пришлось в тайге видеть какие-то плоды чудесные, срывали их

птицы. И я тоже делал. Думаю, что бы значило, дай-ка я сорву плоды. И когда скушал этот плод, стал и я понимать, о чем травы шепчутся, о чем деревья скрипят.

Братья над ним смеялись.

А Митя не стал их уверять.

В одно прекрасное время свергнули царя. Прогнали приспешников его. Пришли великие, мудрые люди—товарищ Ленин и товарищ Сталин и поставили советскую власть. Послали они своих людей посмотреть, где что хорошее, где что худое. Хорошее—продолжать, а худое уничтожать. И вот как раз эти люди пришли и посмотрели на целебный источник и узнали, что он великое имеет целебное свойство. Доложили об этом дорогому товарищу Сталину.

Послал дорогой товарищ Сталин своих людей восстановить целебный источник и устроить там все по хорошему. Поставили там разные гостиницы, столовые да курзалы, провели электричество и осветили тайгу. Провели туда и радиоузел.

Приезжают к целебному источнику рабочие люди, кто честно трудится, тот и довольствуется всеми благами. Лечатся здесь рабочие люди, отдыхают, уезжают к себе на родину и прославляют дорогого товарища Сталина и с утроенной силой работают для блага народа.

И стоит там памятник дорогому товарищу Ленину с распростертой рукой, приглашает всех, кто имеет право на труд, тот имеет право на отдых.

И назвали этот целебный источник именем дорогого товарища Сталина и славушка прошла о нем по всему земному шару.

Прошло тридцать лет и с каждым годом светлее и краше становится. Все выше и выше поднимает он свои целебные воды, все чище и чище, светлее да светлее и нет равного ему!

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В основу настоящего издания—„Избранные сказки" Е. И Сороковикова-Магая составителем сборника А. Б. Гуревичем положены сказки, опубликованные им в сборнике „Русские сказки Восточной Сибири", Иркутск, 1938 г. (раздел-Традиционные сказки) и сборнике „Великие Баторы-(раздел-Новые сказки, записи 1947 г), находящемся в печати; некоторые сказки печатаются по рукописи собирателя.

В стенограммы записи традиционных сказок тов. А. А. Белоусовым внесены редакционные исправления—опущены отдельные повторы, фонетические и морфологические особенности.

Стенограммы записи новых сказок даны в литературной обработке А. А. Белоусова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Егор Иванович Сороковиков-Магай 7

Русские традиционные сказки

Иван-царевич и серый волк 33
Еруслан Лазаревич 52
Иван-царевич и буй волк 87
Про хорошего охотника 99
Иван-царевич и Олихон богатырь 114
Найден Попович 127
Как мужик от нужды избавился 145
Беспечальный монастырь 154
Поп и псаломщик 158
Лев и конь 162
Волк, пёс и кот 164
Как мужик гусей делил 167

Из местных сказаний

О гордом Иркуте и о мудром его отце Мунко-Саридак . . . 171

Новые сказки

Богатырь и двуглавый орёл 171
Самое дорогое 183
Чудесные небесные птицы 188
Крылатые подруги 200
Рыбак Василий и его семья 204
Гитлерище поганое и его хвост 208
Как охотник Фёдор японцев прогнал 211
Сталинский источник 217
От издательства 222

Отв. редактор *А. А. Белоусов*
Тех. редактор *Ц. Б. Аханов*
Корректор *Л. Окороков*

* * *

Сдано в производство 19/III 48 г.
Подписано к печати 15/IV 48 г.
Бурмонгиз № 39. Зак. № 1331. Н-02681
Объем 14 печ. лис. Авт. лис. 10,2
Тираж 10000

* * *

Цена книги 10 руб.
Переплет 1 руб.

* * *

Типография
Государственного газетного из-ва
при Совмине БМАССР

